МОИСЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

КУЛЬТУРА
И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Всероссийская научная конференция
(Москва, 26 июня 2018 г.)

МОИСЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

КУЛЬТУРА
И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Всероссийская научная конференция
(Москва, 26 июня 2018 г.)

Доклады и материалы

под редакцией А. В. Костиной, Вал. А. Лукова

Издательство Московского гуманитарного
университета
2018

УДК 008
ББК 71
М71

Редакционная коллегия:
А. В. Костина (отв. ред.), Вал. А. Луков (отв. ред.),
Б. Н. Гайдин, В. А. Гневашева, Э. Ф. Макаревич

М71 Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации : доклады и материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 26 июня 2018 г.) / под ред. А. В. Костиной, Вал. А. Лукова. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. — 314, [VI] с. Режим доступа: http://publications.mosgu.ru/index.php/main/catalog/book/7 Сист. требования: Adobe Reader 10.0 и более поздние версии.

ISBN 978-5-907017-63-4

В сборнике по итогам Всероссийской научной конференции «Моисеевские чтения», прошедшей в Московском гуманитаном университете 26 июня 2018 г., представлены статьи, полготовленные по докладам на пленарном заседении и выступлениям на секциях. Моисеевские чтения 2018 г. посвящены культуре и гуманитарным проблемам современной цивилизации.

ББК 71

ISBN 978-5-907017-63-4

© Авторы, 2018.
© Московский гуманитарный университет, сост., 2018.

ВВЕДЕНИЕ

Моисеевские чтения — это конференция, посвященная тем проблемам, которые находились в центре внимания академика Н. Н. Моисеева, особенно, в последние годы его научной деятельности. Это мероприятие органично продолжает ряд тех международных и национальных конференций, посвященных устойчивому развитию, глобальным проблемам, экологической тематике, которые были проведены в Московском гуманитарном университете в течение ряда лет.

Но этот проект — особый. Для его появления в нашем Университете существует целый ряд веских оснований. Во-первых, имя действительного члена Академии наук СССР Н. Н. Моисеева прочно связано с Русским интеллектуальным клубом, созданным в Московском гуманитарном университете по инициативе ректора МосГУ И. М. Ильинского и ведущим свою деятельность вплоть до настоящего времени. Первым президентом Русского интеллектуального клуба был именно академик Н. Н. Моисеев — великий гуманист XX века, ученый-энциклопедист, математик, человек, обладающий ярко выраженной гражданской позицией. В честь выдающегося мыслителя в Союзе негосударственных вузов Москвы и Московской области по инициативе МосГУ учреждена Медаль имени Н. Н. Моисеева, которой награждаются ученые Университета за крупные научные достижения.

Кроме того, Н. Н. Моисеев вошел в историю как ученый, деятельность которого была тесно связана с решением глобальных проблем, прежде всего, экологических, с соответствующими разработками Римского клуба, с которыми он был хорошо знаком. Н. Н. Моисеев выступил в качестве редактора книги одного из основателей римского клуба Дж. Форрестера «Мировая динамика», к этому труду он написал большую вводную статью, содержащую концептуальные положения его собственного видения процессов, происходящих в атмосфере и мировом океане. В 1971 г. Н. Н. Моисеев на Первой Конференции по глобальным проблемам, организованной ЮНЕСКО, стал автором доклада, развивающего идеи «пределов роста» Д. Медоуза. Ученый обосновал необходимость учета взаимовлияния всех основных систем планеты Земля — океана, атмосферы, биоты, что стало основой многолетних исследований в

этом направлении Вычислительного Центра АН СССР, где он с 1958 по 1986 г. занимал должность заместителя директора.

Но самым известным исследованием Н. Н. Моисеева стали расчеты последствий «ядерной зимы» — они были опубликованы в 1985 г. в книге Н. Н. Моисеева, В. В. Александрова и А. М. Тарко «Человек и биосфера». Эти результаты и выводы ученого стали сдерживающим фактором в гонке вооружений в 60-80-е годы XX века, они продолжают оставаться и сегодня важной мировоззренческой идеей, во многом определяющей характер современной политики. Именно эти исследования обусловили тематику не только научных разработок, но и направленность общественной деятельности Н. Н. Моисеева. До последних дней он оставался президентом Российского экологического движения «Зеленый крест», президентом Российского национального комитета содействия Программе ООН по охране окружающей среды, возглавлял в качестве главного редактора журнал «Экология и жизнь». За выдающиеся открытия в 1980 г. Н. Н. Моисеев был удостоен звания лауреата Государственной премии, а в 1981 г. — премии Совета Министров. В 1994 г. он стал лауреатом международной премии «Glob-500», в 1997 г. был награжден Золотой медалью П. Л. Капицы. В 1999 г. за экологическую направленность своей научной и общественной деятельности был признан «Зеленым человеком года».

Экологические принципы развития являются ведущей парадигмой и для нашего вуза, что воплощается в проекте «Зеленый университет». Его основной целью является формирование экологического сознания студентов Университета и Колледжа, которое выступает как одно из важнейших качеств личности человека XXI века. Кроме того, наш Университет сам по себе является в определенном смысле мини- экосистемой. Уникальная территория МосГУ располагается на 55 гектарах садово-парковых земель, где сформирована совершенно особая природная среда. Поэтому задача тех, кто здесь учится и работает — сохранение этой уникальной системы. Экологическая культура, которую мы стремимся сформировать у студентов — это часть общей культуры человека. Она проявляется как в большом — например, в ответственности за природу, отказе от излишнего потребления, так и в малом — раздельном сборе отходов, бережном использовании природных ресурсов.

Сама концепция «зеленого университета» предполагает создание на базе вуза некой модели «зеленой» экономики, требующей введения разного рода инноваций — технических, управленческих, образовательных, — но главное — формирования экологической сознательности, овладения конкретными навыками, позволяющими каждому из нас внести свой вклад в охрану окружающей среды. Среди действий Университета в этом направлении — раздельный сбор отходов на рабочих местах и сдача их на переработку, что позволило на несколько сотен тысяч рублей уменьшить эко-налог, который нам приходилось платить многие годы. Сейчас мы работаем над проектом переоборудования территории и помещений Университета для более масштабного сбора отходов. Мы работаем над схемой сокращения количества принтеров, картриджей и использования бумаги, активно вводим электронный документооборот, двустороннюю печать, проводим мероприятия, направленные на сокращение потребления энергии и воды. В прошлом году впервые приняли участие в Часе Земли.

Мы считаем очень важным наполнять всю жизнь нашего студенческого сообщества самыми различными по формату мероприятиями, которые способствуют формированию экологического сознания. Наш университет уже второй год принимает участие в Вузэкофесте, Кубке экологических квестов, а также международной конференции «Устойчивые университеты за чистое будущее», проходящем на базе МГИМО (У) МИД РФ. Целью данных мероприятий является объединение студенческого сообщества для обмена передовыми знаниям в области устойчивого развития, создание совместных проектов с различными компаниями и научно-исследовательскими институтами.

Дважды в год в МосГУ проходит Зеленая неделя, для школьников в стенах Университета круглый год работает Школа юного эколога, студенты принимают участие в дискуссиях с учеными-экологами в научно-популярном лектории EcoTalks, в Университете создана зона Зеленого детокса и Зеленая станция, которые функционируют как особые рекреационные зоны и одновременно как центры экологического развития и просвещения.

За наши усилия в области экономии ресурсов на рабочих местах наш Университет был награжден дипломом Департамента при-

родопользования и охраны окружающей среды города Москвы за «Самый высокий уровень эко-сознательности сотрудников».

Убеждена, что вузам, разделяющим идеи устойчивого развития, необходимо объединяться. В 2016 г. одним из наших партнеров — фондом Русский углерод — была выдвинута инициатива создания Международной ассоциации «зеленых» университетов. В итоге, МосГУ и еще несколькими российскими и зарубежными вузами был подписан Меморандум о намерениях создания такой ассоциации. Поскольку экологическая составляющая выступает органичной частью концепции «устойчивого развития» («sustainable development»), в ближайшее время нам необходимо разработать стратегию устойчивого развития Университета, расширить движение эко-волонтеров, активисты которого смогут не только разрабатывать, но и самостоятельно реализовывать экологические проекты.

В общем, планов, соответствующих нашим задачам, много. Много и мероприятий по продвижению к нашей общей цели. Одно из них — конференция «Моисеевские чтения», продолжающая и развивающая идеи устойчивого развития и коэволюции человека, природы и общества, заложенные академиком Никитой Николаевичем Моисеевым.

Проректор Московского гуманитарного университета
по инновационному развитию,
кандидат педагогических наук
Н. И. Ильинская

КУЛЬТУРА
И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Пагуошское движение и социальная ответственность ученых

М. А. Лебедев
Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН

В статье приводится краткий очерк истории, деятельности и достижений Пагуошского движения ученых. Являясь ведущей и авторитетной международной неправительственной организацией по вопросам разоружения, международной безопасности и научного сотрудничества, она была удостоена Нобелевской премии мира 1995 г. Отдельное внимание уделено роли Российской академии наук в развитии научной дипломатии и вкладу ученых России в укрепление международного мира и безопасности.

Ключевые слова: Пагуошское движение ученых; международное научное сотрудничество; научная дипломатия; разоружение; ядерное нераспространение; социальная ответственность ученых; Академия наук

Ядерное оружие остается одним из главных факторов в мировой политике. Сразу после проведенных в 1945 г. испытаний ядерных зарядов, многие в мире начали борьбу за запрещение и ликвидацию этого вида оружия массового уничтожения. Одним из ярких и наиболее успешных примеров такой деятельности стало Пагуошское движение ученых (Pugwash Conferences on Science and World Affairs) — авторитетная международная неправительственная научная организация, удостоенная в 1995 г. Нобелевской премии мира (совместно с одним из ее основателей сэром Дж. Ротблатом) за усилия по уменьшению роли ядерного оружия в международной политике и по уничтожению, в конечном итоге, такого оружия.

9 июля 1955 г. в Лондоне был оглашен Манифест Рассела-Эйнштейна — выдающийся научный, философский и политический документ. Он положил начало Пагуошскому движению ученых. Помимо Альберта Эйнштейна и Бертрана Рассела документ также подписали девять крупнейших деятелей науки, большинство из которых — лауреаты Нобелевской премии: М. Борн, П. Бриджмен, Л. Инфельд, Ф. Жолио-Кюри, Г. Меллер, Л. Поллинг, С. Пауэлл, Дж. Ротблат и Х. Юкава.

Проект документа был направлен советскому ученому, известному физику академику Д. В. Скобельцыну. Однако партийные органы СССР не дали согласие на подписание им Манифеста. В итоге под документом нет фамилий советских ученых (У истоков..., 1990).

Авторы Манифеста отмечали: «Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достижения военной победы тем лагерем, к которому мы принадлежим, ибо таких шагов больше не существует; мы должны задавать себе следующий вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников?» (Лебедев, 2007). В заключении содержалось предложение созвать встречу ученых по рассмотрению угроз, которые несет миру ядерное оружие.

Первая Пагуошская конференция с участием 22 ученых (большинство из которых были физиками-ядерщиками) из 10 стран состоялась 7–10 июля 1957 г. в маленькой рыбацкой деревне Пагуош (Pugwash; графство Камберленд, провинция Новая Шотландия, Канада) — родине известного канадского предпринимателя-миллионера и общественного деятеля С. Итона, оказавшего финансовую поддержку организаторам. Конференция положила начало многолетнему плодотворному диалогу ученых из многих стран по наиболее актуальным вопросам науки и политики.

Все участники конференции получили персональное приглашение и не представляли какую-либо страну или организацию. Это правило стало непреложным и действует поныне. Вторая традиция Пагуоша — проведение дискуссий при закрытых дверях: по завершении делается лишь краткое заявление для прессы. Важнейшей особенностью всех Пагуошских конференций является приверженность их участников исключительно научному подходу к поиску путей решения глобальных проблем человечества. Междисциплинарный и независимый характер Пагуоша служит достижению поставленных целей и задач. Все это способствует плодотворной работе по выработке рекомендаций для высшего политического руководства государств и крупнейших международных организаций (ООН, МАГАТЭ, ВОЗ и других) с целью решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

После XX съезда КПСС (1956) Академия наук СССР начала активную работу по восстановлению международных научных связей, прерванных в 1930-х годах. В середине 1950-х годов АН СССР стала членом международных научных союзов и организаций в области физики, химии, биологии, астрономии. В 1955 г. советские ученые участвовали в 1-й Международной конференции по мирному использованию атомной энергии (Женева, 1955). В том же году делегация АН СССР приняла участие в конференции Международной ассоциации парламентариев, созванной в Лондоне и посвященной теме «Ученые и ядерное оружие». Тогда же началась подготовка к проведению Международного геофизического года (1957–1958), внесшего большой вклад в развитие международных научных связей Академии.

В новых политических условиях партийные инстанции разрешили АН СССР принять участие в конференции ученых, инициированной Манифестом Рассела-Эйнштейна. «Совершенно секретным» постановлением Секретариата ЦК КПСС от 16 мая 1957 г. № Ст41/145гс было принято предложение Академии наук СССР «о направлении в июле с. г. в Канаду для участия в работе совещания, посвященного обсуждению вопросов об опасностях, связанных с развитием оружия массового уничтожения и эффективных мерах защиты от ядерного оружия» делегации АН СССР (Академия..., 2010: 734).

Среди участников конференции в Пагуоше были видные советские деятели науки: главный ученый секретарь Президиума АН СССР, директор Института нефтехимического синтеза АН СССР академик А. В. Топчиев, академик Д. В. Скобельцын и директор Института биофизики АН СССР, будущий член-корреспондент АН СССР А. М. Кузин. Секретарем делегации был сотрудник аппарата Президиума АН СССР В. П. Павличенко, в течение многих лет занимавший должность ответственного секретаря Советского Пагуошского комитета (1957–1966, 1973–1991).

Участниками встречи в Пагуоше были подготовлены научные доклады, а также заявление, оглашенное во время пресс-подхода в Пагуоше. В нем, в частности, говорилось: «В результате развития атомной энергии возникли международные проблемы двух видов: технические и политические. Конференция ученых может с особой компетентностью обсудить только научные и технические последст-

вия развития атомной энергии. Однако подобное обсуждение может быть плодотворным только тогда, когда принимаются во внимание политические проблемы, на фоне которых проходят международные переговоры […]. В своих попытках сформулировать выводы, которые вытекали из нашей дискуссии, мы […] старались избегать какого-либо обострения противоречий между государствами, которое могло бы возникнуть, например, в результате подчеркивания таких технических соображений, которые нежелательны либо для одной, либо для другой группы держав.

Людям науки сейчас хорошо известно, что плоды их трудов имеют первостепенное значение для будущего человечества, и в силу этого они вынуждены предусматривать политические последствия своей работы. Их взгляды на политические вопросы так же различны, как и взгляды других людей. Эти обстоятельства затрудняют для такой конференции, как нынешняя, опубликование согласованного заявления по вопросам, носящим противоречивый характер. Однако обсуждение подобных вопросов позволило определить степень расхождения и согласия и привело к определенному взаимопониманию точек зрения друг друга.

Работа конференции в основном сосредоточилась вокруг обсуждения трех основных вопросов: 1) опасности, возникающие из применения атомной энергии в мирных и военных целях; 2) проблемы контроля над ядерным оружием; 3) социальная ответственность ученых». В заключении ученые подчеркнули: «Мы хотели бы отметить высокую степень единодушия относительно главных целей, которую мы обнаружили среди участников конференции. Мы все убеждены в том, что человечество должно ликвидировать войны или стать жертвой катастрофы, что нужно решить дилемму противостоящих друг другу группировок держав и гонки вооружений, и что установление прочного мира будет означать начало новой и триумфальной эры для всего человечества» (Заявление..., 1957).

Летом 1957 г. АН СССР признала заявление ученых — участников Первой Пагуошской конференции важным вкладом в уменьшение опасности возникновения ядерной войны, установление прочного и постоянного мира. Тогда же постановлением Президиума АН СССР при нем был образован Советский Пагуошский комитет.

Ученые, объединенные Пагуошским движением, внесли выдающийся вклад в подготовку и заключение основополагающих международных актов в области разоружения и контроля над вооружениями. Среди них — Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, договоры ОСВ и СНВ, конвенция о запрещении бактериологического (биологического) и токсинного оружия, конвенция о запрещении химического оружия, Договор об обычных вооруженных силах в Европе и другие ключевые международные соглашения (Рыжов, Лебедев, 2005).

В 1964 г. Пагуошский Постоянный комитет сформировал Советско-американскую двухстороннюю группа по разоружению и контролю над вооружениями. Ее сопредседателями стали М. Д. Миллионщиков, возглавивший в том же году Советский Пагуошский комитет, и американский профессор-биохимик П. Доти. Группа детально обсуждала текущие проблемы контроля над вооружениями, такие как подготовка первого Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) и Договора по противоракетной обороне (ПРО) 1972 г., а также пути уничтожения в будущем арсеналов ядерного оружия. Ее участники рассмотрели множество вариантов сокращения вооружений, которые нашли практическое применение. Наиболее значительным результатом работы Советско-американской Пагуошской группы явилось достижение взаимопонимания относительно заключения Договора по противоракетной обороне (ПРО), о чем было официально сообщено правительствам двух сверхдержав. Концепция создания системы ПРО могла существенно дестабилизировать баланс ядерных сил путем увеличения запасов ядерного оружия. В 1967 г. Р. Макнамаре, в то время — министру обороны США, не удалось убедить в этом главу советского правительства А. Н. Косыгина. Однако во время обсуждения этого вопроса на встречах советско-американской группы академики М. Д. Миллионщиков и Л. А. Арцимович высказались за необходимость заключения соглашения по ПРО. В 1968 г. официальная позиция Советского Союза была пересмотрена, появилась возможность начать работу по подготовке соответствующего договора. Следует

отметить, что сторонником заключения этого соглашения был и академик А. Д. Сахаров. Почву для советско-американских переговоров по Договору по ПРО во многом подготовила двухсторонняя Пагуошская группа. Среди ее наиболее активных участников Л. А. Арцимович, А. П. Виноградов, В. С. Емельянов, Н. Н. Иноземцев, П. Л. Капица, М. Д. Миллионщиков, Е. М. Примаков, А. М. Прохоров, А. Н. Щукин (СССР) и С. Венс, П. Доти, Г. Киссенджер, Ф. Лонг, В. Панофски, Дж. Ратдженс, Дж. Руины, М. Шульман (США). Примечательно, что среди них были не только выдающиеся ученые, но и будущие министры иностранных дел обеих стран. В середине 1980-х годов при участии академиков Е. П. Велихова, В. И. Гольданского, Ю. А. Осипьяна, Н. А. Платэ, Р. З. Сагдеева, профессора С. П. Капицы и некоторых других советско-американские Пагуошские связи получили «новое дыхание» (там же).

По инициативе Пагуошского движения были, в частности, созданы Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (SIPRI), Международная школа по разоружению и исследованию конфликтов (ISODARCO) и другие неправительственные научные организации, в течение многих десятилетий успешно проводившие научные исследования и образовательные проекты. Пагуошское движение сыграло важную роль в урегулировании ряда конфликтов и кризисных ситуаций: в частности, в завершении войны во Вьетнаме, смягчении последствий ввода войск Организации Варшавского договора в Чехословакию и других (Рыжов, Лебедев, 2007). В последние десятилетия Пагуош активно участвует в процессе урегулирования на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Пагуошцы провели встречи и содействовали международным переговорам по ядерным программам Ирана и КНДР.

В Дагомысской декларации Совета Пагуошского движения ученых «Обеспечить выживание человечества», 30-летие которой отмечается в 2018 г., подчеркивается: «Не отказываясь от традиционных усилий Пагуоша, направленных на сокращение вооружений и предотвращение ядерной войны, мы вместе с тем должны признать, что разрушение окружающей среды и широкое обнищание стали свершившимися фактами и могут привести к всеобщей катастрофе, даже если удастся избежать ядерной войны. […]. Для того чтобы выжить, мы должны осознать, что разрушение окружающей среды

ослабляет всеобщую безопасность. Задача заключается в том, чтобы найти пути к обеспечению непрерывного развития всех регионов мира при устранении как военной, так и экологической угрозы. Для поддержания системы жизнеобеспечения необходимо развивать сотрудничество между государствами и организациями на международном, региональном и местном уровнях. Нужно приложить все усилия для воспитания чувства взаимозависимости и сотрудничества, а также для ликвидации экономической несправедливости и обеспечения взаимного доверия» (Proceedings... 1989: 26).

Пагуошское движение ученых активно участвовало в исследования по «ядерной зиме», руководителем исследований по разработке математической был академик Н. Н. Моисеев. Участник Пагуошского движения ученых и бессменный член Российского Пагуошского комитета с 1970 г., известный ученый, государственный и общественный деятель академик Е. М. Примаков отмечал: «В недрах Пагуошского движения формировались общие идеи о смертельной опасности для всего человечества использования ядерного оружия. Участники движения провели расчеты, осуществили моделирование, доказав, что в случае ядерной войны в мире настанет “ядерная зима” — резкое понижение температуры, при котором нет шансов выжить не только людям, но и всему живому. Немало сделали участники движения для того, чтобы запретить ядерные испытания в атмосфере, приблизиться к мораторию на испытания ядерного оружия во всех сферах» (Примаков, 2016: 49).

В 2017 г. в Астане состоялась 62-я Пагуошская конференция, в работе которой приняли участие более 200 ученых и специалистов из 42 стран мира, в том числе 15 представителей России. В приветствии Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в адрес форума, говорилось: «За шесть десятилетий Пагуошское движение утвердилось в качестве авторитетного и востребованного форума, предоставляющего возможность для экспертного обсуждения актуальных проблем контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения. Трудно переоценить его роль в сохранении атмосферы доверия и взаимопонимания в мировых делах, укреплении международного сотрудничества на основе принципов равноправия и учета интересов. В нынешней непростой ситуации, характеризующейся, в том числе, нарастанием факторов, подрывающих стратегическую стабильность, и распространением конфронтационных подходов к

вопросам ядерного разоружения, несущих риски размывания основ режима нераспространения, особенно востребован откровенный диалог между представителями академических кругов. Его проведение призвано способствовать предпринимаемым Россией и другими государствами усилиям по сокращению и ограничению вооружений, снижению напряженности, обеспечению мира, безопасности и стабильности. Убежден, что Пагуошское движение будет и впредь в числе наиболее активных участников такого открытого диалога».

В Астанинской декларации, изданной Пагуошским советом 29 августа 2017 г. по итогам 62-й Пагуошской конференции отмечается: «Прошло более семидесяти лет с первых двух ядерных взрывов, когда 170 000 человек были убиты и еще больше пострадали от атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Тем не менее, более 15 000 ядерных боеголовок продолжают представлять угрозу для человечества. Пока существует ядерное оружие, остается серьезная вероятность того, что ядерное оружие или устройство могут быть взорваны. В нынешнем международном климате существует повышенный риск того, что конфликт может обостриться, а ядерная опасность может вырваться из-под контроля. Необходимо подчеркнуть абсолютную необходимость предотвращения любого ядерного взрыва в любых возможных конфликтах или ситуации. В этом году исполняется 60 лет со дня первой Пагуошской конференции. […] В Международный день борьбы с ядерными испытаниями […] Пагуошский совет призывает все правительства и народы мира задуматься над серьезными и необратимыми экологическими и гуманитарными последствиями ядерного оружия и не жалеть усилий для достижения мира, свободного от ядерного оружия» (От запрещения..., 2017).

Российский Пагуошский комитет с момента своего основания в 1957 г. является национальным комитетом РАН и действует в качестве научно-координационного и научно-консультативного органа Президиума РАН. Его председателями были видные ученые, общественные деятели и организаторы науки академики А. В. Топчиев (1957–1962), В. А. Кириллин (1963–1964), М. Д. Миллионщиков (1964–1973; единственный до настоящего времени представитель нашей страны, занимавший пост президента Пагуошского движения), М. А. Марков (1973–1987), В. И. Гольданский (1987–2001), Ю. А. Рыжов (2001–2012). С 2012 г. комитет возглавляет академик-

секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН академик А. А. Дынкин. В общей сложности в Пагуошском движении приняли участие 149 членов РАН, в том числе 113 академиков, а также более 250 докторов и кандидатов наук, научных работников, молодых ученых и специалистов нашей страны. Среди них — лауреаты Нобелевской премии академики П. Л. Капица, А. М. Прохоров, А. Д. Сахаров, Н. Н. Семенов, И. Е. Тамм, И. М. Франк, П. А. Черенков.

Российский Пагуошский комитет объединяет 32 ученых и специалистов (2018), среди которых 17 академиков и один член-корреспондент РАН. В трудных и противоречивых условиях реформы Академии наук, вызвавшей неприятие со стороны большинства ученых, и глубокого кризиса в отношениях России с ее партнерами на Западе, комитет продолжает содействовать РАН в реализации ее уставных задач, в частности, по расширению международных и межрегиональных научных связей, развитии научной дипломатии. Комитет способствует повышению и укреплению авторитета РАН в мировом научном сообществе. Несмотря на возникшие серьезные трудности, вследствие изъятия из РАН академических институтов и увеличивающейся бюрократической нагрузкой, российские ученые продолжают участвовать в научных встречах Пагуошского движения, проводимых в разных странах мира, и организовывать Пагуошские конференции и семинары в различных регионах России.

Российские пагуошцы совместно с коллегами из других стран исследуют актуальность теории ядерного сдерживания в контексте новых угроз, перспективы ядерного разоружения, кризис архитектуры безопасности в различных регионах мира, а также такие проблемы, как международный терроризм, разработка новых военных технологий, роль научного сообщества и международных организаций в обеспечении международного мира и безопасности (Международная..., 2016: 9).

В конце 2017 г. в Москве состоялось заседание Президиума РАН, на котором был рассмотрен вопрос «О роли Российской академии наук в развитии научной дипломатии и международного научно-технического сотрудничества». РАН. Участники обсудили проблемы поддержки наукой дипломатических концепций, роли

Академии наук в развитии многосторонних и двухсторонних отношений между странами, использования международного научно-технического сотрудничества для построения дипломатических отношений. В ходе заседания было подчеркнуто, что Пагуошское движение ученых является классической формой научной дипломатии (Хализева , 2018).

Ученым, объединенным Пагуошским движением, принадлежит важная роль в поиске путей нормализации международных отношений, серьезно обострившихся во втором десятилетии XXI в., для построения справедливого, свободного и безопасного мира. Многолетняя и плодотворная деятельность Пагуошского движения ученых заслужила международное признание и уважение как у коллег, так и в широких политико-дипломатических кругах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академия наук в решениях КПСС: Бюро Президиума, Президиума, Секретариата ЦК КПСС, 1922–1991 (2010). М. : РОССПЭН. 1279 с.

Заявление ученых — участников конференции в Пагуоше (1957) // Вестник АН СССР. № 9. С. 7–10.

Лебедев, М. А. (2007) К 50-летию Пагуошского движения ученых // Экология и жизнь. № 10. С. 8–11.

Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение (2016): 70 лет после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки / отв. ред. А. И. Никитин, П. А. Корзун. М. : ИМЭМО РАН. 126 с.

От запрещения ядерных испытаний к запрещению ядерного оружия (2017): О 62-й Пагуошской конференции ученых // Человек. Энергия. Атом. Астана. № 2. С. 9–13.

Примаков, Е. М. (2016) Встречи на перекрестках. М. : Центрполиграф. 607 с.

Рыжов, Ю. А., Лебедев, М. А. (2005) Ученые Академии наук в Пагуошском движении // Вестник РАН. Т. 75, № 6. С. 491–497.

Рыжов, Ю. А., Лебедев, М. А. (2007) Юбилей Пагуошского движения // Вестник РАН. Т. 77, № 10. С. 938–947.

У истоков Пагуошского движения (1990) : (Документы, переписка) / предисловие Д. В. Скобельцына, М. А. Маркова // Вопросы истории. № 1. С. 97–114.

Хализева, М. Е. (сост.) (2018) Научная дипломатия как элемент «мягкой силы» // Вестник РАН. Т. 88, № 6. С. 492–499.

Proceedings of the 38th Pugwash Conference on Science and World Affairs “Global Problems and Common Security” (1989) (Dagomys, USSR, 29 August — 3 September 1988). London. xii, 576 p.

Лебедев Михаил Александрович — ученый секретарь Российского Пагуошского комитета при Президиуме Российской академии наук.

Капитализм, будущее мира и планы закрытых наднациональных структур глобалистов (на примере проблематики обсуждения на Туринской встрече Бильдербергского клуба 7–10 июня 2018 г.)

А. И. Фурсов
Институт системно-стратегического анализа
Московский гуманитарный университет

В статье анализируются планы глобалистов, отраженные в тематике обсуждения на июньской (2018 г.) встрече Бильдербергского клуба. Анализу предпослана общая оценка состояния современной капиталистической системы, ее характеристики по таким параметрам, как циклы накопления капитала, циклы гегемонии, кондратьевские волны, волны революций цен. По всем этим параметрам современный капитализм находится в острокризисной фазе. Это свидетельствует о его системном кризисе, что и нашло отражение в том, какие проблемы обсуждались в Турине Бильдербергской группой.

Обсуждение позволяет сделать вывод об основных направлениях деятельности глобалистов в ближайшие годы. Это: разрушение национальных государств и разгром их правящих элит; сокращение населения планеты; создание цифрового социума, позволяющего тотальный контроль над людьми с помощью искусственного интеллекта.

Ключевые слова: капитализм; глобализация; Бильдербергский клуб; циклы накопления; гегемония; волны революций цен

1

Н. Н. Моисеев много размышлял о будущем человечества — именно человечества в целом, с точки зрения его интересов как целостного субъекта. В этом выражался и гуманизм ученого, и социальная закваска советского человека, воспитанного на определенных идеалах. Реальность, однако, весьма сурова. Такой целостный субъект, как «человечество», существует лишь в теории. В действительности же существуют классы, слои, группы, организации, государства. Их интересы чаще всего носят антагонистический характер, что, конечно же, не афишируется, а, напротив, всячески камуфлируется и подается в виде общих человеческих, общечеловеческих, т. е. чело-

вечества в целом интересов, целей и ценностей. На самом деле под видом последних североатлантический правящий класс, ударная группа которого на данный момент — глобальные спекулянты, протаскивает свои узкоклассовые, а то и просто клановые интересы и ценности. Это — стандартный идеологический (информационно-психологический, психоисторический) ход, к которому прибегают довольно часто, — достаточно посмотреть жульнические доклады Римскому клубу (основан в 1968 г.). Нынешний мир — это не светлый мир Дара Ветера из ефремовской «Туманности Андромеды», а скорее темный мир Дарта Вейдера из «Звездных войн».

Один из главных вопросов социально-исторической теории и истории вообще и таковых капиталистической системы в частности — вопрос о том, кто является главным субъектом (или главными субъектами). В любой социальной системе главный субъект (он же — системообразующий элемент) — господствующий класс (слой). И, естественно, его властные организации, в частности — централизованные системы; в условиях капитализма это государство в смысле state, т. е. сфера насилия, обособившаяся от производственных отношений и осуществляющая легитимный контроль над ограниченной (хотя порой огромной) территорией и политические организации. Государство как state и политика суть формы, характерные только для буржуазного общества; докапиталистические и — шире — некапиталистические социумы в них не нуждаются.

Капитализм — первая историческая система мирового порядка. Капитализм — исходно мировая система; по крайней мере, как комплекс производственных отношений и рынок. А, следовательно, и господствующий класс, по крайней мере его наиболее сильные и богатые сегменты, должны функционировать в мировом масштабе, как мировой феномен. Это не отменяет ни национального государства, ни национальных капиталистических классов, оперирующих на уровне государства и в его рамках. Однако, во-первых, немало групп буржуазии действуют одновременно на национальном и наднациональном (мировом) уровнях. Во-вторых, есть такие группы крупной буржуазии, которые оперируют главным образом на мировом уровне. Прежде всего это крупный финансовый капитал, а со временем, особенно в XX — начале XXI в., это и промышленный капитал в лице транснациональных корпораций.

Одно из базовых противоречий капитализма как системы заключается в том, что в экономическом плане это мировое *целое*, а в политическом — *сумма* национальных государств. Таким образом мы получаем комплекс противоречий между целостностью и суммарностью, мировым уровнем и государственным, экономикой и политикой. Ясно, что на уровне государства этот комплекс тесно связанных противоречий решен быть не может. Решается он на ином уровне и в иных, нежели государственные, формах.

Хотя капсистема «поделена» на государства, крупная буржуазия (системообразующий элемент) часто реализует свои интересы за пределами собственного государства. Как правило, это сопряжено с нарушением законов собственной страны и страны (стран) ее деятельности. В связи с этим ясно: нормальное функционирование высших («мировых», «наднациональных») сегментов буржуазии и функционирование капитализма как системы требует в качестве conditio sine qua non наднациональных организаций мирового согласования и управления. Эти организации и являются средством снятия тройного противоречия, речь о котором шла выше. Они, представленные ложами, клубами, комиссиями и пр., столь же необходимая форма политико-экономической жизни капитализма, как государство с его партиями, парламентами и т. д. Более того, уже в конце XIX в. в западноевропейском ядре мировой капсистемы эти организации заняли центральное место, тогда как партии, парламенты и пр. («первый», видимый контур власти) стали функцией клубов, лож, комиссий и пр. (т. е. «второго», невидимого контура власти). Причем если сначала решающую роль играла британская часть «второго контура», то со временем к ней присоединилась американская. Происходило это по мере формирования североатлантического правящего класса; наиболее динамичные фазы этого процесса в XX в. приходились на годы правления в США президентов из Демократической партии (В. Вильсон, Ф. Рузвельт, Дж. Кеннеди, Дж. Картер). Фазы развития закрытых наднациональных структур совпадают с основными этапами формирования североатлантического правящего класса, а эти последние — с основными этапами развития капитализма как системы.

Длительное время доминирующей оргформой закрытых наднациональных групп было масонство. К последней трети XIX в. в результате побед «масонских» революций произошло огосударст-

вление масонства. На этом его восходящая история завершилась. Новая эпоха потребовала принципиально новых закрытых наднациональных структур — типа «Тайной Германии» или общества Родса–Милнера («Мы»), сыгравших (особенно второе) значительную роль в подготовке обеих мировых войн XX в. Послевоенная эпоха потребовала новых наднациональных структур закрытого и полузакрытого типа, и за 30 послевоенных лет они не преминули возникнуть. Одной из таких структур и был Бильдербергский клуб (1954 г.), ну а последними стали Римский клуб (1968 г.) и Трехсторонняя комиссия (1973 г.) — их возникновение пришлось на окончание послевоенного периода (1945–1975 гг.), вслед за которым пришла эпоха, завершающаяся на наших глазах и более или менее плавно перетекающая из предвоенной в военную, а точнее — в эпоху войномира, когда грань между войной и миром становится пунктирной, а то и вовсе стирается.

Эта эпоха потребует новых закрытых наднациональных структур, которые, однако, до сих пор не появились. Впрочем, на финише, а еще точнее — в процессе агонии капитализма, возможны иные варианты, в частности, сращение «первого» и «второго» контуров. Не сталкиваемся ли мы именно с чем-то подобным в явлении, не совсем точно именуемом «глубинное государство», комбинирующим формальные и неформальные черты и — почти по ленинскому рецепту — легальные и внелегальные?

Итак, Бильдербергский клуб — одна из закрытых наднациональных структур уходящей эпохи, которая сохранилась в наши дни и которая par exellence должна реагировать на острые проблемы капиталистического мира, погружающегося в терминальный кризис, анализировать и обсуждать их, т. е. по сути выполнять роль планерки для верхушки мирового капкласса.

2

Позднеперестроечная и послеперестроечная шпана приложила немало усилий, чтобы убедить население позднего СССР, а затем РФ в обреченности советской системы (т. е. системного антикапитализма), а потому неизбежности ее гибели и победы капитализма. Реальность, однако, не такова. В конце XX в. над социальной пропастью зависли и капитализм, и антикапитализм (условно — США и СССР), причем ситуация капитализма и США была более угрожаемой. Однако западная элита переиграла тупую и жадную совет-

скую верхушку, и в Тартар истории совместными усилиями различных сегментов западной и советской верхушек в 1989–1991 гг. полетел СССР. Однако всего за 10 лет до этого ситуация виделась совсем иной.

Став президентом, Р. Рейган дал команду создать три независимые друг от друга группы (под руководством прогнозистов М. Гел-Манна, Р. Коллинза и Б. Боннера). Их задачей было дать прогноз и разработать наиболее вероятные сценарии развития США («капитализм») и СССР («социализм») и их отношений. Согласно прогнозам всех трех групп, в 1987–1988 гг. как американская экономика, так и европейская, включая восточноевропейский социалистический сегмент, должны были войти в очередной циклический кризис. Однако, подчеркивали прогнозисты, США не смогут купировать его, поскольку заняты конфронтацией с СССР на периферии капиталистической системы. В результате в 1990-е годы мир поразит депрессия, последствия которой будут намного более тяжелыми для Запада (вероятность прихода к власти в Италии, Франции, Испании, Великобритании и даже ФРГ левых сил; 25%-ная безработица в США, мятежи на классовой и расовой почве, падение объемов производства на 15–20%), чем для советского блока (несмотря на падение объема производства на 5–10%). Жесткая централизованная система и привычка русских переносить любые лишения и ряд других социальных и человеческих качеств позволят СССР при всех потерях справиться с кризисом лучше, чем США.

Примерно в то же время в СССР в закрытых записках для «компетентных органов» два советских ученых независимо друг от друга и, естественно, от американцев, сделали неутешительный для США и капитализма в целом прогноз на период с конца 1980-х по конец 1990-х годов. В. В. Крылов сделал это на основе традиционного политико-экономического анализа. П. Г. Кузнецов основывал свои расчеты на соотношении долларовой массы и вырабатываемой электроэнергии. По его мнению, в 1993–1995 гг. функционирование капитализма должно было привести к тому, что количество долларов в мировой экономике на 1 квт/ч электроэнергии, используемой в ней, превысит граничную величину. Результат — гиперинфляция цен, товаров и активов. Вывод: до конца XX в. капитализм как система должен рухнуть. Едва ли американцы знали о разработках Крылова и Кузнецова (впрочем, как знать), однако в любом случае

их собственных прогнозов хватило, чтобы понять: судьба Запада, капитализма, его господствующих групп зависит от максимального ослабления или разрушения СССР.

Анализ американских прогнозистов поставил Рейгана перед тем же выбором, что ситуация конца 1930-х годов — Франклина Рузвельта: либо серьезные социальные реформы с введением чрезвычайного положения, либо мировая война. Рузвельт выбрал войну и не прогадал. Рейган, в отличие от Рузвельта, жил в эпоху ядерного оружия и прекрасно понимал, что в случае войны СССР вполне может стереть Америку с лица земли. И в то же время максимальное ослабление СССР было единственным средством спасти Запад, капитализм от острейшего, возможно, терминального кризиса. Рейган выбрал войну, но не «горячую», а организационную, психоисторическую. В этой войне у капитализма нашелся союзник внутри СССР — та часть номенклатуры, которая хотела стать настоящим классом собственников и, превратившись в «орган мировой буржуазии» (Троцкий), «записаться в буржуинство».

С конца 1970-х годов СССР находился в состоянии структурного (но вовсе не системного) кризиса. Кроме того, в нем сложился квазиклассовый союз трех сил — части номенклатуры, части КГБ и теневого «капитала», поставивших задачу отодвинуть КПСС от власти под видом реформ. Это было трудно сделать, во-первых, без демонтажа СССР; во-вторых, без помощи определенных кругов на Западе. В начале 1989 г. эти круги окончательно перехватили контроль над «разрушением империи» (М. Олбрайт) и системы, превратили структурный кризис в системный, за чем последовали капитуляция Горбачева в Ватикане (1 декабря 1989 г.) и на Мальте (2–3 декабря 1989 г.), сдача соцлагеря и СССР (декабрь 1991 г.). К этому добавился каскад случайных событий, играющих особую роль в развитии непрогрессивных, событийно-вероятностных систем (смерть трех генсеков КПСС подряд, возрастное руководство и т. п.). Результат — капитуляция горбачевского руководства и разрушение СССР, отодвинувшее терминальный кризис капитализма на два — три десятилетия: средство спасения — ограбление бывшего соцлагеря. Кстати, и мирового кризиса 1929–32 гг., скорее всего, не было, если бы Россия в 1917 г. усилиями февралистов и их британских кураторов распалась на части и подверглась разграблению.

Последовавшее за этим разграбление Западом и его местными марионетками бывшего соцлагеря и прежде всего РФ позволило отсрочить наступление терминального кризиса почти на 20 лет. Однако судьба ничего не дает навечно, и в 2008 г. кризис пришел и с тех пор никуда не уходил. О том, что это кризис и финал капитализма, сегодня говорят даже официальные лица — например, организатор Давосского форума К. Шваб, канцлер Германии А. Меркель и другие. Их вердикт: «капитализм не соответствует современному миру». Причем несоответствие это носит почти тотальный характер, а кризис разразился сразу в нескольких сферах. По сути мы живем в эпоху совпадения, взаимоналожения нескольких кризисных волн, волнового резонанса кризисов.

3

Если брать накопления капитала, то капсистема прошла четыре цикла: генуэзско-иберийский (XV — начало XVII в.), голландский (конец XVI — конец XVIII в.), британский (середина XVIII — начало XX в.), американский (конец XIX — начало XXI в.). Заканчивается, а по сути закончился американский цикл накопления: феномен Трампа — это один из индикаторов финала. Новый цикл накопления капитала не просматривается, надежды на Китай в этом плане представляются беспочвенными.

Циклам накопления соответствуют (за исключением генуэзского) циклы гегемонии. Их было три: голландский (пик: 1625–1672), британский (пик: 1815–1873) и американский. У гегемонии США — два пика. Первый (1945–1975) связан с государством США, которое в середине суперкризисных для них 1970-х годов потерпело поражение в Холодной войне с СССР. Пережив кризис 1970-х и ползучий переворот, начавшийся убийством Кеннеди (1963) и завершившийся импичментом Никсона (1974), США из преимущественно государства превратились преимущественно в кластер ТНК, в конце 1980-х годов Глобамерику. Этот кластер («США 2. 0») и заставил капитулировать горбачевскую верхушку, взяв реванш за поражение государства США в Холодной войне. В 1990-е годы наступил второй пик гегемонии США как кластера ТНК с формирующимся новым ядром в виде «глубинного государства», а точнее — «глубинной власти». Этот тип оказался более скоротечным, чем первый: на сегодняшний день он практически пройден.

Еще по одной линии мир оказался в кризисном конце — по линии кондратьевских циклов. Во второй половине XX в. эта схема подверглась уточнениям и критике, однако в целом устояла. По мнению сторонников этой схемы, мировая экономика прошла 4 кондратьевских цикла, или 4 «волны». Каждая «волна» длится 50–60 лет и делится на «повышательную» (или А-Кондратьев) и «понижательную» (Б-Кондратьев) фазы. Первая «волна» — 1780–1844/51 (с переломом в 1810–1817); вторая — 1844–1896 (1873); третья — 1896–1945 (1914–1920). Четвертая стартовала в 1945 г., переход к понижательной фазе произошел в 1968–1973 гг., однако до сих пор не пришла пятая волна с ее повышательной фазой, длится понижательная (кризисная) фаза четвертой волны. Связано это, по-видимому, со следующим. Кондратьевские волны — порождение индустриальной экономики. В условиях гипериндустриальной экономики и порождающего кризис (и являющегося в то же время его порождением) глобального финансиализма схема перестает работать, свидетельствуя о терминальном характере кризиса.

Наконец, еще одна регулярность: волны революций цен (подробнее см. Hackett Fisher, 1996). Волна революций цен — это период, когда цены постепенно растут, а зарплаты снижаются; во время кризисной фазы этот процесс приобретает обвальный характер. Вслед за кризисом наступает период равновесия, эквилибриума, когда зарплаты растут, а цены снижаются. С окончанием равновесия опять накатывает, ускоряясь по ходу, очередная волна революций цен.

Исследователи ведут отчет сменам волн революций цен и равновесий со Средневековья. Так, первая волна — 1180–1350 гг.; острокризисная фаза — 1320–1350 гг., за ней пришел период равновесия — 1400–1470 гг. Вторая волна — 1480–1650 гг.; острокризисная фаза — 1590–1650 гг. (часть того, что историки называют «кризисом XVII века»); равновесие охватило период с 1660 по 1730 г. Третья волна вышла укороченной из-за начала индустриализации в Англии, французской революции и наполеоновских войн как ее «экспортного варианта»; острокризисная фаза — 1790–1810 гг. Следом пришло викторианское равновесие (1820–1880), а с 1890 г. покатилась новая волна. В 1970-е годы она вступила в острокризисную фазу, в которой мы сегодня и живем.

Таким образом, сразу по нескольким линиям исторического развития капсистема оказалась в финально-терминальных фазах — волновой резонанс кризисных эпох, увенчавший кризисный для капитализма, для его поздней стадии XX в. Если генезис капитализма приходится на 1450–1640-е годы, ранняя фаза — на 1650–1780-е; зрелая — 1790–1873/1914, то поздняя стартовала в 1914 г. и завершается на наших глазах.

При этом необходимо подчеркнуть следующее. Будучи исключительно динамичной системой, капитализм довольно быстро — уже к концу XIX в. — исчерпал свой *экономический* потенциал, что по-своему зафиксировали столь разные мыслители, как К. Каутский и В. И. Ленин. Мир оказался поделен, и дальнейшее повышение мировой нормы прибыли уже не могло быть обеспечено превращением некапиталистических зон в колониальную и полуколониальную зоны периферии капсистемы. В таких условиях фактором, мотором развития становилось разрушение развитых промышленных комплексов конкурентов, а затем их восстановление под контролем победителей. Средством решения стали мировые войны XX в. Экономическое развитие 1920–1930-х годов было обеспечено восстановлением при активном участии США и Великобритании разрушенных промышленно-экономических комплексов Германии и СССР; таковое 1945–1965 гг. — восстановлением разрушенных промышленно-экономических комплексов Германии, Японии, Италии, СССР. Таким образом, в XX в. по исчерпании экономической динамики капитализма на первый план вышла военно-политическая. Однако к середине 1970-х годов ее положительное (с 1945 по 1975 г. было создано товаров и услуг в стоимостном отношении столько же, сколько в 1800–1945 гг.) воздействие выдохлось, а новая война в условиях противостояния двух ядерных сверхдержав оказалась невозможной. Ситуацию разрешила победа западных верхушек над советской в психоисторической и организационной войне, за которой последовало разрушение соцсистемы и ее разграбление, отсрочившее кризис — но на исторически непродолжительное время. Нынешняя ситуация ставит перед мировой верхушкой три острые вопроса: 1) как пережить кризис; 2) как создать новую систему; 3) как сохранить в ней свои позиции и отсечь от «общественного пирога» огромную часть мирового населения. О том, насколько остро стоят эти

вопросы, свидетельствуют две последних — 2017 и 2018 г. — встречи Бильдербергского клуба.

4

7–10 июня 2018 г. в Турине (Италия) состоялась очередная встреча Бильдербергского клуба, который нередко называют чуть ли не «мировым правительством». Это не так. Во-первых, данный клуб на мировое правительство никак не тянет. Во-вторых, никакого мирового правительства нет — до сих пор эта мечта глобалистов не реализована.

Бильдербергский клуб был создан в 1954 г. Свое название получил по наименованию отеля «Бильдерберг» в голландском городе Остербеке, где прошла первая встреча клуба. В клуб вошли представители североатлантических элит, причем как стран-победителей, так и побежденных стран. Формально, внешне организатором клуба выступил муж королевы Нидерландов принц Бернхард. Бернхард цур Липпе представляет старинный немецкий аристократический род, правивший с XII по XX в. княжествами Липпе-Детмольд и Шаумбург-Липпе. Корни рода Липпе уходят в X в., а возможно и в более ранний период. Появление принца Бернхарда в качестве организатора клуба было весьма символично, учитывая тесную связь голландской монархии с британской, с одной стороны, и связи голландской аристократии с немецкой — с другой.

Главной целью клуба была консолидация западноевропейских элит под американским «зонтиком». Одной из задач клуба стало ежегодное обсуждение тех проблем, которые североатлантическим элитам представляются кардинально важными.

Бильдербердский клуб вовсе не является ни самой главной, ни самой закрытой наднациональной структурой. Есть намного более закрытые — например, «Le Siècle» («Век»), «Le Cercle» («Круг») и др.; я уже не говорю о более или менее регулярных неформальных встречах неклубного формата. И еще одно: информация о тематике закрытых встреч Бильдербергского клуба регулярно просачивается в печать посредством утечек — ясное дело, организованных. Таким образом, элиты информируют заинтересованную часть населения планеты о предмете своего интереса. Ясно также, что это пробные шары на предмет выяснения реакции, а также что сам Бильдербергский клуб в значительной степени выполняет роль ширмы, «акции прикрытия» для куда более серьезных структур и встреч. Тем не менее, проблематика встреч

клуба дает определенное представление о целях и взглядах мировой верхушки на текущую реальность, отражает их «повестку дня». Поэтому, с учетом всего сказанного выше, имеет смысл, во-первых, взглянуть на проблематику туринской встречи; во-вторых, сравнить ее с вопросами, обсуждавшимися годом раньше на встрече в Шантильи (США, штат Вермонт); в-третьих, попытаться вычислить реальные долгосрочные цели, на которые ориентировано решение кратко- и среднесрочных задач, обсуждавшихся бильдербергерами.

5

В июньской встрече в Турине приняли участие 123 человека, представлявшие 24 страны, 4 международные организации и Ватикан. Доминировали англосаксы — 38 американцев, 11 британцев и 4 канадца, т. е. немного меньше половины участников. Представлены были почти все европейские страны, а также Турция (5 человек).

Обсуждались следующие темы:

1. Популизм в Европе.
2. Вызов неравенства.
3. Будущее работы.
4. Искусственный интеллект.
5. США на распутье (США перед промежуточными выборами — avant mi-parcours).
6. Свободный обмен.
7. Мировое лидерство США.
8. Россия.
9. Квантовая информатика.
10. Саудовская Аравия и Иран.
11. Мир «постправды».
12. Актуальные (текущие) события (Réunion “Bilderberg 2018”… Электронный ресурс).

При сравнении с обсуждением в Шантильи вырисовывается следующая картина. А. Нагорный и Н. Коньков выделили три группы проблем (подробнее см.: Нагорный, Коньков, 2018: 1, 4–5).

Первая группа — темы, которые обсуждались в Шантильи, но не затрагивались в Турине (нумерация — по повестке в Шантильи).

2. Трансатлантические отношения: варианты и сценарии.

3. Трансатлантический оборонный союз: пули, байты, доллары.

4. Направление деятельности Евросоюза.

11. Распространение ядерного оружия.

12. Китай.

Вторая группа — проблемы, которые в той или иной степени обсуждались как в Турине, так и в Шантильи:

1. Администрация Трампа: отчет о работе.

6. Рабочие места, доходы и нереализованные ожидания.

9. Россия в международном порядке.

10. Ближний Восток.

11. Информационная война.

Третья группа — проблемы, которые не обсуждались в Шантильи, но стали предметом дискуссий в Турине: неравенство; искусственный интеллект; свобода торговли; мировое лидерство США; квантовая информатика.

Имеет смысл взглянуть на эти проблемы и поразмышлять над двумя вопросами: 1) почему в 2018 г. в Турине «выпал» ряд проблем, обсуждавшихся в 2017 г. в Шантильи? 2) что конкретно стоит за формулировкой каждой проблемы, решение каких задач подразумевает постановка проблемы? Ведь не о благе же человечества пекутся бильдербергеры, а о сохранении (программа-минимум) и улучшении (программа-максимум) своих позиций в мировой борьбе за власть, информацию и ресурсы — в борьбе за будущее, от которого со всеми его «общественными пирогами» хозяева мировой игры стремятся отсечь бóльшую часть человечества. Иными словами, имеет смысл разобраться в скрытых шифрах повестки дня бильдербергеров.

В Турине, по крайней мере, официально не поднимались обсуждавшиеся в Шантильи вопросы трансатлантических отношений и трансатлантической обороны. Неудивительно: эти отношения подорваны Трампом; как говорится, «вопрос неподготовлен» и одновременно «вопрос избыточно острый». Поэтому его обошли. Кризисные явления в Евросоюзе отодвинули тему «Направления деятельности Евросоюза». Вместо этого в Турине зазвучала тема — причем она идет первой в повестке — «Популизм в Европе». Под «популизмом» имеется в виду подъем в Европе движений и лидеров (М. Ле Пен, В. Орбан, М. Земан и др.) антиатлантической и антиевросоюзовской направленности, апеллирующих к национально-государственной идентичности. Именно эту идентичность в течение нескольких десятилетий стремились подорвать атлантисты, подме-

нив ее максимально от общей и нейтральной (вне-, а по сути антинациональной) евросоюзовско-общеевропейской, с одной стороны, и различными групповыми (меньшинства), с другой. Ярлыки «популизм», «национализм» нынешние хозяева Запада, глобальные спекулянты наклеивают на любые попытки сопротивляться глобализации/финансиализации мира.

Реальный смысл темы «Можно ли замедлить глобализацию» звучит так: можно ли косметически смягчить ее проявления, чтобы снизить накал протеста? За год выяснилось: нельзя, а потому вопрос был снят. Выход США из атомной сделки с Ираном сделал неудобным обсуждение вопроса ядерного нераспространения.

Второй комплекс — вопросы, в той или иной мере обсуждавшиеся бильдербергерами и в 2017, и в 2018 г. В 2017 г. американская тема звучала в одном измерении: «Администрация Трампа: отчет о работе», а в 2018 г. — уже в двух: «США на распутье» (в широком и узком — перед промежуточными выборами — смысле) и «Лидерство США». По сути в Америке идет холодная гражданская внутриэлитная война, по остроте напоминающая то, что предшествовало горячей гражданской войне в США 1861–1865 гг., и речь действительно должна идти о распутье: победа или поражение Трампа способны изменить ход не только американской истории, но и мировой, не говоря уже о мировой экономике. Глобалисты опасаются полуизоляционистского («Сделаем Америку снова великой!») курса Трампа, ослабления ответственности США за безопасность Евросоюза, улучшения отношений с РФ (тема «Мировое лидерство США»).

Курс Трампа также рушит сложившуюся в интересах глобальных спекулянтов систему мировой торговли и мировых финансов. Об этом открыто заявила в середине июля директор-распорядитель МВФ Кристин Лагард, моментально отреагировав на то, что по возвращении из Хельсинки со встречи с Путиным Трамп в Твиттере написал: ФРС должна не поднимать ставку, а опускать ее. То, о чем Лагард сделала специальное заявление, уже давно проговаривается в кругах глобалистских элит. Как заметил президент и основатель «Eurasia Group» Ян Бреммер, своей политикой Трамп подписывает смертный приговор доллару как мировой валюте, а, следовательно, нынешней мировой финансовой системе. Трамп действительно бьет по системе якобы свободной торговли, которую глобалисты созда-

вали с самого начала неолиберальной контрреволюции (начало 1980-х годов), а потому в Турине вопрос о «свободном обмене» логично оказался меж двух «американских вопросов», будучи тесно связан с обоими.

Вопрос, звучавший в Шантильи как «Ближний Восток», в Турине был конкретизирован: «Саудовская Аравия и Иран». По мере затухания конфликта в Сирии и переброски формирований ИГИЛ (запрещена в РФ) в Афганистан, прежде всего в Ваханский коридор, т. е. поближе к границе с Китаем с перспективой уйгуризации самого движения, на Ближнем Востоке расчищается площадка для полномасштабного конфликта Саудовской Аравии как ядра союза нескольких суннитских государств под американским «зонтиком» и шиитского Ирана. Понятно, что в случае возникновения войны вне игры в том или ином виде не останутся РФ и особенно Китай.

На обеих встречах обсуждались проблемы России и информационной войны, причем это взаимосвязанные вопросы: де-факто речь идет об информационной войне против РФ. В Турине вопрос информационной войны был поставлен как «Мир в эпоху “постправды”». Термин «постправда» отражает такую ситуацию, когда для обвинения не нужны доказательства, для доказательств — аргументы. «Постправда» — это право сильного, т. е. контролирующего власть, деньги и информацию, объявлять «черное» «белым» — и наоборот, без всяких доказательств вынося приговоры неугодным (см.: «малайзийский боинг, «отравление Скрипалей», «химатака в Сирии», «вмешательство РФ в американские выборы», дело ВАДА и т. п.). Постправда — это один из способов ведения информационной войны в условиях монополии на глобальные СМИ (а точнее, СМРАД — средства массовой рекламы, агитации и дезинформации) и крайней зомбированности населения.

Новыми темами в Турине стали «Будущее работы», «Вызов неравенства», «Квантовая информатика» и «Искусственный интеллект».

«Будущее работы» — это рабочие места и доходы. Речь идет о том, что идущая, а особенно грядущая автоматизация-роботизация выбросит на улицу огромные массы людей (рабочих, бухгалтеров, юристов, офисный планктон, продавцов, которые гордо называют себя «менеджерами по продажам» и многих других «менеджеров» такого типа; по-видимому, незавидна судьба представителей малого

и среднего бизнеса). В обществе глобального финансиализма все они не нужны — это, с точки зрения верхушки, просто лишние едоки, антропогенный балласт, давящий на планету. Какой-то части новых лишенцев удастся пополнить ряды прекариата — новой, характерной для умирающего капитализма социальной группы, идущей на смену пролетариату. Что касается последнего, то черту под его историческим бытием подводит простой факт: резкое снижение роли труда (рабочей силы) в создании прибыли. Но здесь необходимо оговориться: в развитом ядре капсистемы. В капсистеме в целом ручной труд продолжает играть значительную роль. Согласно подсчетам на 2010 г., если из мирового ВВП вычесть Китай и Индию, то он окажется на уровне 1980 г. Если учесть, что почти половина ВВП КНР и более половины ВВП Индии создается ручным трудом, то ситуация приобретает несколько иной характер. Впрочем, ситуацию с рабочей силой в ядре это не меняет, более того — ухудшает.

Тем, кто не попадет в прекариат, — прямая дорога в андеркласс или в небытие. Эти процессы создают серьезные проблемы для верхних сегментов системы — проблема контроля над ставшими ненужными массами, манипулирования ими и социальной утилизации. Проблемы обостряются ростом неравенства: с 1980-х годов богатые богатеют, бедные беднеют, а средний слой скукоживается. Например, в 2017 г., по данным компании «Wealth-X», несмотря на кризис, число миллиардеров в мире увеличилось на 15% и достигло рекордного количества — 2754 человек. Их общее состояние по сравнению с 2016 г. увеличилось на 24%. Не отстают от мировых и российские «коллеги». По данным «Bloomberg Billionaires Index», состояние 24 миллиардеров из РФ всего лишь за январь — июль 2018 г. увеличилось на 13 млрд 956 млн долларов.

Стремительный рост неравенства ставит перед мировой верхушкой вопрос идеологического обоснования этого процесса. Неолиберальная схема свое отработала, христианство тоже создает проблемы. Показателен интерес западных элит к магии и тем восточным учениям, главным образом китайским, в которых отсутствуют понятия «добра», «зла», «греха» и «совести». Однако в условиях кризиса недостаточно одной лишь новой идеологии или квазирелигии в качестве обоснования новых форм неравенства, убивающих любую мечту (прежде всего американскую) на изменение этой ситуации. Необходимы новые средства и формы управления. Отсюда интерес к квантовой информатике, к «циф-

ровизации экономики», за которой скрывается цифровизация общества, т. е. тотальный контроль над поведением. И если в РФ «цифровизация» (чего-либо) — это преимущественно новый способ распила денег, то на Западе это действительно способ формирования новых посткапиталистических производственных отношений, значительно более жестких, чем капиталистические, поскольку отчуждается в них и посредством них не рабочая сила в процессе действительного производства и создаваемый ею продукт, а сам человек как субъект целеполагания, как носитель волеразума. Так называемая «информационная цивилизация» есть не что иное, как социум тотального информационного контроля верхов над поведением, перемещением и даже мыслями общества.

Разумеется, именно столь сложная задача диктует необходимость развития искусственного интеллекта как управляющего центра цифрового мира. Здесь, однако, возникают две проблемы. Первая: работы по созданию искусственного интеллекта ведутся и за пределами Запада, например, в РФ, Китае. Одному искусственному интеллекту в качестве оружия может быть противопоставлен другой: как говорят на Руси, на всякую хитрую гайку найдется еще более хитрый болт. Вторая: сложность и неопределенность цифрового социума могут в какой-то момент сделать искусственный интеллект неуправляемым, «взбесившаяся электроника» начнет куролесить и ее придется уничтожать — если получится. Но даже если получится, как сможет дальше функционировать завязанный на искусственный интеллект и ставший враз безмозглым и беззащитным мир? Как будут функционировать люди-приложения к сложной электронной системе? В связи с этим перед мировой верхушкой встают две задачи. Одна — жесткое подавление разработок в сфере искусственного интеллекта (например, по той схеме, по которой израильтяне блокировали и блокируют разработки ядерных технологий в Иране — от бомбардировок и диверсий до убийства ученых). Вторая — поиск и реализация мер защиты от искусственного интеллекта; в реальности это означает создание наряду с первым второго (альтернативного и тайного) управляющего центра и практически неизбежную конкуренцию между ними — в духе двух фондов («академий») из азимовской «Академии».

6

Проблемотематика двух последних встреч бильдербергеров недвусмысленно указывает на магистральные направления действий мировой верхушки по созданию «нового прекрасного мира» — но-

вого и прекрасного, разумеется, для них, а не для большинства человечества. Прежде всего глобалисты будут продолжать разрушать национально-государственные формы — политические, идейные, ценностные — идентичность и национальную память. Это подталкивает их к переписыванию истории прежде всего противников Запада и глобализма. На этом пути глобалисты сталкиваются с национальными элитами, которые вовсе не готовы уступить место присланным из «Западной Орды» новым баскакам и приказчикам.

В слабых странах местные элиты будут подавляться силой, как это произошло в Югославии, Ираке и Ливии и отчасти в Сирии. С сильными, тем более ядерными странами такой «номер» не пройдет. Здесь будет задействована комбинация экономического давления с целью расшатать социальную ситуацию и розыгрыш антикоррупционной карты, тем более что в мире практически нет некоррумпированных национальных элит и правительств. Угроза экспроприации по суду или даже физического уничтожения (особенно если учесть криминализацию ряда секторов мировой экономики, ее операторов, да и ряда верхних сегментов мировой верхушки) станет стандартным способом давления на элиты отдельных государств с целью превращения «элитариев» в полных плохишей при буржуазии. Шанс устоять под натиском глобалистов имеют только те правящие элиты, которые идентифицируют себя с населением своих стран, работают на уменьшение неравенства и коррупцию и не склонны к «низкопоклонству перед Западом». Те, кто попытается договориться в индивидуальном или групповом порядке, обречены. Судьба Каддафи служит тому наглядным подтверждением. В одиночку или группой не спастись — только вместе со своим народом. Когда-то Ф. Бродель, назвав ситуацию кризиса феодализма и генезиса капитализма «социальным адом», поставил вопрос: можно ли вырваться из ада? Его ответ — можно, но в одиночку никогда (Braudel, 1979: 615). В одиночку, добавлю я, только к чертям на сковороду, по пути Березовского.

Еще одно магистральное направление — сокращение численности населения планеты. Способы — самые разные: от войн до поощрения гомосексуальных браков. На это же работает уничтожение традиционной семьи — опять же посредством поощрения гомосексуальных браков и ювенальной юстиции (последняя вообще должна быть объявлена вне закона).

Под лозунгами защиты природы, облегчения ее бремени от якобы избыточной человеческой массы глобалисты, используя так называемые экологические организации типа WWF и др., готовятся к зачистке планеты, создания фактических гетто на разрушенных войной территориях (например, часть Ближнего Востока), лишенных доступа к энергии, технологиям, медикаментам. Именно в подобного рода гетто будет вытесняться та часть населения, которую не удастся сократить. Разумеется, для такого варианта окончательного решения вопроса ставшего ненужным населения понадобится новая идеология — нечто покруче «рыночного либерализма» с его «не вписались в рынок».

Следующее направление — понижение интеллектуального и волевого уровня населения планеты. На это работают и обрушение образования, и детеоретизация науки, и зомбирование широких народных масс с помощью ТВ и СМРАДа, производящих все больше «тупых и еще тупее» — хотя, казалось бы, куда тупее. В первую очередь это касается населения самого Запада, прежде всего США. Сами жители этой страны отмечают резкое падение уровня грамотности, отсутствие даже начальных знаний по элементарным вопросам, зависимость от телеэкрана и голливудской пропаганды как путеводителя по жизни. Все это, пишет П. Стэплинг, результат того, что «четыре десятка лет длится программа по удержанию населения вне рамок информации» (Стэплинг, 2018: 11).

О ряде районов мира можно сказать, что там ведутся эксперименты и отрабатываются модели одновременно и по подавлению национальных элит и превращению их в капо социального (в перспективе — электронного) концлагеря, и по сокращению и геттоизации населения, и по зомбированию последнего либо с помощью СМРАД (Украина), либо с помощью деформированной религии (некоторые части Ближнего Востока), либо с помощью прямого насилия (части Африки).

Можно было бы выделить еще несколько направлений, просматривающихся и проговариваемых, в частности, в обсуждениях Бильдербергского клуба. Однако, думаю, для данной статьи достаточно сказанного.

Финальный вывод прост. Мир действительно оказался на краю пропасти, на дне которой не просто новая социальная система, а переформатирование человека как вида. Чипизация, нейроимплантиза-

ция, цифровизация — все это грозит уничтожением не только государства, традиции, но и человека как такового. Вся эта бесовщина развернулась по полной программе именно после разрушения Советского Союза — события, словно открывшего кладезь бездны. СССР при всех его недостатках сдерживал античеловеческую сущность позднего капитализма, заставляя его хозяев думать не только и не столько о нападении, сколько об обороне. Сумеет ли человечество породить, создать новое социальное средство/оружие укрощения Зла — вот в чем вопрос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нагорный, А., Коньков, Н. (2018) Июньские звезды. Четыре дня, которые изменили мир // Завтра. № 23 (1279). С. 1, 4–5.

Стэплинг, П. (2018) Пейзажи капитализма, или Зарисовки с натуры из исключительной страны // Пятая газета. № 31–32. С. 11–12.

Braudel, F. (1979) Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècles. P. : Armand Colin. Vol. II. Les jeux d'échange. 855 p.

Hackett Fischer, D. (1996) The Great Wave. Price Revolutions and the Rhythm of History. Oxford: Oxford University Press. XVI, 536 p.

Réunion "Bilderberg 2018" à Turin: découvrez la liste des participants… Les mondialistes de Bilderberg préoccupés par les soulèvements populistes en Europe! // Le nouveau journal de Jackturf. Blog éclectique: Courses, philosophie, actualités, religions… [Электронный ресурс]. URL: https://actucourses. blogspot. com/2018/06/reunion-bilderberg-2018-turin-decouvrez. html (дата обращения 6.08. 2018).

Фурсов Андрей Ильич — директор Института системно-стратегического анализа, директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (IAS), кандидат исторических наук.

Коэволюция и цивилизационные переломы в метаэволюционирующем информационном обществе: кибернетическое представление

С. Н. Гринченко
Институт проблем информатики
Федерального исследовательского центра
«Информатика и управление» РАН

Предлагается связать понятие «цивилизационные переломы» с системными переворотами в развитии Человечества — началами образования новых иерархических подсистем в ходе его метаэволюции (процесса последовательного наращивания числа ярусов иерархической системы в ходе ее формирования). По мере своего возникновения все такие подсистемы начинают взаимодействовать между собой, реализуя принцип коэволюции Н. Н. Моисеева в его расширенной трактовке, когда коэволюционируют отдельные иерархические подсистемы личностно-производственно-социальной кибернетической системы Человечества плюс Биосфера Земли. Делается вывод, что именно этот коэволюционный процесс, резко усложнившийся после 1981 г., является определяющим фактором наблюдающегося сейчас, с учетом значительной инерционности процесса, кризисного обострения в финансовых, экономических, социальных, демографических, геополитических и иных основополагающих сферах окружающего нас мира.

Ключевые слова: цивилизационный перелом; коэволюция; метаэволюция; кибернетическая система Человечества; метаэволюционирующее информационное общество; иерархическая система; Человечество в Космосе; мировой системный кризис

Развитие человечества на современном этапе часто определяют как *цивилизационное*, вкладывая зачастую в это понятие самые различные смыслы. Подобная многозначность затрудняет использование этого понятия, ибо всякий раз требуется пояснять, в каком именно смысле его применяют.

Так, БСЭ определяет *цивилизацию* как «уровень, ступень общественного развития, материальной и духовной культуры (античная Ц., современная Ц.)» (БСЭ..., 1978: 553), т. е. относит это поня-

тие к различным как пространственным (региональным) зонам, так и временн*ы*м срезам развития Человечества.

По мнению Н. Н. Моисеева, цивилизацией «целесообразно называть некоторую общность людей, связанную не только культурными традициями, технологическими навыками, особенностями политического и общественного уклада, но прежде всего структурой ценностей, особенностями духовного мира. Если угодно, — общностью миропонимания и близостью мировоззрений. Итак, цивилизация — это прежде всего некоторая общность людей!» (Моисеев, 2001: 88). В литературе этот термин, написанный со строчной буквы, часто используют для обозначения цивилизаций локальных во времени и в пространстве, а с заглавной — для обозначения Цивилизации общепланетарной, единственной в пространстве, но развивающейся во времени.

Как представляется, в наиболее общем смысле понятие *Цивилизация* является практически синонимом выражаемого на информатико-кибернетическом языке понятия «*самоуправляющаяся система Человечества*», которое и будет употребляться ниже, — с целью выяснить, с какими событиями в истории развития Человечества можно связать понятие «цивилизационный перелом».

В работе (Гринченко, 2007а) понятие «Человечество» было предложено рассматривать в системном аспекте: как *самоуправляющуюся (кибернетическую) иерархическую систему*, приспособительное поведение (реализация имманентной *поисковой активности*) представителей всех иерархических составляющих которой организуется по алгоритмам случайной поисковой оптимизации (*целевых критериев* энергетического характера — экстремального типа, и структурного характера — типа равенств и типа неравенств) и закрепляется в форме *системной памяти* личностно-производственно-социального: результата адаптивных влияний представителей вышележащих иерархических ярусов на структуру вложенных в них нижележащих.

При этом имеет место следующая интерпретация смысла последней: *Культура — это совокупность результатов антропогенной деятельности, отраженных в расширенной* ***системной памяти*** *всех составляющих социально-технологической системы Человечества* (Гринченко, 2007аб). Такая интерпретация близка к представлению о культуре Ю. М. Лотмана: «Культура — совокупность

всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения… Однако культура — не склад информации. Это чрезвычайно сложно организованный механизм, который хранит информацию, постоянно вырабатывая для этого наиболее выгодные и компактные способы… Культура — гибкий и сложно организованный механизм познания» (Лотман, 2000).

Ранее в работе (Гринченко, 2004) был введен термин *метаэволюция* — как процесс последовательного наращивания числа ярусов иерархической системы в ходе ее формирования, и показано, что система Человечества состоит из нескольких, последовательно возникающих в его историческом развитии, подсистем различной иерархической «высоты» (рис. 1).

Рис. 1. Система Человечества на первом этапе глобализации (в период 1946–1979 гг.)

Примечание: Восходящие стрелки в левых частях подсистем, имеющие структуру «многие — к одному», отражают *поисковую активность* представителей соответствующих ярусов в иерархии. Нисходящие сплошные стрелки в центральных частях подсистем, имеющие структуру «один — ко многим», отражают *целевые критерии поисковой оптимизации* энергетики системы Человечест-

ва. Нисходящие пунктирные стрелки в правых частях подсистем, имеющие структуру «один — ко многим», отражают оптимизационную *системную память* личностно-производственно-социального.

Среди них выделяется та, начиная с которой стартовал процесс *глобализации*, т. е. начала формирования эффективной самоуправляющейся системы Человечества на территории, охватывающей *всю* поверхность Земли, а не только отдельные ее участки, как это характерно для подсистем, сформировавшихся исторически ранее (Гринченко, 2001. Электронный ресурс; 2007а; Гринченко, Щапова, 2010, 2013; Щапова, Гринченко, 2017; Grinchenko, 2006; Grinchenko, Shchapova, 2010).

Все эти подсистемы — по мере того, как они возникают — функционируют одновременно и параллельно, перманентно взаимодействуя между собой на всех уровнях своих иерархий. То есть реализуют принцип *коэволюции* Н. Н. Моисеева в его *расширенной трактовке*, когда коэволюционирует между собой целая совокупность отдельных иерархических составляющих (подсистем) личностно-производственно-социальной системы Человечества плюс Биосфера Земли, а не только пары «живое-косное вещество» либо «Человечество-остальная биосфера».

Вот что пишет Н. Н. Моисеев о целевом подходе к моделированию природных систем и о коэволюции: «Можно говорить о “целях” системы, какой бы природы она ни была. В неживых системах это стабильность и развитие, т. е. непрерывное усложнение организационной структуры и многообразия элементов. В системах, принадлежащих миру живого, цель элемента — стабильность, которую принято называть гомеостазом. В системах общественной природы возникает целый спектр целей. Поскольку элементы системы в свою очередь являются системами, можно говорить и о целях элементов (подсистем). И они, эти цели подсистем, далеко не всегда совпадают с целями самой системы. Поэтому возникает представление о соразвитии, или коэволюции — термине, который стали употреблять последние 30 лет не только в биологии. Это важное понятие. Оно означает такое развитие подсистем (систем нижнего уровня), которое не нарушает развития исходной системы» (Моисеев, 2001: 34).

Исходя из анализа предлагаемого «поисково-оптимизационного» модельного представления, моменты начал формирования вышеперечисленных подсистем в развитии Человечества можно определить и как «*системные, или информационные, перевороты*», и

как «*цивилизационные переломы*», поскольку они манифестируют первопричины происходящих впоследствии информационно-технологических революций — соответственно верхнепалеолитической, «осевого времени», промышленной, компьютерной, сетевой, перспективной «нанотехнологической» и т. д. (см. табл. 1 и рис. 2).

Таблица 1. Пространственные и временн*ы*е параметры развития системы Человечества в период от 28,2 млн лет назад до 1981 г. и далее

Название подсистемы, субъект-носитель и осваиваемая ИТ	Иерархическая сложность	Период «лидирования»	Технологическая революция	Осваиваемые ареалы существования (R круга той же площади)	Осваиваемые точности антропогенных воздействий
Цефализация позвоночных	1	~428–28,2 млн лет назад	~140 млн лет назад «появление коры головного мозга»	~4,2 м	~4,2 м
Пред-пред-человечество-1 (Hominoidea) сигнальные позы/ звуки/движения	3	~28,2–~1,86 млн лет назад	«революция гоминид», ~9,3 млн лет назад	~64 м	~28 см
Пред-человечество-2 (Homo ergaster/ erectus), мимика/жесты	5	~1,86–~0,123 млн лет назад	«революция гейдельбергского человека», ~612 тыс. лет назад	~64 м, ~1 км	~28 см, ~1,8 см
Человечество-3 (Homo sapiens'), речь/язык	7	~123–~8,1 тыс. лет назад	верхнепалеолитическая, ~40,3 тыс. лет назад	~64 м, ~1 км, ~15 км (**«окру́ги»**)	~28 см, ~1,8 см, ~1,2 мм
Человечество-4 (Homo sapiens"), письменность	9	~8,1 тыс. лет назад — ~1446 г.	«осевого времени», ~670 г. до н.э.	~64 м, ~1 км, ~15 км, ~222 км (**«сверхрайоны»**)	~28 см, ~1,8 см, ~1,2 мм, ~80 мкм
Человечество-5 (Homo sapiens'''), тиражирование текстов	11	~1446 г. — ~1946 г.	промышленная, ~1806 г.	~64 м, ~1 км, ~15 км, ~222 км, ~3370 км (**«сверхстраны»**)	~28 см, ~1,8 см, ~1,2 мм, ~80 мкм, ~5 мкм
Человечество-6 (Homo sapiens''''), компьютеры (*глобализация*)	13	~1946 г. — ~1979 г.	микропроцессорная, ~1970 г.	~64 м, ~1 км, ~15 км, ~222 км,	~28 см, ~1,8 см, ~1,2 мм, ~80 мкм, ~5 мкм,

				~3370 км, ~51000 км (**Планетарный**)	~0,35 мкм
Человечество-7 (Homo sapiens""), сети	15	~1979 г. — ~1981 г.	сетевая (Интернет + мобильная телефония+…), ~2003 г.	~64 м, ~1 км, ~15 км, ~222 км, ~3370 км, ~51 тыс. км, ~773 тыс.км (**Ближайший Космос**)	~28 см, ~1,8 см, ~1,2 мм, ~80 мкм, ~5 мкм, ~0,35 мкм, ~23 нм
Человечество-8 (Homo sapiens"""), нано-ИТ	17	~1981 г. — ~1981 г.	перспективная информационная нано-революция (2341 г.?)	~64 м, ~1 км, ~15 км, ~222 км, ~3370 км, ~51 тыс. км, ~773 т. км, ~11,7 млн км (**Ближний Космос**)	~28 см ~1,8 см, ~1,2 мм, ~80 мкм, ~5 мкм, ~0,35 мкм, ~23 нм, ~1,5 нм

Рис. 2. Схема роста пространственно-временн*ы*х и информационных параметров системы Человечества (двойной логарифмический масштаб)

Замечу, что выявляемая моделью тенденция роста размера пространства, потребного для жизни и эффективного функционирования системы Человечества, свидетельствует о безусловной необходимости выхода его в Космос: Ближайший, Ближний и далее.

Необходимо также отметить, что расчетные пространственные и временные характеристики, на базе использования числового ряда Жирмунского-Кузьмина, выявленной ими при исследовании критических уровней развития биологических систем геометрической прогрессии со знаменателем $e^e = 15{,}15426...$ либо $e^{-e} = 0{,}065988...$ (Жирмунский, Кузьмин, 1982), являются ориентировочными, реперными для реально наблюдаемых их значений.

Важно, что наблюдаемый эмпирически и поддающийся теоретическому расчету факт: из *шести* цивилизационных переломов, происшедших в период с появления Homo sapiens около 123 тыс. лет назад и по наше время, *три* произошли за исторически мгновенный — всего 35 лет! — недавний отрезок времени. С общесистемной точки зрения это значит, что на наших глазах произошло практически взрывообразное (но вполне закономерное!) увеличение сложности коэволюционного процесса в системе Человечества (плюс системе Биосферы).

Наконец, как хорошо видно из рисунков и таблиц, в развитии системы Человечества наблюдается ускорение его темпа. Более того, наблюдается схождение моделирующего это развитие числового ряда около 1981 г. Что это может означать? Неужели конец истории? Для ответа на эти вопросы обратимся к условной схеме рис. 3.

Рис. 3. Условная схема сопоставления возможных процессов эволюционного развития: а) однолинейного с ускорением реперных точек (нижняя стрелка); б) многолинейного с ускорением стартов линий (совокупность остальных стрелок)

Здесь показаны несколько теоретически возможных эволюционных процессов. Нижняя стрелка соответствует рассматриваемому случаю: в однолинейном процессе наблюдаем ускорение неких реперных точек, например, начал формирования новых ИТ. Но именно здесь наблюдаем и сгущение таких точек, и отсутствие дальнейшего продолжения направо от точки сгущения.

Объясняет эту ситуацию сопоставление нижней стрелки с группой остальных стрелок, т. е. переход от однолинейного представления об эволюционном процессе к многолинейному. Каждая из составляющих такого многолинейного процесса развивается одновременно и параллельно с другими (ранее возникшими), их начала подчиняются некоторому закону ускорения, но никакого конца у каждой из них системно не предусмотрено: при появлении новых стрелок все остальные продолжаются и далее, но меняя при этом свою степень доминирования — т. е. коэволюционируя.

Так, например, ИТ мимики и жестов, единственное, помимо сигнальных поз/звуков/движений, средство общения между собой у наших далеких предков Homo ergaster/Homo erectus, до сих пор употребляется и нами — хотя, конечно, эта ИТ существенно менее информативна, нежели речь/язык, письменность, компьютерные и сетевые средства и т. д.

Таким образом, нижняя стрелка рис. 3, наблюдаемая и фиксируемая нами реально, является *проекцией* всех вышележащих идеальных стрелок, отражающих *составляющие* реального процесса и выявленных с помощью предлагаемого модельного подхода.

Далее: схема рис. 4 показывает, что если число односторонних взаимосвязей в совокупности 4-х элементов произвольного вида равно 12, то для совокупности 7-ми таких элементов число соответствующих взаимосвязей равно уже 42.

Очевидно, что увеличение и числа элементов (почти вдвое) и числа возможных взаимосвязей между ними (в 3,5 раза) само по себе соответствует весьма существенному усложнению всей их совокупности в целом — безотносительно к внутренней сложности этих элементов. Значит, системная *иерархическая* сложность вырастает в данном примере даже в том случае, когда составляющие систему элементы были бы достаточно простыми.

Но в действительности — в природных системах — каждый из таких элементов является сложнейшим иерархическим образованием, активно (причем на всех ярусах своей иерархии) проявляющим

тенденцию ориентации своего приспособительного поведения к целевым критериям энергетического характера вышележащего целезадающего образования. Причем в основе каждого из таких элементов находится человек-личность с целевыми установками и поведенческими приоритетами, в значительной степени определяющимися уникальными потребностями той подсистемы, в рамках которой он себя осознает, реализует и активно функционирует. Неудивительно, что коэволюция совокупности приспособительных процессов в рамках целостной системы «Человечество в целом плюс Биосфера» является процессом предельного уровня сложности.

Рис. 4. Условная схема взаимодействий в коэволюционирующих системах: а) Человечество-3/4/5 на этапе его развития от 123 тыс. лет назад до 1945 г. плюс Биосфера; б) Человечество-3/4/5/6/7/8 на современном этапе его развития (начиная с 1981 г.) плюс Биосфера (обозначения: БИО — биологический элемент, АГРО — аграрный, ПРОМ — промышленный, КОМП — компьютерный, СЕТЬ — сетевой, НАНО — элемент, в котором главную роль играют нанотехнологии)

Выводы:

1. Построенная *дедуктивно*, из наиболее общих системных соображений, идеальная модель дает и идеальные результаты. Они могут довольно сильно отличаться от результатов, получаемых посредством традиционного *индуктивного* метода построения моделей (Гринченко, 2015). Но именно дедуктивная модель дает возможность выявить — предсказать! — некоторые неочевидные законо-

мерности дальнейшего развития моделируемой системы в направлении максимизации ее устойчивости и выживаемости.

2. Парадигма *однолинейности* эволюционного процесса в сложных природных системах представляется недостаточной для адекватного описания их поведения и, следовательно, должна быть расширена за счет представления о *многолинейности, одновременности и паралелльности* соответствующих процессов.

3. Тенденция выхода Человечества в Космос безальтернативна.

4. Понятие «информационное общество» распространяется на весь ход формирования Цивилизации, а не только на современный компьютерно-сетевой его этап, как это зачастую полагают. При этом старты процессов формирования каждой новый фазы информационного общества уже произошли (до и около 1981 г.), а кульминации этих фаз, или информационно-технологические революции, либо также состоялись, либо будут наступать в будущем.

5. Как представляется, процесс коэволюции подсистем самоуправляющейся системы Человечества плюс системы Биогеосферы, резко усложнившийся после 1981 г., является определяющим фактором наблюдающегося сейчас, с учетом значительной инерционности процесса, резкого — кризисного! — обострения в финансовых, экономических, социальных, демографических, геополитических и иных основополагающих сферах окружающего нас мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

БСЭ. Большая Советская энциклопедия (1978). М. : Советская Энциклопедия, Т. 28. 616 с.

Гринченко, С. Н. (2001) Социальная метаэволюция Человечества как последовательность шагов формирования механизмов его системной памяти // Исследовано в России». Т. 145. С. 1652–1681 (Электронный ресурс). URL: http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2001/145.pdf (дата обращения 5.05.2018).

Гринченко, С. Н. (2004) Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). М. : ИПИРАН : Мир. 512 с.

Гринченко, С. Н. (2007а) Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М. : ИПИРАН. 456 с.

Гринченко, С. Н. (2007б) Культура как многомерная система: информатико-кибернетический аспект // Грани познания: наука, философия, культура в 21-м веке. Кн. 2. М. : Наука. С. 367–395.

Гринченко, С. Н. (2015) Моделирование: индуктивное и дедуктивное // Проблемы исторического познания. М. : Ин-т всеобщей истории РАН. С. 95–101.

Гринченко, С. Н., Щапова, Ю. Л. (2010) История Человечества: модели периодизации // Вестник РАН. № 12. С. 1076–1084.

Гринченко, С. Н., Щапова, Ю. Л. (2013) Информационные технологии в истории Человечества. М. : Новые технологии. 32 с. (Приложение к журналу «Информационные технологии», № 8/2013).

Жирмунский, А. В., Кузьмин, В. И. (1982) Критические уровни в процессах развития биологических систем. М. : Наука. 179 с.

Лотман, Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ. 704 с.

Моисеев, Н. Н. (1987) Алгоритмы развития. М. : Наука. 304 с.

Моисеев, Н. Н. (2001) Универсум. Информация. Общество. М. : Устойчивый мир. 200 с.

Растригин, Л. А. (1979) Случайный поиск. М. : Знание. 64 с.

Щапова, Ю. Л., Гринченко, С. Н. (2017) Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. М. : Исторический факультет Моск. ун-та : Федеральный исслед. Центр «Информатика и управление» РАН. 236 с.

Grinchenko, S. N. (2006) Meta-evolution of Nature System — The Framework of History // Social Evolution & History. Vol. 5, No. 1. Pp. 42–88.

Grinchenko, S. N., Shchapova, Y. L. (2010) Human History Periodization Models // Herald of the Russian Academy of Sciences. Vol. 80, No. 6, Pp. 498–506.

Гринченко Сергей Николаевич — главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, доктор технических наук, профессор.

Концепция антропогенных фазовых переходов Б. Г. Юдина

П. Д. Тищенко
Институт философии РАН

В концепции антропогенных фазовых переходов Б. Г. Юдина дано синергетическое истолкование динамики биотехнологического преобразования человека как природного существа в артефакт на границах между еще-не человеческим существованием и человеческим (репродукция), жизнью и смертью, человеком и животным, человеком и машиной.

Ключевые слова: концепция антропогенных фазовых переходов; человек; репродуктивные технологии; жизнь; смерть; человек-машина; человек-животное

Философия человека Б. Г. Юдина (далее — БГЮ), дающая синергетическое истолкование человеческого бытия как своеобразного «микрокосмоса», выступает важнейшим дополнением эволюционных и экологических концепций развития планетарной жизни как «ноосферы», данной в работах Вернадского, Ле Ру, Т. де Шардена и академика Н. Н. Моисеева. В философии Б. Г. Юдина человек — это особого рода существо, которое в отличие от других существ, озабочено вопросом о своей сущности и смысле своего существования. Этот фундаментальный вопрос выступает «центром» его идентичности, которая в своем историческом и жизненно-практическом выражении во вне, в мире людей и вещей, постояно оформляется (стабилизируется) и переоформляется (дестабилизируется) на границах между человеческим и еще-не-человеческим бытием (репродуктивные и генетические технологии начала жизни), между человеческим и уже-не-человеческим бытием (технологии конца жизни — диагностика смерти, пограничные состояния, реанимационные технологии, эвтаназия, хоспис), между человеком и машиной, между человеком и животным

Концептуальная специфичность постановки и осмысления БГЮ проблемы человека наглядно демонстрирует следующий фрагмент его текста: «Мне хотелось бы обсудить такой фундаментальный вопрос: что есть человек? Конечно, я вовсе не намерен претендовать на то, чтобы дать какое-то новое определение человека — было бы верхом самонадеянности покушаться на это. Моя задача намного

скромнее — я хочу зафиксировать тот факт, что развитие биомедицинских технологий делает этот извечный философский (а стало быть, как нередко считают, абстрактно-отвлеченный) вопрос вполне прагматическим, вопросом нашей повседневной жизни . С ним приходится сталкиваться не только исследователям, занимающимся разработкой новых биотехнологий, но и тем, кто эти технологии использует, иначе говоря, рядовым гражданам, которым так или иначе приходится с ними соприкасаться» (Юдин, 2011: 103).

В концепции антропогенных фазовых переходов БГЮ дано синергетическое истолкование динамики преобразования границ человека как природного существа, постепенно становящегося собственным артефактом, преодолевая грань между искусственным и естественным. Он радикально переосмысляет три кантовских вопроса, лежащих в основании традиционных антропологических учений — «что я могу знать?»; «что я должен делать?» и «на что я могу надеяться?». На первый вопрос о условиях возможности и границах человеческого познания он отвечает в своей концепции технонауки, на второй — биоэтики. Вопрос о вере напрямую им не обсуждается, но, как явствует из его текстов, его воодушевляла вера в науку и особую роль критической философской рефлексии, без которой научный прогресс не может реализовать свою гуманистическую миссию.

Концепция антропогенных фазовых переходов строится на глубоко диалектическим пониманием антитезы искусственное-естественное. Как всегда у БГЮ, обсуждение стилистически предстает как осторожное опробывание различных вариантов решения, отслеживание и оценка возможных выводов из сделанных предпосылочных суждений. В частности, обсуждая философские проблемы биотехнологического улучшения человека, он выделяет следующие, насыщенные мощными ценностными зарядами аспекты оппозиции естественного и искусственного. Во-первых, естественное предстает как неодомашненное, дикое, неконтролируемое человеком, неразумное, несущее ему угрозу. Естественное — это чужое в существе человека. В этом случае искусственное — это разумное, контролируемое, одомашненное. Это свое, родное — то на что можно положиться в нестабильном мире.

Но с другой стороны, естественное — это то в человеке и окружающем мире, что создает основу нашего существования, разрушение чего в безмерной жажде контроля и эксплуатации несет, как

демонстрируют экологи и медики, угрозу человеческой цивилизации. Естественное репрезентирует в нашем опыте гармонию мира, предмет возвышенных созерцаний, природную нормальность. Тогда искусственное предстает как случайное, одностороннее, разрушительное, патогенное.

Следующий аспект, который углубляет антитетику искусственного и естественного, связан с различием ценностей изменения и сохранения, с отношением к миру *натуралиста* и *естествоиспытателя*. Эту антитезу он обсуждает на примере воззрений Гёте.

Подробно и обстоятельно обсудив различные смысловые и ценностные позиции и оппозиции, которые группируются вокруг антитезы искусственного и естественного, БГЮ не дает окончательного ответа, но использует для пояснения возможного решения физическую метафору принципа соответствия, согласно которому новый тип науки, который он называет *технонаукой* и который выражает с его точки зрения общую марксистскую установку на действие и преобразование в современной исторической ситуации, может включать классическое понимание науки и научных знаний как отображений предстоящей перед человеком объективной реальности в качестве частного случая. Не простое противопоставление деятельности — созерцанию, а интерпретация созерцания в качестве частного случая деятельностного отношения к реальности.

В биоэтике, которую БГЮ рассматривал как важнейший узел современной технонауки, вопрос о границах человеческого существования адресуется не только отдельному человеку (философу или богослову) или сообществу единомышленников, но и сообществу разномыслящих, верящих разным богам и придерживающихся разных философских точек зрения гражданам. Поэтому ответ строится опять же как коллективное (коммуникативное) действие, как создание (конструирование) нормы релевантной в конкретных ситуациях. Например, ответ на вопрос о моральной допустимости аборта в биоэтике решается не как личное усмотрение в себе всеобщего морального закона или выражение своей веры (этот аспект остается в дискуссиях как личная предпосылка каждого из диспутантов), а в результате междисциплинарных и даже трансдисциплинарных (поскольку активной стороной выступают обычные люди — lay persons) обсуждений и согласований, которые как бы прочерчивают линию между еще не человеческим существованием (в этой области

нет человека и не применим принцип «Не убий!») и уже человеческим существованием когда этот принцип применим в полной мере.

Биомедицинские и современные информационные технологии постоянно проблематизируют эти границы, ставят их под вопрос, а следовательно границы человека постоянно меняются. Роль философа в биоэтике не объяснять мир человека, а соучаствовать вместе с другими экспертами и обычными людьми в его изменении.

Смысловым «центром» биоэтики как сложного феномена современной цивилизации является *проблема* про-активной (опережающей) диагностики, оценки и менеджмента *рисков*, связанных с разработкой и практической реализацией биотехнологических инноваций. Причем не только тех рисков, которые касаются здоровья человека или состояния окружающей среды, но и тех, которые по своей сути являются социогуманитарными: моральных, антропологических, правовых, политических, экономических и т.д.

Можно отметить, что начиная с Международного проекта «Геном человека», стартовавшего в 1990 г., практически все крупные проекты в сфере биотехнологий сегодня включают в себя исследование этических, правовых и социальных проблем, связанных с реализацией этих проектов и возможным влиянием их результатов как на отдельного человека, так и на общество в целом. БГЮ входил в этический комитет российской части этого проекта. Он же возглавил несколько исследовательских грантов по этическим и правовым проблемам геномных исследований. Выявление, обсуждение и решение этих проблем выступало не чем-то внешним по отношению к собственно научным задачам реализации геномного проекта, но как его составная часть, поддерживаемая и финансируемая наряду с остальными, собственно биологическими исследованиями. Как неоднократно подчеркивал БГЮ, социогуманитарное обеспечение биотехнологических проектов становится в современной науке имманентной частью самих этих проектов; тем самым более широким, можно сказать — объемным, становится само понятие биотехнологий и науки.

Постоянное пре-образование образа человека происходит по БГЮ в зонах онтологической нестабильности и неопределенности. Он выделяет четыре зоны неопределенности, в которых границы человеческого существования постоянно поставлены под вопрос успехами в развитии новых технологий, постоянно переопределяются. В

принципе таких зон значительно больше, но четыре им рассматриваемые наиболее принципиальны. Он пишет: «Итак, каковы же эти зоны? Первая — это зона, которая располагается между жизнью и смертью индивидуального человеческого существа. Вторая зона предваряет рождение индивидуального человеческого существа. Третья разделяет (или, может быть, соединяет?) человека и животное. И четвертая — это зона, тоже, может быть, разделяющая, а может быть, объединяющая человека и машину» (Юдин, 2011: 106). В этих зонах идет напряженная работа, выражающая суть биоэтики, — путем экспертных, политических и общественных дискуссий и согласований формируется граница между миром *людей* и миром *вещей*. Живое существо, которое пересекает эту границу радикально меняет свой моральный и правовой статус. Возникает, ограничивается, или изымается его человеческая сущность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Юдин, Б. Г. (2011) Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории. Том V. С. 102–118.

Тищенко Павел Дмитриевич — главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук.

Новые горизонты современной глобалистики

И. В. Кондаков
Российский государственный гуманитарный университет

В статье выявляются черты, определившие отнесение Н. Н. Моисеева к философам и культурологам. Он перешел к новому уровню обобщений проблем окружающей действительности и тем самым вышел на новые горизонты глобалистики. Моисеевская концепция глобалистики с ее принципиально новым пониманием рационализма, детерминизма, антропоцентризма, ставящая во главу угла принципы стохастичности, многомерности и многозначности, неопределенности, плюралистичности и относительности истины, существенна для гуманитарного знания.

Ключевые слова: глобалистика; современность; Н. Н. Моисеев

Акад. Н. Н. Моисеев не был первым, кто стал заниматься глобальными проблемами современности. Раньше его математических расчетов «ядерной зимы» (1983), ставших поворотным пунктом всей современной глобалистики, были исследования Римского клуба, а в России сложилась школа «русского космизма» (достаточно здесь назвать В. Вернадского, А. Чижевского и К. Циолковского, поставивших перед человечеством целый ряд глобальных проблем). А еще раньше, уже в недрах XIX в. рождались первые модели глобального исторического развития, авторами которых были русские мыслители — Вл. Соловьев, Н. Данилевский, Н. Страхов, К. Леонтьев, Н. Федоров. А эти модели глобализма во многом развивали идеи первых западников (русских глобалистов) и славянофилов (русских антиглобалистов), споры которых о соотношении России и Европы, России и Азии, России и мирового сообщества, собственно, и стали первоначальным основанием и идейно-философским контекстом глобального моделирования.

Н. Моисеев уже в 1980-е годы, но особенно интенсивно в 1990-е годы, отошел от проблем математического моделирования глобальных ситуаций и процессов и обратился к гуманитарной проблематике, более всего укладывающейся в русло культурно-цивилизационных исследований. И тогда проблемным полем его проектно-гуманистической деятельности стали экология, ноосфера, выживание человечества, прогнозирование путей цивилизационного разви-

тия, современный рационализм и детерминизм, универсум и информационное общество, всемирный разум и заслон средневековью… Это означало, что выдающийся математик и инженер фактически сменил профессию: он стал философом и культурологом, политологом и этиком, историком и теоретиком-цивилизационистом. Он перешел к новому уровню обобщений проблем окружающей действительности и тем самым вышел на новые горизонты глобалистики, до него никому не известные.

В книге «Быть или не быть человечеству» Н. Моисеев не только изложил историю своей концепции, но и представил свой путь восхождения к ней. Своеобразие методологии Н. Моисеева заключалось в том, что осмысление гуманитарно-общественных тенденций сопровождалось обращением к естественнонаучному опыту и соответствующим обобщениям. Показательна сама логика формирования моисеевской концепции глобального мира.

Изначальный старт этой концепции автор объясняет тремя глобальными открытиями в области естествознания, сделанными русскими учеными еще XIX в. — Д. Менделеевым, И. Сеченовым и В. Докучаевым, — химиком, физиологом и почвоведом. Д. И. Менделеев утвердил убеждения будущего глобалиста, что все элементы мира взаимосвязаны друг с другом и с целым, что все они являются частью единой и строгой системы, имеющей характер периодичности. И. М. Сеченов утверждал, что человек — это система, в которой тело человека (плоть), его душа (духовная культура) и окружающая действительность связаны неразрывно. Наконец, В. В. Докучаев доказал, что почва является самостоятельным природным телом, образующимся в результате совокупного действия агентов живого мира — материнской породы, рельефа, климата, времени и неразрывно связанным с биосферой.

Соединение этих трех теоретических предпосылок (физико-химической, геолого-географической и биосоциальной) воедино образует такую картину мира, в которой физико-химическое строение мира является основанием почвенного и биосферного синтеза, а природная среда, взятая в целом, является условием становления и развития человечества (в том числе мировой культуры и цивилизации) и разумного человека — в совокупности его телесных и духовных свойств. Синкретизм российской культурфилософской и философско-антропологической мысли позволил Н. Моисееву с учетом

современного принципа междисциплинарности построить глобальную модель миропорядка, включающую не только природные, но и социокультурные факторы всемирного развития.

В данном случае эта картина мира представлена, так сказать, своей субстратной, онтологической характеристикой. Для Моисеева как математика и механика оказалась важна и методолого-гносеологическая сторона глобальной картины мира. Здесь ведущее слово было дано выдающимся западным физикам XX в.

Принципиальным новшеством в осмыслении мира как целого явился тезис В. Гейзенберга о том, что нельзя отделить исследователя от объекта его исследования, и субъект познания, с одной стороны, несет на себе печать своего объекта, который его формирует «по своему образу и подобию», а, с другой, сам налагает на объект своего исследования черты своего метода и в конечном счете своей личности, т. е. интенциональность. Это положение привело к важному следствию. Любой элемент является лишь частью целого, частью более сложной системы, из которой его практически невозможно выделить (иначе как условно, в «сослагательном наклонении»).

Другим важным тезисом является идея Н. Бора, согласно которой ни одно сложное явление невозможно описать средствами какого-либо одного языка. Необходимо множество ракурсов рассмотрения одного и того же явления, в результате чего формируется своего рода «голографический портрет» этого явления, представляющий собой сумму его различных интерпретаций. Любой объект познания предстает не только окруженным многомерным интерпретационным ореолом, но и неотделимым от него. Отсюда следует важный вывод относительно невозможности «абсолютной истины» (типа гегельянского мифа, признающего существование Абсолюта). Поэтому Н. Моисеев приходит к признанию того непреложного вывода, что никакой единой, абсолютной Истины не существует. Истина всегда относительна, многозначна и каждый раз определяется «для кого». Мы, заявляет от имени науки Н. Моисеев, погружены в хаос мироздания и способны лишь регистрировать происходящее «около себя», анализировать наблюдаемые зависимости. В этом состоит «новый рационализм», провозглашаемый Н. Моисеевым, а вместе с ним — и новое понимание детерминизма.

Суть «нового рационализма» в научном и философском познании заключается, по Н. Моисееву, в том, чтобы хаос самоорганизации и невероятное количество информации поставить на службу человеку и человечеству, меняя условия своей жизни, свою историю и самого себя, а уже затем, может быть, влиять на ход процесса развития Универсума. Таким образом, человек и человечество оказываются напрямую связаны с глобальными проблемами современности, и изучение последних является необходимой предпосылкой их решения. Такова новая позиция антропоцентризма, вытекающая из нового понимания рационализма и детерминизма. Н. Моисеев формулирует ее следующим образом: «Мир таков, потому что мы (люди) есть». Мироустройство принципиально телеологично, и в основе этой телеологии лежит антропоцентризм.

В основе всего мироздания, всех процессов Универсума, доказывает Н. Моисеев, лежит стохастика и неопределенность. Огромная роль принадлежит случайностям — на всех уровнях реальности, познание которых возможно лишь путем моделирования вероятностных конструкций, обращения к теории динамических систем, теории катастроф и т. п. В мире нет ничего абсолютно детерминированного. В этом — суть процессов микроуровня, но эти тенденции проникают и на макроуровень. На уровне живой материи особенно велика роль мутагенеза и динамика его интенсивности. Происходит рост генетического многообразия, влияющего на популяции живых существ. Подобное видение мира оказывается новым и для XX в. Именно в этом аспекте следует понимать полемику Н. Моисеева с А. Эйнштейном. В ответ на эйнштейновское: «Бог не играет в кости» Н. Моисеев восклицает: «Бог все-таки играет в кости!». Особенно показательно это высказывание математика и механика в свете того, что он безусловно признает существование в мире «высших сил», управляющих миром и историей.

Те же процессы, но еще более сложно организованные, происходят в человеческом обществе и культуре: нарастает разнообразие человеческих индивидуальностей, несущих в себе и своей деятельности разные духовные миры, различные ментальности, разное восприятие одних и тех же явлений, ситуаций, процессов, принятие различных решений в одних и тех же условиях. Именно в этом расширяющемся и углубляющемся социальном, культурном и психологическом многообразии, по мысли Н. Моисеева, находится ключ к

выживанию человечества; залог превращения всего мира в своеобразную «экологическую нишу» человека как биологического вида.

Что дает современному гуманитарному знанию моисеевская концепция глобалистики, с ее принципиально новым пониманием рационализма, детерминизма, антропоцентризма, ставящая во главу угла принципы стохастичности, многомерности и многозначности, неопределенности, плюралистичности и относительности истины?

Кондаков Игорь Вадимович — профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских, кандидат филологических наук, действительный член РАЕН.

Универсальный эволюционизм Н. Н. Моисеева и биосоциология молодежи: единство оснований

Вал. А. Луков
Московский гуманитарный университет

В статье концепция универсального эволюционизма в версии, выдвинутой Н. Н. Моисеевым, рассматривается в ее принципиальном сходстве с биосоциологией молодежи. Изучения, проводимые в сфере биосоциологии на основе достижений научной школы молодежных исследований Московского гуманитарного университета, определяют отношение ИФПИ к идеям Н. Н. Моисеева, которые в свете тезаурусного подхода приобретают особый смысл в понимании будущего.

Ключевые слова: универсальный эволюционизм; Н. Н. Моисеев; биосоциология; молодежь; тезаурусный подход

Единство оснований универсального эволюционизма и биосоциологии молодежи (Луков, 2013, 2018) хотя и достаточно видно и реконструируется через тезаурусный подход (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008, 2013), но все же требует комментария.

Концепция универсальной эволюции сформирована и выдвинута выдающимся математиком Н. Н. Моисеевым. Она изложена российским ученым и общественным деятелем в многочисленных трудах (Моисеев, 1993ab, 1998, 1999ab, 2007). Концепция Н. Н. Моисеева многими воспринята и стала основой формирования целого направления в экологии, но в то же время она не раз подвергалась критике за присущий ей уклон к физикализму. Для более детального анализа это, может быть, и важно, но этим не отвергается концептуальный строй моисеевского подхода, который оказался, с одной стороны, близок к сверхобобщениям В. И. Вернадского о ноосфере (Моисеев, 1990), а с другой, вполне прагматичен и применим, например, к постановке экологического воспитания в российском образовании (Моисеев, 1995).

Воспоминания выдающегося математика о встрече в конце 1960-х годов на совещании, которое прошло в одном из клязьминских пансионатов по инициативе В. М. Глушкова и было посвящено

введению информационных технологий в управление экономикой СССР, проясняют замысел: «Мы хотели выработать общие принципы внедрения современных методов обработки информации в управление народным хозяйством, в политику, в военные дела. К сожалению, из этого совещания ничего не получилось, более того — мы все перессорились» (Моисеев, 1994: 253–254). Сам Моисеев именно с этого момента считал, что начался его путь к формированию того миропонимания, которое он позже назвал универсальным эволюционизмом (там же: 254). Этот жизненный эпизод и следует понимать как мировоззренческий «щелчок», который рассматривается в тезаурусном подходе: конечно, Моисеев думал над идеей универсального эволюционизма, еще так не называвшейся даже в его системе «знания-понимания-умения» (формула И. М. Ильинского), был готов в любой момент произвести ее на свет. У Моисеева, например, есть и другое пояснение его прихода к идее универсального эволюционизма. Он писал: «На определенном этапе исследований и стабильности биосферы, которые с начала 70-х годов велись в Вычислительном центре АН СССР, я пришел к пониманию необходимости выработки достаточно общей исследовательской программы, содержащей, помимо методологических средств, определенную концептуальную картину мира. Именно с такой утилитарной целью я предпринял попытку построить схему мирового процесса самоорганизации» (Моисеев, 1993а: 3). Но, думается, именно клязьминская баталия умов вдруг прояснила все.

А что же все-таки она прояснила? Концептуальные идеи обычно просты и поражают ясностью и даже примитивностью, они подобны афоризмам или крылатым словам. Более того, если идея требует широкого раскрытия, пояснения, то она вряд ли концептуальна. Идея Моисеева концептуальна. Ее содержание просто: если ищется какое-то общее основание организации человеческой деятельности в различных, порой далеких друг от друга сферах, то это общее надо искать в биологических свойствах человека как организма, созданного природой в ходе процесса эволюции от самых простых форм живого до его сложных форм. И даже еще глубже надо смотреть: от форм неживой природы к высшим формам жизни. Идея проста, и не сказать, чтобы она была особо нова (уже в Античности, если иметь в виду англо-американскую цивилизацию, мы находим нечто подобное, а в других цивилизациях она еще древнее).

Но в прошедшие времена она не вытекала — как обратный вывод — из управления экономикой, военным потенциалом страны, разрешением глобальных проблем человечества и т. д.

Концепция универсальной эволюции возникла «на границе естествознания и философии» (там же), хотя, по авторскому признанию, «в ее основе лежат взгляды, традиционные для физики и всего современного естествознания» (там же: 5), что и определило ее критику как физикалистской концепции, оставляющей в тени или не замечающей достижений гуманитарных и социальных наук. Но это довольно поверхностный взгляд на данную концепцию. Суть концепции в том, что она последовательно реализует системное понимание человека и его мира, исходит из универсальности системного подхода. Моисеев пишет: «В основе той схемы, которую я называю универсальным эволюционизмом, лежит “гипотеза о суперсистеме”. Вся наша Вселенная представляет собой некую единую систему — все ее составляющие между собой связаны» (там же). Дарвиновская триада (изменчивость, наследственность, отбор) применяется ко всему многообразию природы — и живой, и неживой. Это спорно, но если принцип системности универсален, то такая связь вполне логична. Моисеев отмечает: «Поскольку в окружающей нас реальности все и всегда подвержено действию случайностей и неопределенностей, то даже в случае процессов дарвиновского типа нельзя говорить о полной детерминированности. Можно лишь видеть тенденции, если угодно, “каналы эволюции”. Примерами подобных процессов являются процессы селекции животных или движение космического аппарата. Этими свойствами обладает множество процессов, с которыми мы имеет дело в повседневной жизни и которые позволяют нам как-то предвидеть результаты наших активных действий и делать их целенаправленный выбор. Таким образом, механизмы дарвиновского типа являются основой сознательной деятельности человека» (там же: 7). Иначе говоря, процессы дарвиновского типа отделены от других и этим другим процессам не приписывается целенаправленность. В то же время они остаются системными, могут пониматься как системы.

В этом ключе надо посмотреть на бифуркационные процессы. Они теряют свою определенность, когда из неживой природы переносятся в живую, в общество. Бифуркация трактуется как непредсказуемое и глубокое, чаще всего катастрофическое и невозвратное

изменение системы в целом под воздействием внешнего для нее, непреодолимого и трудно определимого обстоятельства. Моисеев отмечает, что происходит уменьшение стабильности систем по мере роста их сложности (там же: 10). Иначе говоря, чем сложнее система, тем больше от нее следует ожидать феноменов бифуркации. Есть справедливые комментарии, что противоположную тенденцию — поддержание в сложных системах порядка в опоре на регулятивные механизмы, которые есть у таких систем, Моисеев не замечает. Но обратим внимание на то, что он все-таки замечает, а именно, на падение стабильности сложных систем по мере их роста.

Такие процессы хорошо видны в обществах социальной аномии (в смысле Э. Дюркгейма). Даже когда идет речь о механизмах поддержания порядка в таких обществах, то на передний план выдвигаются вовсе не актуальные механизмы, а давно забытые и вдруг возрожденные. Такова архаизация в ряде регионов страны, потерявшей единые рычаги управления (Ламажаа, 2013). Можно вести эту линию и увидеть примитивные формы сохранения устойчивости сложных систем и даже более выраженную в них бифуркацию, свойственную неживой природе. Этим еще раз подтверждается универсальность эволюционизма, который выявляет как общее свойство природы Моисеев.

В целом универсальная эволюция в концепции Моисеева прокладывает мост между различными науками, позволяя более связанным увидеть этот мир. В частности, более определенно ставить вопрос о сложных биосоциальных объектах. Учитывая развитие идеи таких систем, подчеркнем трактовку Дж. Урри комплексности (некоторая параллель кооперативности в природе, о которой говорит Моисеев) как смеси порядка и хаоса: взаимодействуя со средой, сложные биосоциальные объекты образуют «острова порядка» в турбулентном море беспорядка. Но этот порядок неустойчив, даже небольшие нарушения могут вызвать разрушение системы (Urry, 2005: 235). Соответственно, комплексные системы нестабильны, в них события и элементы влияют друг на друга; маленькие причины вызывают большие последствия; изменения могут быть катастрофическими в период трансформации систем (Ibid.: 239–240). Более того, внезапно возникшие объекты с новой природой оказываются, с точки зрения их познания, объектами, не имеющими признанной

границы и этим создающими конфликтную исследовательскую ситуацию (Nowotny, 2005).

Новые обстоятельства могут уточнить концепцию Моисеева, снять в ней противоречия, проясняя конкретные обстоятельства. Но она остается одной из тех концепций, которые имеет смысл продолжать.

В развитие концепции Н. Н. Моисеева, а в ее свете и концепции В. И. Вернадского о ноосфере, биосоциология обогащается идеями, которые формально выходят за ее предмет. Между тем, это только формальное расширение: би-науки о человеке и обществе, основанные на междисциплинарной связи естественных и гуманитарных наук, не могут пройти мимо этих концепций. Концепция В. И. Вернадского расширяет их в смысле перспектив осознания космической связи каждого индивидуального мозга с ноосферой, им управляющей и определяющей уровни, этапы и границы его развития. Концепция Н. Н. Моисеева, напротив, означает движение всей системы любого биообъекта к более простым формам существования во всех случаях, когда пределы развития управляющей ею изнутри инстанции достигнуты, а позитивного выбора система не сумела выработать.

Эти перспективы (т. е. те черты теоретической концепции, которые применимы в данном случае, даже если они не разработаны в формах теории или не приняты либо не осознаны полностью) важны для биосоциологии как би-науки, а также становятся основой того, что она представляет из себя как новая научная дисциплина.

Под биосоциологией мы понимаем научную концепцию междисциплинарного характера, исходящую из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и человеческих сообществ (социальных общностей) и имеющую своим предметом те стороны социальной жизни, которые и на макроуровне, и на микроуровне человеческих взаимодействий непосредственно вытекают из биологической природы человека. Это в первую очередь вопросы гендера, возрастных различий, этнокультурной специфики, а также вопросы взаимодействия человека и человечества с искусственным миром, созданным ими и отчужденными от себя. В теоретическом ракурсе биосоциология может быть осмыслена как новая вариация на тему неразрывной связи в человеке и обществе биологического и социального начал. Новая — в том смысле, что

мир второй половины XX — первых десятилетий XXI в. обладает целым рядом свойств — и объективных, и субъективных (т. е. в данном случае отражающих превращение субъектных свойств человека и человеческих общностей в решающее условие конструирования мира, а не только мировосприятия), — которые в предыдущие исторические периоды или были малосущественными, или лишь зарождались и обнаруживались как потенция.

Очевидно, что становление биосоциологии связано с рассматриваемыми концепциями. Но не менее существенно то, что мы стремимся определить как биосоциология молодежи, задача которой выявить возможные трансформации общества через накопление в новых поколениях критической массы биологических и интеллектуальных (под воздействием факторов внешней среды обитания и вызванных искусственными средствами), а также социокультурных изменений. Некоторые выводы из такой постановки задачи противоречат идеям перманентного прогресса, какими вдохновлялась первоначальная социология, рожденная идеологией Великой Французской революции. Но концепциям Вернадского и Моисеева они вполне соответствуют. Если понимать ноосферу как предельный тезаурус, то тезаурусы, распространенные в каждом новом поколении, получают устойчивое основание. Не остается без ответа и вопрос, почему воспроизводятся в новых поколениях не только тезаурусы, которые составляют, так сказать, лицо эпохи, но и все другие тезаурусы, нередко противоположные основному умонастроению или иначе — миропониманию эпохи, наиболее признанным в обществе картинам мира. Другая сторона проблемы: почему новое поколение хуже предыдущего: такое ухудшение воспринимается как субъективная оценка старших поколений, но нет ли здесь чего-то другого? Моисеевская концепция подсказывает, что есть. Это что-то связано не с субъективным мнением, а с социальной субъектностью, достигнутой и достигаемой каждым поколением в период молодости, что составляет признак универсальной эволюции сложных биосоциальных систем. В ситуациях выбора, если заблокированы его регуляторы социальной аномией, присущая неживой природе бифуркация оказывается наиболее реализуемой стратегией (она буквально становится аттрактором), причем она не управляется сознанием, а действует как внешняя неподвластная сила. Некоторые вопросы биосо-

циологии молодежи, которые встали в первые десятилетия XXI в., становятся яснее.

Биосоциология молодежи как новая научная дисциплина сохраняет качества междисциплинарности и би-науки, каковой она по сути и является. Она могла бы развиваться и без специального обращения к новым поколениям, что, в частности, показала биокомсология, в рамках которой биосоциология не нуждается в молодежном аспекте. Но именно применение к ней концепций ноосферы и универсальной эволюции выявляет те вопросы, без которых биосоциология становится только фактом движения науки к преодолению дисциплинарных перегородок. Вот почему нуждается в обосновании единство построения картины мира в биосоциологии, с одной стороны, и концепций В. И. Вернадского и Н. Н. Моисеева, с другой.

Ноосфера выступает в биосоциологии молодежи как предельный тезаурус, в который надо каждому новому поколению войти, присвоить его по ходу обретения социальной субъектности, но и не нарушить его конструкцию. Универсальная эволюция показывает, что такое освоение (присвоение) идет по проложенным природой путям, которые могут поддаваться изменениям, но в своей основе воспроизводимы всегда. Раскрыть смысл этих действий для новых поколений и соответствующих им новых условий жизни сложных биосистем, выявить новые социальные практики «улучшения» человека и его мира, в которые вовлечена молодежь XXI в., биосоциология молодежи сможет, если в ее основе будут лежать концепции ноосферы и универсальной эволюции, а также примененный к ним тезаурусный подход.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: Тувинский феномен. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 272 с.

Луков, В. А. (2013) Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания : науч. монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 430 с.

Луков, Вал. А. (2018а) Тезаурусная социология : в 4 т. : монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Т. 1. 608 с.; Т. 3. 608 с.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : НИБ. 784 с.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : НИБ. 640 с.

Моисеев, Н. Н. (1990) Человек и ноосфера. М. : Мол. гвардия. 351 с.

Моисеев, Н. Н. (1993a) Универсальный эволюционизм. (Позиция и следствия) // Вопросы философии. № 3. С. 3–28.

Моисеев, Н. Н. (1993b) Восхождение к разуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М. : Изд-во АТ. 192 с.

Моисеев, Н. Н. (1994) Как далеко до завтрашнего дня… Свободные размышления 1917–1993. М. : Аспект Пресс. 304 с.

Моисеев, Н. Н. (1995) Историческое развитие и экологическое образование. М. : Изд-во МНЭПУ. 53 с.

Моисеев, Н. Н. (1998) Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Изд-во МНЭПУ. 228 с.

Моисеев, Н. Н. (1999a) Разнообразие цивилизаций и права человека: Взгляд с позиции естествознания // Экология и жизнь. № 2. С. 6–9.

Моисеев, Н. Н. (1999b) О мировоззрении и миропонимании // Экология и жизнь. № 4. С. 4–8.

Моисеев, Н. Н. (2007) Современное естествознание и проблемы взаимодействия Природы и общества // Экология и жизнь. № 8. С. 10–14.

Моисеев, Н. Н. (2007) Экологический образ гуманитарного знания: поиск пути // Альма матер. № 6. С. 37–42.

Nowotny, H. (2005) The increase of complexity and its reduction: emergent interfaces between the natural sciences, humanities and social sciences // Theory, culture and society. Cleveland. Vol. 22. No. 5. Pp. 15–31.

Urry, J. (2005) The complexities of the global // Theory, culture and society. Cleveland. Vol. 22, No. 5. Pp. 235–254.

Луков Валерий Андреевич — директор Центра социального проектирования и тезаурусных концепций Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Росийской Федерации, действительный член Международной академии наук (IAS), доктор философских наук, профессор.

Культурная политика России в контексте парадигмы «догоняющего развития»

О. И. Карпухин
Московский гуманитарный университет

Показано значение сочетания диахронического и синхронического аспектов анализа процессов формирования российской культурной политики. В статье на основе анализа исторического опыта интеграции культуры России в мировую «глобальную культуру», исходя из концепции «догоняющего развития» и «коммерческой саморегуляции», обоснована неперспективность этой модели культурной политики для России.

Ключевые слова: культурная политика; Россия; догоняющее развитие; интеграция культуры; европейская культура; культурное достояние

В современной научной литературе рассмотрение феномена культурной политики государства в нашей стране, как правило, ограничивается историческими рамками недавней советской истории или сегодняшнего дня. Между тем изучение углубленного пространственно-временного континиума бытия отечественной культуры показывает плодотворность рассмотрения культурной политики в сочетании диахронического и синхронического аспектов анализа процессов ее формирования. Диахронический подход помогает проследить историческую эволюцию отношений государства и культуры, синхронический — понять их взаимопроникновение. Сочетание этих подходов способствует осознанию феномена культурной политики в контексте парадигм исторического развития общества. Для России одной из таковых была и остается парадигма «догоняющего развития».

Оценивая современное состояние отечественной культуры, многие исследователи ссылаются на «плохое» отношение к се проблемам со стороны государства. Действительно, заглянув в историческую глубину государства российского последних трех столетий, нетрудно обнаружить не только «остаточный подход» к культуре, но и враждебность к ее фундаментальным ценностям. Особенно явно эта враждебность проявлялась во времена преобразований нашего государства, направленных на его «модернизацию». Примечательны

в этом отношении петровские реформы, заложившие основы «догоняющего развития» в России.

Концепция «догоняющего развития» вот уже три столетия является идеологией усилий огромной державы, направленных на то, чтобы уподобить ее «продвинутым во всех отношениях» странам Запада. Однако Европа и Запад в целом так и не стали для России «общим домом», потому как сама специфика геополитического положения страны, евразийский полиэтнизм ее культуры, особенности исторического и религиозного развития образовали иной тип цивилизации, нежели западный. Не видеть этого — значит, постоянно жить на задворках Европы.

Сторонники концепции «догоняющего развития» рассматривают русскую культуру как самобытную версию византийской, а значит — европейской. Соответственно, «татаро-монгольское иго» оценивается ими как период «торможения» культурного развития России. Такая точка зрения, как известно, господствовала в науке, по крайней мере, со времен Н. М. Карамзина, в том числе в «официальной» историографии советского периода. Она игнорирует то обстоятельство, что дохристианская восточно-славянская культура синтезировала культуры неславянских и праславянских племен, проживавших на территории России, а также интенсивные культурные влияния «степи». Однако и после христианизации Руси ее культура формировалась под воздействием не только византийских, но и «туранских» влияний, в том числе в рамках сложных процессов взаимоотношений Орды и русских княжеств. Недооценивается и роль западноевропейских влияний на культурные процессы средневековой Руси. Между тем, именно столь сложный и разнородный характер культурных скрещений обусловил самобытность, уникальность и мощь русской культуры до такой степени, что в мировой науке — от А. Тойнби до С. Хантингтона — все увереннее говорят о русской (или славяно-православной) цивилизации как одной из восьми самых значительных мировых цивилизаций — в частности, наряду с западной (евро-американской) и исламской.

Тем не менее, как утверждает современный исследователь С. Я. Сущий, российская культура является «догоняющей» относительно европейской (Сущий, 1995). Подобное суждение предполагает, что и советский период культурного развития страны был периодом европеизации «российской культуры». Однако заметим, что на-

растающие в российском обществе настроения против «вестернизации» культуры свидетельствуют о неидентичности советской и западной культур. Да и процессы возрождения локальных культур (Русского Севера, Юга России, Сибири и т. д.) и осознания их роли в русской культуре (и не только в прошлом), интенсифицирующиеся процессы «расщепления» «российской культуры» на русскую и нерусские культуры, и другие новейшие явления дают основания для вывода о недостаточности аргументации исследователя, о необходимости расширения их типологии. В частности, это способствовало бы уяснению природы *незавершаемости* культурных «поворотов» России к Европе, Западу в эпохи Ивана III, Петра I, капиталистического развития России, советской власти как некоей закономерности функционирования и развития отечественной культуры.

У России — свой особый и естественный путь развития. Эффективность преобразований на этом пути определялась, как правило, не стремлением «догнать» или «перегнать» кого-то, а формированием своей цивилизационной модели, учитывающей достижения Запада, но при этом основывающейся на собственной исторической и культурной традиции. Разумеется, речь не идет о том, чтобы Россия и ее народы самоизолировались от влияния извне и замкнулись лишь на достижениях культуры, унаследованной от прошлого. Напротив — процесс модернизации обретает смысл только тогда, когда он имеет своей целью создание новых пропорций между факторами перемен и требованиями преемственности, беря за основу принцип равного достоинства всех культур. Но как только над этим процессом устанавливается контроль, ничто, по сути, не должно мешать тому, чтобы влияние других культур стало одним из факторов утверждения и обновления культурной самобытности, ни в коем случае не подменяя ее. На каком-то этапе может быть и «догоняющее развитие», но оно не должно становиться самоцелью — только средством.

Ни один проект развития, оправдывающий это название, не может игнорировать культурный аспект, основные особенности не только естественной, но и культурной среды, равно как и фундаментальные ценности народа, для которого он предназначен. В то же время осуществление государством культурной политики всегда тесно связано с задачей «сознательно строить свою собственную судьбу вместо того, чтобы подчиняться спонтанным импульсам»

(Моль, 1973: 101). Выявление тех или иных аспектов социокультурной динамики на различных этапах модернизации помогает понять смысл и эффективность происходящих преобразований. Попробуем проиллюстрировать этот тезис на примерах отечественной истории.

Опыт отечественного реформизма показывает, что успех модернизации во многом зависит не только от воли, решительности и возможностей ее инициаторов, но и от внутренней готовности основной массы населения к предстоящим переменам, их активного участия в преобразовательной деятельности. Вот этот социокультурный фактор не всегда учитывался, и реформы, не получая широкой поддержки, тормозились. В. О. Ключевский, например, считал, что реформаторская деятельность Петра I «ограничивалась стремлением вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными», а потому и завершилась «борьбой деспотизма с народом, его косностью» (Ключевский, 1958: 220–221).

То, с чем боролся Петр I, не всегда было косностью, безжалостно истреблялось и самобытно-духовное, что не укладывалось в готовый западноевропейский шаблон. Более того, накапливаемый в процессе модернизации «культурный потенциал» оказывался не только не освоенным, но даже и не был востребован основной массой населения, поскольку воспринимался им как глубоко чуждый. Налицо был явный «перепад» культур, отсутствие четкого, осознанного отношения к модернизации даже среди ее сторонников.

Решить сложившуюся проблемную ситуацию можно было только с помощью продуманной системы мер в виде государственной культурной политики. Опыт западных модернизаций показывает, что идеальный вариант их проведения возможен тогда, когда культурные революции предваряют социальные. М. Вебер в своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» убедительно доказал, что капиталистические отношения смогли появиться благодаря утверждению нового культурного образца в протестантских общинах.

В России, как правило, культура становилась заложницей преобразований, поэтому так неизмеримо высока их цена. Во всех странах буржуазные революции завершались отделением церкви от государства, а у нас же наоборот — поворот к модернизации в XVIII в. сопровождался закрепощением церкви, превращением ее в еще одно

бюрократическое ведомство. Так Петр I, очевидно, прореагировал, когда почувствовал, что духовное, культурное противостояние его реформам оказалось не менее действенным, чем политическое. Пришлось менять не только систему социальных институций традиционного общества, но и философию их деятельности, уклад жизни, систему норм и ценностей. Культурная политика государства строилась в тот момент не на преемственности, а в соответствии с принципами вытеснения культурных образцов традиционного общества новыми, привнесенными извне, а потому чуждыми.

Так, в области образования произошли изменения, приведшие не только к появлению новых типов учебных заведений на европейский манер и «обмирщению» духовных школ, но и к кардинальному изменению содержания образования. Ведь основное внимание педагогики Древней Руси, по меткому замечанию В. О. Ключевского, было обращено на привитие житейских правил, а не научных знаний. Изменение системы образования сопровождалось появлением новых социокультурных институтов — Академии наук, кунсткамеры, библиотеки, печатной газеты, типографии и т. д. Все это ускорило процесс утверждения новой светской культуры, ее отделение от старой, развивающейся под контролем церкви. С тех пор основным субъектом культурной политики в России становится государство.

В период «просвещенного абсолютизма» Екатерины II такая политика стала обретать еще более отчетливые черты и системный характер. Государство упрочило свое влияние на духовную жизнь общества, распространив его не только на вопросы образования, но и на все стадии социализации личности, дерзнув заявить о необходимости создания «новой породы людей». В этом плане огромное значение имело освобождение дворян от обязательной службы, которое, по меткому определению американского историка Р. Пайпса, открыло для них «шлюзы умственной деятельности». «Расцвет русской литературы в XIX веке, — пишет Пайпс, — был бы невозможен без закона 1776 года и чувства личной безопасности, обретенного высшим дворянским слоем в благодатное царствование Екатерины». Именно с тех пор «русское общество наконец-то принялось отстаивать свое право на независимое существование» (Пайпс, 1974: 341). Уделяя большое внимание проблемам образования, Екатерина II подходит к их решению удивительно мудро, делая акцент на воспитание и подготовку учащихся к гражданскому общежитию. «Это

воспитание, — по определению В. О. Ключевского, — должно быть сосредоточено на разработке нравственного чувства: это дело должно взять в свои руки само государство» (Ключевский, 1990: 18).

Реформы Екатерины II, ее культурная политика, несомненно, способствовали пробуждению общественного самосознания и активности среди дворян, но в значительно меньшей степени влияли на аналогичные процессы среди основной части населения России, которое по-прежнему было лишено элементарных гражданских свобод. Результат преобразований оказался противоположен тому, на который надеялась императрица. На месте монолитного традиционного общества возникло новое, заключавшее в себе массу противоречий, которые проявлялись на различных уровнях и с различной степенью интенсивности. Все это, делают вывод современные историки, не могло не привести к растущему отчуждению государства от общества, питающего оппозиционное движение русской интеллигенции в XIX столетии (Вехи..., 1994).

Отчуждение государства от общества возникло в результате не только половинчатого характера реформ, их непоследовательности, но и слабого социокультурного обеспечения. Отсюда нереализованность социальных ожиданий у одних и апатия ко всему происходящему у других. Резкий перепад культур, увеличивающаяся разница «культурных потенциалов» в социально-классовой структуре объясняются особенностями проводимой государством культурной политики.

В связи с тем, что эта политика не имела широкой социальной базы и в основном распространялась на привилегированную часть общества, в стране возникло культурное расслоение[1], которое в переходный период не менее существенно для успехов модернизации, чем классовое. Образовалось как бы две разных культуры — дворянская (господская) и народная. Духовная жизнь народа развивалась по-прежнему в контексте норм и образцов допетровского традиционного общества, ему были чужды новые прозападные ценности. Возникла ситуация трагического для всего последующего исторического развития России разрыва культур — народной культуры и культуры образованного класса. «Народ, принадлежавший к иному

[1] Имеется в виду расслоение, как определяет Э. А. Орлова, по социокультурным основаниям, которые в общественной науке квалифицируются таким набором понятий, как образ и стиль жизни, социальная идентичность, позиция, статус (Орлова, 1993: 51).

типу культуры, увидел в университетской интеллигенции что-то ложное, нечто себе чуждое и даже враждебное» — так характеризует Д. С. Лихачев противостояние культур уже на рубеже XIX–XX вв. (Лихачев, 1990: 3).

Для понимания подобного «различения между ученой или официальной культурой», с одной стороны, и культурой народной, неофициальной, с другой, по мнению А. Я. Гуревича, необходимо ставить вопрос о разных ментальностях «элиты» и «простого народа» — о различиях в образе их мыслей и чувств, о различии точек зрения на мир и человека, присущих «как низшим прослойкам имущих, так и социальным маргиналам» (Гуревич, 1990: 25). Перед историками культуры, полагает А. Я. Гуревич, «вырисовываются очертания во многом еще не открытого и не познанного материка — культуры “безмолвствующего большинства”, тех широких слоев, которые были оттеснены от книги и письменной фиксации своих идей, “побуждений и чувств”» (там же: 35–36).

Нельзя сказать, что российские крестьяне сплошь были темны и безграмотны. Чаще всего элементарную грамотность до появления земских школ многие крестьянские дети получали от священника или других лиц причта. И хотя в 1786 г. был принят «Устав народных училищ в Российской империи», предусматривавший создание сети средних учебных заведений в губерниях и уездах России, эта сеть росла медленно и плохо. К концу столетия малые народные училища были открыты далеко не во всех даже уездных городах, а организацию школ на селе, где проживала основная часть населения, Устав 1786 г. вообще не предусматривал. Не способствовал развитию просвещения и культуры и указ Екатерины II (1786) о запрещении «вольных типографий» и введение более жесткой цензуры. В последнее десятилетие «просвещенного абсолютизма» в стране неуклонно снижалось количество издаваемых книг: в 1788 г. было отпечатано 439 наименований книг различного содержания; в 1789 г. — 339; в 1790 г.— 263; а в 1797 г., после принятия указа, — только 165.

Таким образом, государственная культурная политика периода реформ Екатерины II носила в основном сословный характер: с одной стороны, эта политика была более открыта для общества, с другой — ее отличало усиление нормативного начала, ориентация на поэтику и эстетику абсолютизма. Искусство как вершина культуры

становится инструментом власти: достаточно вспомнить верноподданнические оды, творчество придворных и крепостных архитекторов, скульпторов. Крепостной театр стал символом взаимоотношений государства и культуры на рубеже XVIII и XIX в. Именно в это время в основание культурной политики «на века» закладывается ее краеугольный камень — всесильная цензура, просуществовавшая в России от «неолита до Главлита».

Начало XIX в. с восхождением на престол Александра I было ознаменовано появлением либерального цензурного законодательства 1804 г. Благодаря полученным свободам в культурной жизни России происходит переворот: профессионализация литературной деятельности. Стремительный рост читателей и покупателей книг, периодических изданий превращает литературную деятельность в доходную. «...литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. торговое», — писал А. С. Пушкин, который всегда был горячим сторонником профессионализации писательского труда (Муравьева, 1994: 155).

С Пушкина начинается качественно новый этап во взаимоотношения творца и властелина, поэта и народа. Неоднократно подчеркивая, что поэзия «не имеет никаких целей, кроме самой себя», что «истинный талант доверяет более своему суждению», Пушкин в 1830 г. находит этим мыслям поэтическую формулу:

«Поэт! Не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум.
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.
Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди. куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд».

Пушкин утверждает суверенность своего поэтического сознания не только перед власть имущими, но и перед своим читателем. Нет большей для него власти, чем собственный суд, поскольку «самостоянье» человека, а тем более творца — залог величия его.

До Пушкина, как мы уже отмечали, в русском обществе безраздельно господствовал инструментальный подход к культуре, в соответствии с которым она была неким приложением к жизни, политике, досугу и т. д. Культурная политика при этом выступала соответственно функцией политических, сословных, правительствен-

ных и иных структур, но только не самой культуры. В творческой же практике Пушкина подобная модель взаимоотношений культуры и общества — не единственно возможная и не абсолютно безупречная. Поэт решительно уклонялся от любого «социального заказа», даже если это исходило от друзей-единомышленников. «Полемизируя с Рылеевым и Бестужевым, он отстаивал принципы своей эстетики, исключавшей заданность, целенаправленность основного пафоса произведений». Суть этих споров хорошо сформулирована в письме к Жуковскому: «Ты спрашиваешь, какая цель у “Цыганов”? Вот на! Цель поэзии — поэзия, как говорит Дельвиг, если только не украл у кого-то! “Думы” Рылеева и целят, да все невпопад» (Пушкин, 1937: 167).

Чем независимее держал себя поэт, тем большего внимания удостаивался он со стороны державной особы. В отличие от своих венценосных предшественников, которые, ничтоже сумняшеся, не угодивших им авторов ссылали, Николай I избирает в начале своего правления более тонкую политику «приручения» наиболее талантливых из них. Пушкин как никто другой мог влиять на общественное мнение. И царь это знал; во время высочайшей аудиенции он объявил поэту, что отныне сам будет его цензором. Именно в правлении Николая I утверждается «прекрасная» российская, а затем и советская традиция культурной политики — бесцеремонное вмешательство власти в художественную жизнь и даже в сам творческий процесс.

Царь не только стал личным цензором первого поэта России, им же назначались президенты Академии художеств исключительно из числа членов императорской фамилии. Царь лично уволил из Академии художеств знаменитого живописца А. И. Иванова, скульптора С. С. Пименова, архитектора А. А. Михайлова; художник А. И. Егоров за не понравившиеся ему образа был уволен с выговором и даже со взысканием денег (Молева, 1962: 111–113).

Ужесточение цензуры, наступление реакции на свободу табу провали для культуры ряд областей общественной жизни; она как бы ушла в себя, подчинив свои цели задачам «чистого» искусства, науки и просвещения. И при этом, как ни парадоксально, культура не перестала быть мощным двигателем общественной жизни. Деятели культуры становились властителями дум. Наступила новая эпоха духовной жизни России, впоследствии названная И. С. Тургеневым

эпохой «политической». Отсутствие гражданских свобод породило в России феномен интеллигенции как духовной оппозиции власти, которая возникла из-за невостребованности государством интеллектуального, культурного потенциала наиболее образованной и граждански активной части народа.

Эти люди стали «лишними» — так назовет их современное им общество; но их деятельность подготовила общественное мнение к восприятию реформ Александра II. Отсутствие консолидированной буржуазии, малочисленность среднего слоя обрекли на неудачу и эти попытки буржуазного реформизма. Прозападные ценности так и не стали близки ни основной части народа, ни интеллигенции, которая по своей духовной сути всегда была антибуржуазной. Так очередная модернизация не стала достаточно эффективной опять-таки из-за того, что не была дополнена политическими и социокультурными элементами с учетом специфики цивилизационного развития России.

Правда, в отношениях государства и культуры появилось значительно больше свободы. Стала либеральнее цензура, в общественном лексиконе впервые появились понятия «оттепель», «гласность». Окончательно утвердилась власть общественного мнения, на отсутствие которой досадливо сетовал еще Пушкин. В условиях пореформенной России это обусловило новый виток политизации культурной жизни.

Достаточно вспомнить революционно-демократическую публицистику, произведения Герцена и Чернышевского, творчество художников-передвижников и т. д. Политизированность предполагала консолидацию творческих работников — так возникли первые творческие объединения и союзы: «могучая кучка», «передвижники», объединения писателей при журналах «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки» и другие. Во главе с А. Н. Островским, «написавшим целый русский театр (около 40 пьес)», в 1870 г. было создано Общество русских драматических писателей. В 1883 г. к нему присоединились оперные композиторы (Лейкина-Свирская , 1981: 132).

В царской России, как известно, не было специального ведомства, в исключительном ведении которого были бы вопросы культуры и искусства. Департамент по делам цензуры и Министерство просвещения осуществляли в основном идеологический надзор,

олицетворяя собой государственную культурную политику в рамках знаменитой триады «самодержавие, православие, народность». Прямо противоположная, демократичная для культуры политика осуществлялась общественными организациями и фондами, помогавшими художникам и содействовавшими развитию национального искусства. Эти объединения не стремились управлять или контролировать, их задачи были в том, чтобы всячески поощрять и выпестовывать дарования. Именно благодаря возникшему в 1820 г. Обществу поощрения художников, переименованному впоследствии в Общество поощрения художеств, стали возможны командировки «пенсионеров» — способных молодых художников — за границу. «Общество помогало А. Г. Венецианову содержать почти всех его учеников, в том числе крестьян и крепостных, командировало молодого Карла Брюллова, не получившего поддержки в Академии художеств, в Италию. Оно практиковало и другие разнообразные формы помощи художникам — лотереи, конкурсы на премии, на заказы, на назначение стипендии, выставки, аукционы, а также давало пособия нуждающимся» (там же: 153–157).

Общество просуществовало до революции и превратилось в один из самых крупных и демократических центров художественной жизни России. Под стать ему было и Московское общество любителей художеств, основанное в 1860 г. и существовавшее до 1917 г. Это был своего рода клуб, принимавший от художников в виде членского взноса их произведения. Благодаря этим вкладам формировались постоянные экспозиции, имевшие большое значение в культурной жизни Москвы. По инициативе общества был созван в Москве первый съезд художников (23 апреля — 1 мая 1894 г.) после передачи городу Третьяковской галереи. Среди его организаторов были В. Д. Поленов, В. Е. Маковский, В. А. Савицкий. Съезд должен был напомнить обществу о необходимости поддержать искусство — этому была посвящена речь Н. Н. Ге. Доказывалась необходимость расширения эстетических элементов в общем образовании. Был поставлен вопрос об охране законом гибнущих памятников древнерусского художественного творчества.

К концу XIX в. по мере развития демократии, капиталистических отношений в России стала явной тенденция снижения государственного влияния на духовную жизнь общества. Власть вынуждена была уступить общественным движениям, в том числе порождае-

мым и поддерживаемым молодым русским капитализмом. Всевозможные общественные объединения, меценатство становятся полноправными субъектами культурной политики. По сути своей это была уже совсем другая политика: опираясь на самоцелевой подход, она выступала уже как функция самой культуры. Появились принципиально иные организационные формы: художник на равноправных началах принимался в «товарищество» или артель, а не нанимался на службу. На таких, к примеру, принципах формировался Московский художественный театр, основанный на средства Филармонического общества и капиталы Морозовых, а затем не без помощи меценатов перешедший в руки актерского товарищества. Примечательно, что в договоре, составленном руководителями театра, осуждая некультурную и вредную внешнюю обстановку, которая обычно окружала актера в театре, они обязывались создать ему человеческие условия, «приличное помещение, приспособленное для интеллигентной работы, что обеспечивало предпосылки строгой требовательности к их мастерству» (Станиславский, 1962: 218).

«Союз», «товарищество», «содружество» — сами названия предполагали совсем иной тип отношений в среде творческой интеллигенции, чем в государственных учреждениях культуры. Созданные на началах самоуправления, эти объединения естественным образом сменяли друг друга, подчиняясь логике саморазвития различных направлений художественных школ и методов. Это вовсе не значит, что между ними не было конкуренции и даже борьбы, но соперничество по мере снижения их политизированности (которой, например, очень отличались поздние передвижники), все больше носило характер творческого самоутверждения. Именно по такому принципу, например, стали организовывать свои выставки объединения «Мир искусства» и «Союз русских художников», противопоставляя их «одряхлевшим и развалившимся» передвижникам.

«Мир искусства», — пишет Н. П. Лапшина, — «в огромной степени способствовал поднятию общей художественной культуры во всех областях творчества, и парадоксальным плодом этого было то, что “мироискусников” как художников начали быстро обгонять “новые силы”» (Лапшина, 1977: 55).

Бурное развитие в России художественной жизни в начале XX в. породило и новый стиль в архитектуре (модерн), и новый русский театр (Московский художественный), и новые формы содружества,

предполагавшие синтез различных искусств (Дягилевские сезоны в Париже), и нового русского читателя — достаточно соотнести заметно возросший уровень грамотности прежде всего городского населения, и огромные тиражи печатных изданий. По свидетельству Н. А. Рубакина, благодаря ослаблению цензуры уже к 1905 г. Россию охватило «настоящее книжное наводнение».

Небывалое напряжение писательской и издательской работы с октября 1905 г. поставило Россию по числу названий и экземпляров книг на «первое место на всем земном шаре». Создававшаяся за это время народная (т. е. популярная) литература по общественным вопросам была в тот период одной из богатейших народных литератур в Европе (Современный..., 1903: 116).

Складывается такое впечатление, что «серебряный век» нашей культуры смог состояться исключительно благодаря общественной инициативе, на которую были так бескорыстно изобретательны отечественные меценаты. Это была их культурная политика, своего рода «программа вызова» крепко ставшей на ноги национальной буржуазии одряхлевшему строю.

Иногда этот вызов принимался. Известно, например, что Александр III покупал картины русских художников, вступая в конкуренцию с П. М. Третьяковым, поскольку тоже имел благородный замысел создания национального музея русской живописи. Да и открытие Русского музея в Петербурге в 1898 г. было ускорено самим фактом передачи Третьяковской галереи Москве.

Правительственная же реакция на культуру всегда была неизменно чиновной. Даже отец российской модернизации, мудрейший С. Ю. Витте, когда к нему обратился вице-президент Академии художеств И. И. Толстой с просьбой увеличить ассигнования на академию, удостоил того ответом вполне в духе и современных реформаторов: «Россия еще не нуждается в искусстве, нужды Академии не так важны и можно с ними подождать, есть более важные вопросы».

XX в. был ознаменован удивительным явлением русской культуры, блистательно представшей практически во всех областях человеческой деятельности. Это было неизменным свидетельством успешности процессов модернизации, их высоким «человеческим измерением».

Блага культуры и образования становятся все более доступны для самых широких слоев населения. К примеру, если в 1902/03

учебном году половину студентов всех российских университетов составляли дети дворян и чиновников, то уже в 1906 и 1914 г. мы видим постепенную убыль из университетов потомственных дворян, личных дворян и чиновников, увеличение в 2,5 раза детей крестьян. В целом 38,9% студентов составляли дети мещан и цеховых, казаков и крестьян.

Сложившаяся в стране общественно-государственная модель культурной политики помогала преодолению социокультурного расслоения внутри общества, приобщению представителей всех сословий к образованию и профессиональной художественной культуре. Это, в свою очередь, способствовало решению как общецивилизованных задач, так и проблем ускорения модернизации.

Как подчеркивают авторы книги «Вехи российской истории», «при “догоняющем” типе развития России и ориентации ее правящих верхов и интеллигенции на западноевропейские образцы модернизация по своей сути должна была носить буржуазный характер, устранить остатки крепостничества, снять преграды для развития предпринимательства и утвердить политические свободы. Она диктовалась необходимостью решения общецивилизационных задач, в том числе и преодоления социокультурного разрыва внутри общества, приобщения трудящихся к образованию и профессиональной художественной культуре» (Вехи..., 1994: 77).

После 1917 г. с изменением социально-политической системы в стране сохраняется идеология «догоняющего развития», но в принципиально иной, чем прежде, интерпретации. Провозглашаются альтернативные западным цели развития и в то же время признается, что достижение этих целей возможно только при условии применения богатого опыта экономически развитых стран, т. е. на путях «догоняющего развития». Тем не менее, масштабность преобразований, вера народов в реальность поставленных целей (не только догнать, но и перегнать!) вызвали прилив огромной социальной энергии. Интенсивность модернизационных процессов была обусловлена возрастающей ролью как экономических, так и социокультурных факторов развития.

Благодаря мощным государственным механизмам регулирования социальных и экономических целей в стране удалось добиться признанных мировым сообществом достижений в сокращении раз-

личий в образовательном и культурном уровне различных социально-демографических и национальных групп населения.

Практика решения задач культурного строительства порой приобретала не догоняющий, а альтернативный характер. Достаточно вспомнить впечатляющие примеры из области науки, образования, художественного творчества и т. д. В нашей стране и за рубежом появились теоретические работы, обосновывающие оценку «советской культуры» как «специфической цивилизации» или, во всяком случае, феномена мировой исторической значимости. В области общего и специального образования, книгоиздания, культурной активности населения СССР в 1960-е годы вышел на ведущие позиции в мире.

Но уже с начала 1970-х годов все более ощутимо стало проявляться противоречие между потребностями развития производительных сил и уровнем развития человека. Научно-технические и экономические достижения, постепенное повышение уровня жизни не трансформировались в ожидаемый новый тип личности, который декларировался как основная цель социализма. Это противоречие проявилось прежде всего в отчуждении личности в процессах производства и распределения, духовной сфере, в росте индивидуализма и эгоизма, потребительства.

Постепенно развитие личности переставало осознаваться советскими людьми как самоценность. Потребление становилось главным мотивом их трудовой, общественной и иных видов деятельности.

Примечательно, что именно на рубеже 1950–1960-х годов на Западе была разработана теория конвергенции, суть которой в том, чтобы совместить достижения в развитии производительных сил в западных странах с успехами в развитии личности в условиях социализма, но интерес к этой теории стал угасать в связи со все более полным проявлением вышеназванных противоречий советской системы.

Мировым сообществом признано, что культура является основополагающим элементом жизни каждого человека и каждого общества. На этом основании ЮНЕСКО (Мехико, 1992) сделан вывод о том, что понятие развития обретает весь своей смысл лишь постольку, поскольку им учитывается культурная самобытность людей и народов, в которой отражаются их взгляды на мир. Поэтому непре-

менным условием осуществления национальных и международных стратегий развития является выработка соответствующей культурной политики как отражения интеграции культуры в сферу государственной деятельности — наряду с деятельностью неправительственных ассоциаций, различных объединений и отдельных граждан.

Анализируя опыт отечественной модернизации в свете вышеназванных требований, не трудно убедиться в том, что процессы модернизации в России стали приобретать системный и последовательный характер лишь в конце XIX — начале XX в. по мере ослабления жесткого государственного контроля и расширения необходимого инновационного пространства. Все же предшествующие модели развития, как мы уже отметили, носили непоследовательный и явно противоречивый характер: с одной стороны, результатом «европеизации» России стала ее богатейшая дворянская культура, но, с другой стороны, это же обстоятельство не уменьшало, а лишь увеличивало степень отчужденности от нее народа, духовную пропасть между «верхами» и «низами».

По западным критериям «догоняющего» развития России навсегда уготована участь отсталой державы, хотя бы потому, что уже само положение догоняющей страны заранее обрекает ее на неудачу — Запад ведь тоже стоять на месте не будет. Да и в гонке ли дело? В конце концов, есть и пределы роста — экономические, экологические и т. д. Так стоит ли стремится к тому, от чего в развитых странах начинают отказываться? Как справедливо подметил еще в 1990 г. литературовед Ю. Архипов, «догоняя теперь Запад в его достижениях цивилизации и демократии, мы имеем редкостную историческую возможность заодно избежать западных бед. Например, диктата примитивного потребителя в области культуры. Или диктата интеллектуальной моды в среде “высоколобия” — террора этой среды» (Архипов, 1990: 3). Действительно, универсализация способов производства, чрезмерное потребительство, стандартизация образа жизни и вкуса, поглощение традиционных культур привнесенными извне культурными моделями ныне осознаются мировым сообществом как угроза самой основе самоидентификации народов, а в международном масштабе — как угроза мировой цивилизации, выживаемость которой базируется на многообразии культур и вариативности их развития.

В результате градостроительства, индустриализации, загрязнения окружающей среды, вооруженных конфликтов, неразумного массового туризма, насаждения нигилистических идеологий и национального эгоизма, наконец, нерегулируемой коммерциализации культурной сферы достопримечательностям культуры все больше угрожает опасность разрушения. Отечественный исторический опыт, особенно опыт XX в., обнаруживает, что эта опасность не ограничивается безвозвратной утратой памятников архитектуры, произведений искусства, уникальных рукописей, раритетов, обеднением национальных языков и сокращением сферы их функционирования и т. п. Эта опасность воплощается в утрате национального самосознания и в развитии психологии национальной ущербности, подрывающих духовный потенциал народа и государства.

Таким образом, основными структурообразующими и содержательными компонентами государственной культурной политики России на современном этапе могут быть, на наш взгляд, следующие:

1. Утверждение статуса культуры в обществе и государстве как основополагающего элемента жизни каждого человека и общества в целом и, следовательно, интеграции культуры в сферу государственной деятельности;

2. Сохранение, защита и стимулирование развития культурной самобытности всех народов Российской Федерации как обязанности государства, реализующей потребность народов России в росте национального самосознания и самоидентификации. Эта обязанность государства должна воплощаться в создании адекватных условий для сохранения культурной самобытности народов России, в правовой, экономической и политической защите национальных культур от нивелирующих и экспансионистских воздействий привносимых извне культурных моделей, в развитии регулируемых межнациональных и межгосударственных культурных обменов;

3. Спасение, возрождение и охрана культурного наследия как обязанности государства, призванного гарантировать сохранение духовного потенциала народа — базиса его суверенитета и развития;

4. Обеспечение доступности для всего народа культурных ценностей и культурной деятельности как обязанности государства, воплощающей его стремление к культурной демократии, которая является непреложным фактором демократии политической.

Разумеется, культурное достояние народов России не ограничивается лишь самобытными ценностями и культурным наследием. Это достояние постоянно выражается также в современной культуре, начиная от новых продуктов духовной деятельности и кончая изменениями в быту, образе питания, одежде и т. д. Развитие современной культуры связано со стимулированием творческой деятельности, положением дел в области образования, коммуникации, науки и техники и т. д. Участие всего населения в культурной жизни является отражением всеобщего участия людей в общественной жизни и в развитии общества. Поэтому, подчеркнем еще раз: без эффективного осуществления прав на доступ к культурным ценностям и культурной деятельности, в сущности, невозможна не только подлинная культурная демократия, но и реальная политическая демократия.

Для иллюстрации этого утверждения достаточно напомнить, что низкий и падающий уровень образованности молодого поколения в современной России и снижающаяся включенность этого поколения в систему национальных культурных ценностей увеличивает долю электората, ориентирующегося на экстремистские политические доктрины, а недостаточная — и более того, сокращающаяся на наших глазах — диверсификация коммуникационных структур выключает все большую часть населения из общественного диалога. Таковы реалии современной политической жизни в зеркале современной культурной политики.

Анализ концепции интеграции культуры России в мировую «глобальную культуру» на основе ее «догоняющего развития» и «коммерческой саморегуляции» свидетельствует о неперспективности этой модели культурной политики в сравнении, например, с политикой «культурного консерватизма», направленной на развитие культурной самобытности и культурной идентичности России, ограничение экспансии «глобальной культуры» и осуществляющей патернализм в отношении локальных культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архипов, Ю. (1990) Родное и вселенское: Письмо немецким друзьям // Литературная газета. 1990. № 42.

Вехи российской истории (1994): Государственная научно-исслед. программа «Народы России: возрождение и развитие». СПб. : ТОО ТК «Петрополис». 222 с.

Гуревич, А. Я. (1990) Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. № 4. С. 23–35.

Ключевский, В. О. (1958) Сочинения : в 8 т. Т. 4, ч. 4 : Курс русской истории. М. : Госполитиздат. 422 с.

Ключевский, В. О. (1990) Сочинения : в 9 т. / [под ред. В. Л. Янина ; вступ. ст. В. Л. Янина, В. А. Александрова]. [Т.] 9 : Материалы разных лет / [послесл. и коммент. Р. А. Киреевой]. М. : Мысль. 525 с.

Лапшина, Н. П. (1977) Мир искусства. Очерки истории и творческой практики. М. : Искусство. 344 с.

Лейкина-Свирская, В. Р. (1981) Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М. : Мысль. 285 с.

Лихачев, Д. С. (1990) Несвоевременные мысли? //Советская культура. 13 января.

Молева, Н. Н.(1962) Выдающиеся русские художники-педагоги. М. : Изд-во Академии художеств СССР. 388 с.

Моль, А. (1973) Социодинамика культуры. М. : Прогресс. 406 с.

Муравьева, О. С. (1994) Неунаследованное наследство. Писатель и общество в концепции А. С. Пушкина // Пути и миражи русской культуры. СПб. : Пушкинский дом. С. 155–190.

Орлова, Э. А. (1993) Культурная политика в контексте модернизационных процессов // Теоретические основания культурной политики. М. : Рос. ин-т культурологии. С. 47–75.

Пайпс, Р. (1974) Россия при старом режиме. Нью-Йорк.

Пушкин, А. С. (1937) Полное собрание сочинений. Т. 8. М.–Л.

Современный мир (1903). Кн. 12. М.

Станиславский, К. С. (1962) Моя жизнь в искусстве. М. : Искусство. 576 с.

Сущий, С. Я. (1995) Хронотоп российской культуры : автореферат дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д. 39 с.

Карпухин Олег Иванович — главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Коммуникационная составляющая повседневной культуры в СССР в эпоху создания ядерного оружия и электронно-вычислительных комплексов

Э. Ф. Макаревич
Московский гуманитарный университет

В статье показано, как фантастическая идея вести с Россией, восстанавливающей экономику после второй мировой войны, успешную войну при помощи товаров народного потребления, провалилась. Меры противодействия советской власти этим попыткам могут рассматриваться как социологическая пропаганда с иным назначением, чем это предусматривалось теоретиками Запада.

Ключевые слова: социологическая пропаганда; повседневность; товары народного потребления; образ счастливой жизни; СССР в послевоенные годы

Выйдя победителем из второй мировой войны, Советский Союз, потерявший почти 26,6 млн своих граждан, залечивал раны, интенсивно восстанавливал или заново отстраивал уничтоженные и пострадавшие города и деревни, предприятия, электростанции, дороги. В этом масштабном строительстве наряду с «вольными» гражданами трудились более 2,5 млн заключенных и почти 3,8 млн пленных немцев.

Страна восстанавливала и строила не только порушенное жестокой войной. Она определяла стратегию своего развития, и видела ее прежде всего в развитии науки и инженерных проектов. И способствовало этому ведущаяся в огромных масштабах работа по созданию оружия нового поколения.

В ответ на «ядерные» планы США в стране создавалась атомная и ракетная промышленность, на что были брошены колоссальные средства. Масштаб этих средств можно представить, посмотрев затраты американцев на создание первой атомной бомбы — 1 млрд долларов только на исследования и разработку (Губарев, 2004: 75). В СССР на бомбу тоже денег не жалели. Даже после голода, унесшего в засушливом 1946 г. жизни почти 400 тыс. человек, страна уже на следующий год увеличила экспорт зерна с 0,4 до 2,4 млн тонн. В минимальной степени финансировались культура, особенно кинематограф (выпускалось не более десятка фильмов в год, малокартинье

компенсировали выпуском в прокат «трофейных» фильмов из Германии), здравоохранение, зато в максимальной — производство вооружений. Не было зарубежных кредитов и импортных товаров, на производство продуктов питания, одежды, бытовых товаров, выделялись минимальные средства. Но деньги в военную промышленность поступали без перерыва.

Создание ядерного оружия и ракет требовало развития смежных отраслей науки и производства: химического, металлургического, определенных машин и механизмов, лабораторного и заводского оборудования. Но прежде всего развития вычислительной техники. «Ядерные» и ракетные разработки требовали такого объема вычислений, который в принципе был нереализуем старыми, традиционными методами — с использованием логарифмических линеек, арифмометров и клавишных машин, В то время как советские философы старались доказать, что кибернетика — лженаука, советские ученые и инженеры разрабатывали быстродействующие электронно-вычислительные машины, необходимые для расчета ядерных реакций и траекторий ракет. Академиком С. Лебедевым в 1948 г. была создана электронная быстродействующая машина МЭСМ, а потом появилась его большая счетная машина БЭСМ-1. Кибернетические машины серии БЭСМ по своим характеристикам ни в чем не уступали американским аналогам и сыграли выдающуюся роль в развитии советской науки, техники и промышленности.

Параллельно с ядерными бомбами рождались ракеты и современная реактивная авиация, не уступающая ни в чем американским летательным аппаратам. В небе воюющей Кореи пилоты реактивных истребителей МиГ-15 сбивали американские «Сейбры». В математическом обосновании конструкций ракет, самолетов и двигателей к ним заметен вклад академика Н. Н. Моисеева.

Ядерное оружие создавалось в контексте сложной социально-экономической ситуации в СССР. Страна не могла вытянуть в нужных объемах выпуск автомобилей, тракторов, комбайнов, холодильников, стройматериалов, вести строительство жилья, чтобы удовлетворить в полной мере запросы людей, предприятий и хозяйств. Когда недоставало тракторов, «пахали на быках»: плуги, вспахивающие землю, тащили лошади, быки и даже коровы. Сельскохозяйственные работы легли на плечи женщин и подростков (большая часть мужчин так и не вернулись с войны, а вернувшиеся были в боль-

шинстве своем инвалидами). Из хозяйств выжимали непомерные налоги, но крестьянам оставили собственное подворье, с продукции которого они и жили. И умудрялись продавать городу яйца, молоко и овощи в частном порядке.

В чем же были особенности пропаганды того времени, влияющей на мнения, настроения, ожидания людей, на мотивы их трудовой деятельности? В чем была особенность коммуникационной составляющей жизни людей того времени?

С одной стороны, пропаганда оставалась традиционной, в которой решающую роль играло слово и мастерство пропагандиста, владеющего им. Словом объясняли задачи восстановления страны после изнурительной и победоносной войны, словом объясняли агрессивность политики США в отношении СССР и его союзников, которая могла бы привести к новой мировой войне. Одной из ведущих пропагандистских концепций здесь стала борьба с космополитизмом, которая больше касалась интеллигенции, нежели рабочих, крестьян и служащих.

Но, с другой стороны, пропаганда, тогда ведущаяся в СССР, приобретала характер социальный, когда главным инструментом влияния на людей становится не только слово, а предлагаемый образ жизни, материальный предмет, реальное событие. Это было то, что впоследствии французский социолог Жак Эллюль назовет социологической пропагандой и обоснует это явление: социологическая пропаганда есть проникновение идеологии с помощью средств ее социологического контекста (Ellul, 1965: 62–63). Впоследствии Анджей Лавровский, ссылаясь на концепцию Г. Лассуэлла, предложит понимание социологической пропаганды как просвещение и воспитание одновременно. Из этого следует, что социологическая пропаганда оказывает воздействие на человека в соответствии с социологическим образцом, принятым в данном обществе, а ее действия не выглядят пропагандой. При этом человек воспринимает ее влияние спонтанно, принимает новые критерии жизни, как будто он выбрал их сам (Лавровский, 1978: 51–52). Советские пропагандисты того времени пришли к такому пониманию пропаганды интуитивно, но вполне осознанно.

К такому же пониманию пропаганды в отношении СССР пришли в то время и в американских исследовательских центрах, в RAND Corporation, в ЦРУ. Там тогда думали о методах мобилизации насе-

ления на борьбу с коммунистической властью в СССР. И американские исследователи тоже задавались вопросами: чем завоевать людей, гордых победой над гитлеровской Германией и не избалованных уровнем жизни и свободой?

Наиболее оригинальными оказались предложения социологов — воздействовать на советских граждан демонстрацией западного качества жизни. Они исходили из того, что уровень жизни и организации быта в СССР в тот период (1945–1951 гг.) был несопоставим с уровнем жизни в странах Запада. Когда Красная армия, добивая фашистов, вошла в Европу, солдаты воочию увидели другую, западную жизнь. Увидели ее и сотни тысяч граждан, угнанных на работу в Германию.

Американские социологи стали предлагать варианты воздействия на советских граждан с целью изменения их ценностных ориентиров. Было определено самое уязвимое место в советской системе. Это было различие между военно-промышленной культурой и культурой жизни и быта людей. Отсталость советского быта, низкое качество жизни народа стали основной темой западной пропаганды. Средства массовой информации того времени уже имели возможность проникнуть за железный занавес. В передачах радиостанции «Голос Америки» говорилось об образе жизни людей в Соединенных Штатах, о предметах быта, о товарах и продуктах, которые мог свободно приобрести средний американец.

Именно тогда, в 1951 г., американский социолог Д. Рисмен написал социологическое эссе-сценарий в стиле социальной фантастики под названием «Нейлоновая война». В нем он описывает проведение некой операции «Изобилие», посредством которой можно сокрушить Советский Союз (Социологические исследования, 1994: 135–141). Согласно его сценарию, тысячи американских бомбардировщиков должны были бомбардировать советские города… потребительскими товарами. 600 самолетов полетели в Ростов-на-Дону и еще 200 — во Владивосток. Они сбросили 200 000 пар нейлоновых чулок, 4 000 000 пачек сигарет, 10 000 наручных часов и т. д. «Этого оказалось более чем достаточно, чтобы вызвать волнения, когда жители рванулись делить товары. Через несколько часов после падения первых свертков с товарами дороги к городам — объектам бомбардировок были блокированы. Пришлось возвести на пути к ним бар-

рикады и объявить, что слухи о происходящем — ложь». Пропаганда вещами оказалась сильнее пропаганды словом.

Потом объектами «бомбардировок» стали Одесса, Якутск, Смоленск и другие города. Советские домохозяйки собственными глазами увидели американские газовые плиты, холодильники, одежду, игрушки. Кремль был вынужден изменить свою линию поведения и, забыв о прежних опровержениях, сообщил о «налетах», но оценил их отрицательно. Толпы людей в разных городах ожидали очередной партии товаров, что привело к снижению производства в среднем на три процента в месяц. Наконец, русский народ без громких слов потребовал платы за сотрудничество с режимом. Цена — «товары вместо пушек». Советские заводы, поставленные в трудное положение операцией «Изобилие», не могли обеспечить и товары, и оружие, не говоря уже об обеспечении военных операций. Разведка доложила: производство танков сокращено на 25%, пушек — на 75% … Рисмен сочиняет историю о том, как стиральные машины, способные конкурировать с американскими, пойдут с конвейера громадного завода «Красный Октябрь» после того, как его директор будет расстрелян за то, что утверждал: «На конверсию потребуется более двух лет!».

Рисмен выдумал массу забавных эпизодов этой «товарной» войны, включая выброску на парашютах 150 джипов на Красную площадь, и предрек победу Соединенных Штатов Америки. А журнал «Кольерс» в 1951 г. один из номеров посвятил футурологическому описанию Москвы, оккупированной американцами, несущими русским свободу и блага.

По сути Д. Рисмен в своем фантастическом сценарии определил стратегию социологической пропаганды, которая могла работать не только на разрыв с режимом, но и на укрепление единства народа и власти в СССР. Советские пропагандисты, не подозревая об открытии Д. Рисмена, начали активно использовать реальные события, реальные товары и предметы быта для мобилизации людей, начали предлагать людям такой образ жизни, который был способен увлечь человека.

Когда власть решала проблему безопасности страны — создание ракетно-ядерного оружия — ставка была сделана на ученых и инженеров. Когда решались вопросы восстановления и строительства городов, электростанций и предприятий, когда определялась стратегия

развития страны — во главу дела ставились ученые, инженеры и архитекторы.

Власть взращивала элиту — научную, инженерную, управленческую. И хорошо ей платила. Событие, расцениваемое сегодня как канал социологической пропаганды, — это постановление правительства СССР от 6 марта 1946 г. «О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий» (Архив Российской академии…). Этим постановлением должностные оклады научным работникам, профессорам и преподавателям вузов были повышены в 3–4 раза. Это было время, когда работы по созданию ракетно-ядерного оружия и ЭВМ шли широким фронтом. Тогда в СССР наибольшая заработная плата была у ученых, и инженеров, у офицеров и генералов Вооруженных Сил, партийных и государственных чиновников.

При среднемесячной зарплате рабочих в промышленности в 700–800 руб. партийные и государственные чиновники, старшие офицеры и генералы (так называемая номенклатура) получали 2500–6000 рублей в месяц. Но директора институтов Академии наук получали 8000 рублей, старшие научные сотрудники, доктора наук в академических институтах — 4000 рублей, в вузах профессора, доктора наук, заведующие кафедрами, имеющие стаж работы более 10 лет, получали до 5500–6000 рублей в месяц. Ученые, профессора и преподаватели не только приравнивались к высшим офицерам армии, но и превосходили их по размерам зарплат. Авторитет ученого, выраженный размером зарплаты, выдвигал его в ряды самых нужных людей, на которых опиралась страна в своем развитии. Эта ситуация становилась мощным коммуникационным каналом пропаганды.

Ученые и конструкторы, создавшие атомную бомбу, электронно-вычислительную машину, получали премию в миллион рублей, автомобиль «Победа», дом-особняк и дачу с обстановкой, двойную зарплату, пожизненное право на бесплатные поездки по стране вместе с членами семьи на всех видах транспорта и другие блага. Ученым — руководителям атомного проекта как премия выделялся автомобиль «ЗИС-110», что сразу приравнивало их к членам правительства. «ЗИС-110» как канал коммуникации показывал чиновникам, что власть умеет ценить людей, которые так много делают для страны.

В такой форме в тоталитарном обществе воплощался принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду»: сделал лучше — получи больше, сделал больше — получи больше.

В СССР того периода у молодежи был мощный стимул учиться. Единственный путь влиться в ряды новой аристократии — ученых и инженеров — состоял в том, чтобы получить высшее профессиональное образование. И молодежь стремилась к этому. Материальное состояние ученых, инженеров, конструкторов, их образ жизни был тем каналом коммуникации, который стимулировал помыслы и ожидания молодых людей.

В стране не хватало физиков, специализирующихся по атомному ядру. И тогда в апреле 1945 г. ГКО принимает постановление, в котором говорится: обязать Комитет по делам высшей школы при Совнаркоме СССР (т. Кафтанова) обеспечить выпуск из МГУ физиков по атомному ядру: в декабре 1945 г. — 10 человек, в 1946 г. — 25 человек, в дальнейшем не менее 30 человек ежегодно. В этом постановлении в пункте 14 были такие строки: «Обязать Наркомторг СССР (т. Любимова) выделять, начиная с марта 1945 г., дополнительно Московскому государственному университету для кафедры физики атомного ядра ежемесячно обедов литер “Б” на 8 человек и обедов по специальным обеденным карточкам на 10 человек…» (Губарев, 2004: 113). Но помимо задания для МГУ по выпуску физиков-атомщиков, такое же задание получили Ленинградские университет и политехнический институт, Московский институт тонкой химической технологии. И были открыты в Москве два новых учебных института: физико-технический и инженерно-физический. Открытие этих двух уникальных вузов было событием для социологической пропаганды.

Не менее действенным каналом такой пропаганды, стимулирующей желание войти в ряды научной и инженерной аристократии, были художественные фильмы. Власть объявила борьбу с космополитизмом, с «преклонением перед Западом», и по ее заказу с 1946 по 1952 г. снимаются фильмы-биографии, в которых представлены образы выдающихся русских ученых, инженеров, врачей, композиторов: «Академик Иван Павлов», «Пржевальский», «Мичурин», «Жуковский», «Александр Попов», «Пирогов», «Глинка», «Мусоргский», «Римский-Корсаков», фильмы «Сказание о земле сибирской», «Суд чести». Двумя изданиями огромными тиражами выходит книга

Л. Гумилевского «Русские инженеры». Авторы этих произведений стремились увлечь молодежь историями жизни людей творческих, созидающих, работающих во имя отечества.

Эффективно работал такой канал социологической пропаганды, как регулярное снижение цен на товары и продукты. Это объяснялось тем, что при отсутствии конкуренции все равно необходим стимул для роста производительности труда. Этим стимулом сделали снижение цен директивным путем, заставлявшее предприятия использовать резервы и совершенствовать технологии, чтобы не снижать выпуск продукции и ее качество.

Каковы были цены при средней зарплате рабочего человека в 700 руб.? Водка (пол-литра) — 30 руб., пиво — 22,6 руб., мужские ботинки марки «Скороход» — 150 руб. После того как отменили карточки в 1947 г., товаров стало не хватать, к тому же производители далеко не всегда следили за модой. Но были комиссионные магазины, открывались коммерческие магазины, где можно было купить дорогие и модные вещи — отечественного и китайского производства: например, китайский габардиновый плащ «Дружба» за 1800 руб., женские туфли за 1900 руб., нейлоновые чулки за 150 руб.

Промышленность, в которой главенствовал военно-промышленный комплекс, тем не менее, с 1945 г. начала выпуск бытовых холодильников, с 1947 г. — автомобилей «Москвич» (9 000 руб.) и «Победа» (16 000 руб.), с 1950 г. — радиоприемников с проигрывателями для пластинок «Рига Т-51» и телевизоров КВН. Но только не вместо танков, как в сценарии Д. Рисмена, а вместе с танками, ракетами и самолетами. Хотя спрос на оборонных предприятиях за выпуск стиральных машин был такой же, как и за выпуск танков.

Эти предметы для жизни и быта становились хорошим каналом социологической пропаганды, ориентированным на людей.

С едой было плохо, но был рынок. А для состоятельных людей из числа новой аристократии из числа ученых, инженеров, военных в коммерческих магазинах продавалось все лучшее, что выпускала пищевая промышленность СССР того времени: высококачественная колбаса (25 сортов), ветчина, буженина, сосиски, пельмени, семга, осетрина, крабы, черная и красная икра, сливочное масло, водка, коньяк, вина, сласти. Все это было доступно при зарплате от 2000 до 5000 руб. в месяц.

А подавляющая часть населения довольствовалась малым: это были картошка, капуста, соленые огурцы, каша, селедка, кабачковая икра, недорогие рыбные консервы, немного мяса.

Но коммерческие магазины стали важнейшим каналом социологической пропаганды. Коммерческие магазины в крупных городах, где свободно продавались дорогие товары и продукты, магазины, большинству недоступные или доступные в редких случаях, демонстрировали товарное и пищевое изобилие. Причем демонстрировали не только покупаемыми продуктами, но и своими роскошными витринами. Эти магазины, сами того не ведая, вели пропаганду будущего достатка, о котором говорила власть.

В 1939 г. выходит первым тиражом привлекательно иллюстрированная «Книга о вкусной и здоровой пище». Она переиздается в 1952, 1953, 1954 и 1955 г. общим тиражом в 2,5 млн экземпляров. Эта книга демонстрировала не только разнообразные блюда и продукты, рецепты их приготовления, эстетику сервировки стола, — она задавала культуру нового быта, показывала такую жизнь, к которой должны стремиться советские люди (пока что еле сводящие концы с концами). Такую же жизнь показывал художественный фильм «Кубанские казаки», вышедший в 1949 г., который посмотрели миллионы людей и увидели, чем должен обладать человек, живущий и работающий на селе: книгами, в которых произведения русских классиков, желанием понимать музыку, играть на аккордеоне или на пианино, иметь радиоприемник и проигрыватель для пластинок, велосипед или мотоцикл. Такую же жизнь показывал «Журнал мод», начавший выходить в Москве с конца 1944 г., под патронажем Министерства легкой промышленности СССР. Журнал публиковал рисунки и фотографии моделей модной одежды Московского дома моделей, картинки «заграничных моделей», отвечая на ожидания публики, жаждавшей прикоснуться к эстетически стильной одежде.

Такая социологическая литература и такое социологическое кино становились стимулами для жизни. Причем стимулами, начинающимися со сказки и превращающимися в реальность. Вот она, сказка, завораживающая в книге, но она уже и доступна, и даже уже «продается» в коммерческом магазине. Это уже была дополненная реальность, превращающая «сказочный» стимул в материальный, побуждающий больше учиться, больше работать, больше зарабаты-

вать. Так работала социологическая пропаганда — пропаганда предметом, образом жизни.

В эти же годы средством социологической пропаганды становится архитектура. Лучшие архитекторы создают здания, которые сооружаются в крупных городах, и прежде всего в столице. И меняют облик этих городов. В Москве середины XX в. — это «сталинские высотки»: пять домов-башен, построенных в центре. Они придавали городу величие, создавали образ Москвы как столицы государства, победившего гитлеровскую Германию. Архитектурным символом столицы, после Кремля, становится Московский университет, построенный к 1953 г. Университет, построенный как храм, как дворец знаний, символизировал путь в будущее, которое олицетворяет наука и культура.

В этих новых домах, получивших в народе название «сталинских», предоставляли квартиры тем, кто имел определенный статус, внес выдающийся вклад в развитие и защиту страны: ученым, инженерам, профессорам, режиссерам, художникам, артистам, писателям, генералам, государственным и партийным чиновникам.

Но простой народ тоже хотел жить лучше, он устал от ужасов войны, голода, холода, коммунальных и убогих жилищ. И власть поддерживала его мечту посредством организованных событий, рекламных книг и журналов, коммерческих магазинов с изобилием реальных товаров высокого качества, величественной архитектуры и кинофильмов в стиле социальной фантастики, — которые, действуя интегрировано, достигали синергетического эффекта и создавали образ будущей счастливой жизни.

И люди с их реальной жизнью не могли сопротивляться этому коммуникационному чуду, произведенному социологической пропагандой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архив Российской академии наук. Ф. 410. Оп. 1. д. 1; 5, д. 29, л. 27.

Губарев, В. С. (2004) Белый архипелаг Сталина. Документальное повествование о создании ядерной бомбы, основанное на рассекреченных материалах «Атомного проекта СССР». М. : Мол. гвардия. 456 с.

Лавровский, А. (1978) Американская социологическая пропаганда. М. : Прогресс. 254 с.

Социологические исследования (1994). № 3. С. 135–141.

Ellul, J. (1965) Propaganda — The Formation of Men’s Attitudes. New York. 320 p.

Макаревич Эдуард Федорович — главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор.

О фрактальных горизонтах будущего культуры

О. Н. Астафьева
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В статье поднимается вопрос о значимости для отечественного гуманитарного знания научного прогнозирования и обсуждения перспектив развития культуры в контексте динамичных цивилизационных изменений, анализ которых всегда находился в центре внимания академика Н.Н. Моисеева. В предлагаемом читателю культурологическом эссе автором также выделены факторы влияния на целостность современной культуры, принимающей фрактальные очертания; акцентируется внимание на «рискогенности» современного культурно-цивилизационного пространства, на тенденциях ассиметричности в континууме «мест» и «не-мест» в социокультурной среде и других явлениях. Автором обосновывается обращение культурологии к междисциплинарности, как методологическому инструментарию, отвечающему проблемному полю современного научного знания.

Ключевые слова: динамика культуры; целостность культуры; цивилизационные изменения; глобализация; управление будущим; сценарии развития; бифуркация; фрактал; риски; междисциплинарность

Ошибочно полагать, что проекты будущего предлагаются обществу исключительно политиками. Россия, преодолев переходный рубеж и решительно вступив во второе десятилетие XXI в., раскрывается перед миром во всем своем противоречии: с одной стороны, намечая перспективные цели модернизации, элита обозначает социокультурный тренд на усиление роли научного знания и укрепление веры в возможность скорейших культурно-цивилизационных преобразований, с другой — напротив, очевидна и иная альтернатива — возрастание интереса к религии не только в частной, но и в публичной сфере; смена ценностных идеалов, с трудом освобождающаяся от ее восприятия исключительно через категорию ментального «разрыва». В такие периоды очень многое зависит не только от тех ученых, которые решают конкретные научно-технические задачи, от политиков, ориентирующих на инновационные тренды, от

бизнес-элиты, думающей об инвестициях, но прежде всего — от носителей социально-гуманитарного знания, способных раскрыть весь спектр возможных последствий тех или иных изменений в любой из сфер человеческой деятельности. Это крайне важно, ведь «для того, чтобы снова не впасть в утопию, необходимо видение возможных сценариев развития и тех усилий, которые могут быть предприняты», — предостерегал академик Н. Н. Моисеев (Моисеев. Электронный ресурс).

Конечно, благодаря сценарному подходу, позволяющему раскрывать альтернативы и прописывать перспективы социокультурного развития России в официальных документах, сегодня перед всем обществом открыто ставится вопрос о «рисках» и «вызовах» будущего. Но это обсуждение (и в кругу политиков, и в научном сообществе, и в разных СМИ и Интернет-ресурсах) не всегда носит конструктивный характер. Ведь существуют серьезные различия между дискурсом о будущем, пронизывающим повседневность; предположениями, заключенными в философских текстах футурологов; и научными прогнозами — результатом оперирования знаниями, выступающими инструментом для получения достоверных результатов путем развертывания теоретических представлений о действительности и происходящих в ней изменениях. Однако именно все это в совокупности и имеет значение. Потому что то, о чем говорят и о чем мечтают люди; то, над чем размышляют философы; то, над чем работают ученые — *связано воедино жизнью.* Когда же одно из звеньев этой цепи выпадает, ничто не может удержать ускользающий *смысл жизни*. Взаимосвязь между первым, вторым и третьим не поддается простым алгоритмам и является сложным процессом *информационно-коммуникативного обмена.* Именно поэтому эффективность прогнозирования зависит не только от уровня овладения научным инструментарием и дедуктивным методом развертывания теории или концепции, в рамках которой объясняются изменения. Речь идет о возрастающей потребности в открытой коммуникации между властью, принявшей на себе груз ответственности за будущее страны, и учеными — той частью общества, которая способна продуцировать рационально обоснованные положения о возможностях, перспективах и последствиях сделанного выбора.

Однако, на наш взгляд, если мы анализируем социокультурные изменения, основываясь на принципах дисциплинарных подходов, и

выдаем их в качестве конечного результата, то это всегда будут разные по точности и полноте представления о будущем. Гуманитарные междисциплинарные исследования, включают в сферу внимания исследователей весь спектр сценариев будущего, будь то прогнозы с разной степенью достоверности — от концептуализированных картин культурно-исторического процесса в уже ставших классическими работах западных и отечественных футурологов до стратегических планов социально-экономического развития России, рационализация в которых порой слишком отдаляет их от возможностей быть реализованными. Поэтому более чем непродуктивно игнорировать общее положение для всех видов прогнозирования будущего (независимо от горизонта планирования — от года до десятка лет, от сотни лет — до тысячи), — направленность на *поиск смыслов индивидуального и социального бытия человека в изменяющемся мире.* На сегодняшнем этапе развития науки это положение звучит так: чем дальше по времени исследователь находится от прогнозируемой картины будущего, тем гипотетичнее становится его представление об этом будущем.

Можем ли мы удовлетвориться границами в одно-два десятилетия, определяемыми обществу политиками, ориентированными на решение конкретных, прежде всего — сегодняшних социально-экономических задач, которые в зависимости от мирового контекста могут существенно корректироваться? Особенно, если иметь в виду, что *точность прогнозирования подобна правильно поставленному диагнозу*, в силу чего ею определяются методы нашего воздействия на прогнозируемое будущее.

В настоящее время гуманитарное знание, обращаясь к междисциплинарным и трансдисциплинарным методам как обеспечивающим широкий подход к познанию сложных явлений и процессов, позволяет избежать *«спекуляций будущим»*, от которых мы не можем быть свободными, находясь в узкодисциплинарных границах, будучи вынужденными оперировать теми приемам, какие используются сегодня в политических дискуссиях.

«Научное изучение *«еще-небытия»* будущего, свободное от идеологических пристрастий, в принципе возможно, но это познание *стохастическое*, т.е. определяющее грядущее как спектр возможностей, каждая из которых имеет свою степень вероятности осуществления, в зависимости от совокупности многих объективных и субъ-

ективных обстоятельств; распознать среди них наиболее вероятно осуществляемую и должна наука», — полагал М. С. Каган (Каган, 2006: 218). По его мнению, легче это сделать историку, чем политику или футурологу, ведь осуществленное действие аттрактора нужно только «вычислить», а не пытаться распознавать его, в то время как только потомки возьмут на себя задачу оценить точность прогноза.

Возможно поэтому описание современной социокультурной ситуации, анализ трендов и диагностика состояния институтов культуры, человеческих отношений, опирающихся на определенную систему ценностей, приближают нас к пониманию особенностей окружающей реальности — социокультурному настоящему, рефлексия над которым и оценка его (как зафиксированного нам в данной конфигурации в настоящем) мысленно возвращает нас к сравнению с ситуацией прошлого, зафиксированной в сохранившихся в памяти культуры идеях, образах, представлениях.

Что происходит в нашем сознании, когда мы возвращаемся в своих мыслях к той точке прошлого, которая послужила началом пути, приведшего нас к диагностируемой ситуации (к сегодняшнем настоящему)? Мы представляем себе то, что *тогда* было будущим (настоящим в момент выбора) и пытаемся понять, насколько совпадают наши прошлые «намерения и образ желаемого будущего» с тем, что создано и реально существует. Воссоздавая в своих воспоминаниях «прошлое будущее», которое только и кажется нам единственно верным и возможным в тот момент, мы понимаем, что в той точке все-таки существовал выбор, но мы им не воспользовались. Это — наши *«упущенные возможности»*. На этом заостряет наше внимание Ю. М. Лотман, поясняя, почему сложно сделать выбор в тот или иной момент и подчеркивая роль случайности, создающей в культурном пространстве предпосылки для взрыва разнообразных возможностей. «В эту минуту они равновероятны, и предсказать их последствия принципиально невозможно. Это связано еще с тем, что сам по себе взрыв захватывает сферу, до сих пор находившуюся за пределами культуры и не имеющую еще проторенных дорог» (Лотман, 2010: 50).

Можем ли сегодня, понимая, что наше настоящее — это не только точка пересечения прошлого и будущего, но и точка «ветвления», где мы берем на себя ответственность за «управление будущим», не воспользоваться этим шансом?

Историко-культурные ретроспекции начала и конца XX в., окрашенные ностальгической ноткой воспоминаний о прошлом, к которым мы так любим обращаться, разительным образом отличаются от противоречивой картинки периодов, когда с большим или меньшим успехом, с большими или меньшими потерями, но все-таки в определенном объеме были реализованы в России XX в. разные политические проекты — «социалистический» и «либерально-демократический».

Что ожидает нас в ближайшем будущем, когда заявление о разработке нового Национального проекта «Культура», вновь не сопровождается научными оценками экспертов? Кто участвует в концептуальном наполнении и междисциплинарной увязке социокультурных проблем? Предусматривается ли корреляция с планами на будущее всего человечества? Имеет ли Россия право на новые политические утопии или все мы должны соизмерять свои планы с общим ходом мировой цивилизации/культуры?

Не будем пытаться сразу же давать точный ответ на поставленные вопросы — понадобится написать множество томов научных исследований и экспертных заключений, прежде чем приблизится к нему. Означает ли это, что проектирование и прогнозирование в гуманитарных науках недостаточно востребованы или мало продуктивны? И не научный ли это пессимизм? Высказанное нами сомнение связано с пониманием бесконечной текучести жизни, пониманием того, что в своем прогнозировании событий мы всегда будем упираться в границы выстраиваемых «предсказаний». Однако отказываться от попыток понять будущие тренды, в равной степени как и игнорировать прогнозы будущего, несомненно соизмеряемые с опытом прошлого, по меньшей мере нерационально. Впрочем, как и недопустимо сохранять ситуацию *рассогласования диалогового пространства* — между социально-гуманитарным сообществом и властью. На наш взгляд, сегодня экспертное сообщество готово представить междисциплинарное культурологическое прочтение будущего, предложить свой вариант понимания происходящих изменений. И это первый шаг к собиранию «пазловой картинки» будущего, что позволит в дальнейшем поднять вопрос, если не об «управлении будущим», то о позитивном влиянии на социокультурный процесс,

«о направляемом развитии»[2], осуществляемом разными людьми, в конечном счете, ими и регулируемом. Однако, как известно, прогнозирование и тем более «управление будущим» — это сверхсложный процесс. Как замечает И. В. Кондаков, ведь не столько волевыми усилиями отдельных исторических лиц и не стечением обстоятельств, сколько общей социокультурной ситуацией и культурной атмосферой совершаются исторические повороты культуры. По всей видимости они «бывают вызваны какими-то тектоническими “толчками”, происходящими в ментальной сфере, что связано с обострением ключевых проблем исторического развития, требующими принятия радикальных решений, способных переломить проблемную ситуацию и привести к обновлению социокультурной среды» (Кондаков, 2018: 61).

Избранный для этой статьи жанр культурологического эссе позволяет нам только наметить отдельные теоретические аспекты дальнейших исследований темы о будущем культуры в нестабильном и сложном мире. Характеристика картины перспектив развития культуры трудно объяснима без понимания того, на каких принципах будет удерживается ее «целостность», что будет придавать «связность» кардинальным изменениям человеческого бытия при таком динамичном продвижении научно-технических и цивилизационно-технологических инноваций.

Дело в том, что фазы современного социокультурного процесса не разделены жесткими границами, и даже, будучи помеченными историками как конкретные даты тех или иных открытий и событий, «накрываются» переходами, поглощающими эти даты. Уже не одно десятилетие в гуманитарных исследованиях используется концепт «фазовых переходов», позволяющий понимать возможность и необходимость удержания целостности человека в нестабильном мире, погруженного в усложненную матрицу множественной идентичности. Понимание того, где и когда будут достигнуты пределы желаемого (т. е. наших представлений о целостности человека в культуре) затруднено, поскольку граница подобного рода в культуре «эти пределы таит, открываясь нам как линия горизонта: пройти по/вдоль

[2] Идеи «направляемого развития» проходят «красной нитью» в разных статьях Н. Н. Моисеева. Они раскрывались им на научно-методологическом семинаре по синергетике, проводимым в течении более десяти лет в Российской академии государственной службы при Президенте РФ (ныне — РАНХиГС), где неоднократно выступал Н. Н. Моисеев.

которой невозможно. И как линия горизонта — делает возможным в принципе безграничное движение туда, к тому, что этот горизонт скрывает» (Кудря, 2005: 383). Именно поэтому наше представление о будущем социокультурном развитии и месте человека в нем в большей степени опирается на сложившиеся в синергетическом дискурсе «фрактальные» образы реальности, которые позволяют судить о сложности окружающего нас мира.

Фрактальная оптика (от латинского «фрактус» — дробный, нецелый) позволяет нам признать сложность происходящих изменений в социокультурном пространстве и оценивать их с позиций избранного ракурса и масштаба. Нельзя не согласиться, что «контуры, предметы, поверхности и объемы окружающих нас предметов не так ровны, гладки и совершенны, чем принято думать. В действительности они неровны, шершавы, изъявлены множеством отверстий самой причудливой формы, пронизаны трещинами и порами, покрыты сеть морщин, царапан и кракелюра», — передает Ю. А. Данилов смысл открытий Б. Мандельброта (Данилов, 2008: 180). Количественная мера неидеальности объектов — «фрактальная размерность» является способностью принимать не обязательно целые значения. Это позволяет считать фрактал объектом с фрактальной размерностью, а фрактальность — свойством объекта быть фракталом или размерности быть фрактальной» (там же: 181).

Насколько принципы случайности и размерности, свойство «самоподобия» (самые сложные фракталы родственны прямой линии, а любая фигура подобна своему фракталу) могут быть использованы при объяснении картины будущего культуры и влиять на прогнозирование социокультурных трендов? То есть на понимание того, какой может стать культура в том или ином типе общества и каким будет человек в этой культуре? Свойство «самоподобия», проявляемое в том числе и в культуре как целостности, может привести к тому, что объяснение мира будущего станет возможным при иных масштабах и в большей степени будет зависеть от разрешающей способности наблюдателя. Дано ли нам увидеть всю сложность мира культуры зависит и от того инструментария, к которому мы обращаемся. Отсюда особая востребованность междисциплинарности и трансдисциплинарности, делающие нас свободными в наших прогнозах, ведь динамические процессы, как точно подметил Ю. М. Лотман, делятся на «совершающиеся в пределах логики», т.е. пред-

сказуемые, не создающие принципиально нового, и «неправильные», выходящие за пределы строгой логики. Эти последние из названных — ассиметричные («неравновесные») процессы — генерируют все принципиально новое, — заключает Ю. М. Лотман, опираясь на идеи самоорганизации И. Пригожина (Лотман, 2010: 143), а значит и не могут быть исследованы в рамках конкретной дисциплины. Таких процессов сегодня множество, поскольку современный этап глобализации, насыщенный социокультурными изменениями, связанными с миграциями и освоением людьми «чужих» культурных ландшафтов, трансформациями ценностей в виртуализирующихся пространствах социума, «стимулирует» активизацию подобных трендов и образует «фазовый переход» со всеми присущими ему характеристиками.

Диагнозом современности становится диссипативность процессов идентификации человека с сообществом, культурой или традициями: появляются симулякры семьи, симулякры здоровья, виртуальные реальности…. Между картиной «размывания идентичности» в виде последствий общей глобализационной тенденции и состоянием идентичности в социокультурной реальности конкретных сообществ, где потребности и связи между людьми не только не упраздняются, но, напротив, возрастают, образуется огромная пропасть. Будет ли по-прежнему культура выступать основой для единства разных индивидов, осознающих себя как группу или сообщество, обладающих разделяемой их членами культурой, в том числе ценностями, нормами, отношениями?

Быстро модернизирующийся глобальный мир предлагает новые образцы, модели, стили и образы жизни взамен быстро устаревающих, тем самым обостряя проблемы адаптации и поиска новых форм сосуществования людей в общем социокультурной пространстве, которое часто воспринимается через медиа. «В обществе постмодерна духовные ценности и понятия подвергаются переструктурированию, причем зачастую это делается именно в формате “человека потребляющего”, структура ценностей которого формируется под воздействием массовой культуры» (Гуманистический..., 2018: 184).

Более того, под влиянием глобализации возникают «не-места» — пространства, лишенные уникального социального и культурного смысла, родного языка, табу и запретов, общих правила поведения и

др. И один из сценариев будущего — это распространение «нормальной аномии» по всему миру, когда увеличение числа «не-мест» может привести к нарушению континуума «мест» или «не-мест». Исследователи подчеркивают, что даже при различных трактовках «не-мест» в них утверждается дегуманистическая коммуникация с примитивными дискурсами («Нормальная аномия»..., 2017: 32–34). Таким образом, сложность фрактального рисунка культуры динамично наращивается, поскольку эти «не-антропологические места» лишены пространственной, исторической идентификации (М. Оже), национально-культурной идентичности в обществах, где функционируют нечеловеческие технологии (М. Мерло-Понти) и развиваются анклавы, населенные мигрантами и беженцами (М.Фуко) и др. (там же: 32–33).

Итак, мир изменяется значительно быстрее, чем идет процесс осмысления социокультурных трансформаций и их последствий для человека, чем осуществляется выбор новых стратегий культурной политики с учетом культурного разнообразия (Canclini, 2000). Государства все больше склоняются к расширенной концепции устойчивого развития, поскольку при очевидных социальных деструкциях, возрастании рисков и уязвимостей только *культура способна обеспечить необходимую степень устойчивости взаимоотношений между людьми.* Основополагающее значение культуры для формирования нации, поддержка ее многообразия, представленного в ходе истории совместного существования, не только не разрушает своеобразия разных культур, но и «стягивает» их в рамках одного государства в национально-культурную целостность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации (2018) : монография / [Н. Н. Зарубина, Г. Н. Ильина, Д. Н. Карпова и др.] ; под общ. ред. С. А. Кравченко. М. : МГИМО-университет. 209 с.

Данилов, Ю. А. (2008) Прекрасный мир науки : сб. М. : Прогресс-Традиция. 384 с.

Каган, М. С. (2006) Метаморфозы бытия и небытия: онтология в системно-синергетическом осмыслении. СПб. : Logos. 415 с.

Кондаков, И. В. (2018) Культурогенез исторических поворотов // Исторические повороты культуры : сб. науч. ст. (к 70-летию И. В.

Кондакова) / общ. ред. и сост. О. Н. Астафьевой. М. : Согласие. 494 с.

Кудря, Д. П. (2005) Культура и граница // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М. : Академ. проект. 593 с. С. 383–387.

Лотман, Ю. М. (2010) Непредсказуемые механизмы культуры / подгот. текста и примеч. Т. Д. Кузовкиной при участии О. И. Утгофа. Таллин : TLU Press. 232 с.

Моисеев, Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993. (Электронный ресурс). URL: http://samlib.ru/n/nikita_n_m/moiseev.shtml (дата обращения: 16.05.2018).

«Нормальная аномия» в России и современном мире (2017) : кол. монография / [Н. Н. Зарубина и др.] ; под общ. ред. С. А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет. 281 с.

Canclini, N. G. (2000) Cultural Policy Options in the Context of Globalization // The Politics of Culture: Policy Perspectives for Individuals, Institutions and Communities / Ed. by Gugi Bradford, Michael Gary and Glenn Wallach. N. Y. : The New Press, 2000. P. 302–326.

Астафьева Ольга Николаевна — директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (ИГСУ РАНХиГС, Москва), доктор философских наук, профессор.

Феномен инфляционной футуризации: концептуальная гипотеза

А. Д. Урсул
Институт устойчивого развития и безопасности

Исследуется течение времени на инфляционной стадии Большого взрыва. Выдвигается гипотеза о возможности ускоренного этого течения, которое считается процессом инфляционной футуризации. В теории инфляционной Вселенной рассматривается чудовищное «вздутие» объема (в плане трех измерений пространства) рождающейся Вселенной до невообразимой величины и дальнейшее сверхускоренное расширение. При этом внимание в основном акцентируется на трехмерном пространственном сверхсветовом расширении, а на течение времени не обращается внимание, хотя оно, будучи связанным с пространством, тоже должно было быстро расширяться в составе единого пространства-времени. Поэтому, исходя из того, что время имманентно связано с пространством, целью работы является выдвижение и обоснование гипотезы о том, что время также должно нелинейно расширяться, причем «взрывным образом» в основном в сторону будущего. Тем самым образ инфляционной Вселенной принимает вид четырехмерного взрывного ускоренного расширения, а не только трехмерно-пространственного. Делается вывод, что инфляционное расширение пространства сопряжено с ускоренным течением времени от прошлого к будущему. Эти процессы взаимосвязаны и являются следствием перехода от сверхплотного состояния Вселенной с почти бесконечной гравитацией в начальной космологической сингулярности к инфляционному расширению пространства-времени. Если увеличение тяготения замедляет время, то уменьшение гравитации ведет к ускоренному движению времени в будущее, причем эта «инфляционная футуризация» может быть представлена как сверхбыстрое опережение будущим как других темпоральных процессов, так и, возможно, пространственного расширения. Статья в ее первоначальном виде была обсуждена с Н. Н. Моисеевым.

Ключевые слова: время; Большой взрыв; инфляционная футуризация антитяготение: будущее; глобальная эволюция; космологическая сингулярность; кротовые норы; темпомир; темная энергия

ВВЕДЕНИЕ

Время течет от прошлого через настоящее к будущему и этот процесс движения к будущему можно именовать в какой-то степени процессом футуризации. Но вместе с тем, и поворот к будущему в различных сферах деятельности человека тоже можно считать процессом футуризации. Однако особенный интерес вызывает такой тип футуризации как опережающие формы деятельности и опережающее развитие. Они должны по своему смыслу опережать другие формы деятельности, которые будут и далее функционировать в обычном ритме. Феномен опережения, как правило, связывают с процессами ускоренной футуризации, в том числе и с опережающим отражением и развитием.

Ранее предполагалось, что такой феномен как опережающее отражение, появилось лишь на уровне живой материи. Концепция опережающего отражения была выдвинута академиком П. К. Анохиным (Анохин, 1978). Согласно идее ученого, этот тип отражения — как бы ускоренная модель того, что еще должно произойти, в высшей степени быстрое отражение будущих событий внешнего мира. Опережающее отражение действительности есть одна из основных форм приспособления живой материи к пространственно-временной структуре неорганического мира. Этот тип отражения выступает как темпоральная реакция живого организма, подготовленная рядом ранее последовательно повторяющихся воздействий со стороны факторов окружающей среды.

Поскольку течение времени происходит в сторону будущего, то футуризация за пределами человеческой деятельности предстает как объективно-реальный процесс и закон существования и эволюции времени. Стрела времени представляет собой вектор футуризации и оказывается, что футуризация — это, с точки зрения здравого смысла, обычный процесс движения времени, к которому мы все привыкли. В ходе футуризации происходит движение времени от прошлого к настоящему и будущему, причем иногда в этом процессе происходит ускорение течения времени, что имело место, например, в ранней эволюции Вселенной.

ЭВОЛЮЦИЯ ВСЕЛЕННОЙ В СОВРЕМЕННУЮ КОСМОЛОГИЧЕСКУЮ ЭПОХУ И В БУДУЩЕМ

Современная космологическая эпоха характеризуется, прежде всего, тем, что существующая темная энергия (большинством кос-

мологов интерпретируемая как космический вакуум) с постоянной и неменяющейся плотностью энергии оказывает весьма существенное влияние на процессы эволюции вещественной части Вселенной. Доминируя в нашей Вселенной, темная энергия превосходит в три раза по плотности энергии все другие формы космической материи вместе взятые, создавая мощную всемирную антигравитацию. При возрасте Вселенной в 6–8 млрд лет, т. е. более 5–6 млрд лет началась эра космологического расширения с ускорением из-за того, что плотность темной массы постепенно снижалась и стала ниже плотности космического вакуума (Чернин, 2005: 44).

Это антигравитационное расширение Вселенной сменило космологическую эру доминирования тяготения над антитяготением и вещественных форм материи над вакуумной (темной) энергией. То, что загадочный мир темной энергии отныне определяет космологическое расширение, которое, по современным представлениям, будет неограниченно долго продолжаться. И это создает уверенность в том, что Вселенной уже не угрожает Большое сжатие. Именно оно могло бы привести к новой (второй) глобально-космологической сингулярности (хотя некоторые видные астрономы, например, Р. Пенроуз, все же предполагают возможность такого сценария). Возможно, в случае наступления Большого сжатия стрела времени поменяла бы свою ориентацию и процесс футуризации сменился бы ретроспекцией, но это уже представляется маловероятным.

Однако и в случае дальнейшего расширения с ускорением мироздание ожидает весьма пессимистический с точки зрения перспектив существования жизни и разума финал. Современные расчеты ученых с использованием фактора так называемой космологической «вязкости» показывают, что мироздание, вероятнее всего, завершит существование в финальной стадии в форме так называемого Большого разрыва — уничтожения всего вещества силами темной энергии. Это показывают исследования последствий, которые будут иметь место, если темная энергия окажется фантомной энергией, в которой сумма давления и плотности энергии отрицательна. Гравитационное отталкивание быстро приблизит нашу космологическую эпоху к завершению и фантомная энергия разорвет Вселенную в «Большом разрыве». «Примерно через 22 миллиарда лет Вселенную может ожидать катастрофический сценарий — полное уничтожение барионной материи, вплоть до атомов (атомы начнут распадаться на

кварки и глюоны) и элементарных частиц, а галактики, звезды, планеты и прочие небесные тела исчезнут гораздо раньше в «разрывном катаклизме» (Caldwell, Kamionkowski , Weinber, 2003).

Космологическое расширение как дальнейшее продолжение Большого взрыва, вызвано и будет продолжено именно темной энергией. И Большой взрыв, возможно, вызван этим космическим вакуумом (его спонтанной флуктуацией) и само разлетание галактик с ускорением также можно трактовать как новый этап продолжения Большого взрыва (Чернин, 2005). Пока же большинство космологов все же придерживаются трактовки темной энергии как космического вакуума, а значит, разлетания галактик с ускорением. На каком-то этапе расширения с ускорением скорость этих вещественных фрагментов Вселенной может достигнуть скорости света. Течение времени для них замедлится по отношению к части мироздания, где скорость движения вещества будет на досветовом уровне.

Тем самым, в эволюции Вселенной можно выделить три предельных состояния течения времени: в начальной космологической сингулярности, (где оно застыло и не имеет никакой длительности), в инфляционный период (где происходит процесс сверхбыстрой футуризации, о чем далее пойдет речь) и в предполагаемой отдаленной космологической перспективе, когда скорость расширения вещественных фрагментов будет достигнуть скорости света, а может быть, и превысит ее. В этом случае, т. е. в отдаленной космологической перспективе, ход его замедлится и оно теоретически может длиться бесконечно. Скорее всего, в дальнейших исследованиях выявится пока неопределенный качественный бифуркационный характер этого замедления, ведь, кроме «механического разлетания» вещества, будут происходить и эволюционные процессы во Вселенной. Но об этом пока ничего еще сказать невозможно в силу недостатка космологической информации.

ГИПОТЕЗА ОБ ИНФЛЯЦИОННОЙ ФУТУРИЗАЦИИ

В инфляционный период, на взгляд автора, течение времени существенно ускорялось по сравнению с современной космологической эпохой, т. е. в основном происходила сверхбыстрая — и в этом смысле опережающая футуризация как «экспоненциальное забегание» времени вперед. Согласно высказанной мною в 2008 г. гипотезе процесс футуризации (стрела времени) и одновременно опере-

жающее развитие в неживой природе возникает в инфляционный период расширения Вселенной (Урсул, 2008, 2012). Начальную космологическую сингулярность перед Большим взрывом часто характеризуют с темпоральной точки зрения как остановку времени (и, тем самым, отсутствие там движения и эволюции). Скорее всего, эта остановка может означать его «закольцованность» (где реализуется почти бесконечная кривизна пространства–времени), когда темпомиры, под которыми я понимаю такие состояния или периоды (отрезки времени) как настоящее, прошлое и будущее, слиты воедино в одно нерасчлененное однообразное целое. Здесь вкладывается в понятие темпомира привычное и традиционное понимание, а именно: под темпомиром понимаем такие состояния (периоды, модусы) времени (их в логике именуют временными модальностями) как прошлое, настоящее и будущее после Большого взрыва, последующей инфляции и дальнейшего расширения Вселенной.

Это единство темпомиров можно именовать темпоральной целостностью (системой), представляющей собой основную форму существования временной реальности, как в начальной космологической сингулярности (где они неразличимы), так и в обыденной жизни. В этом последнем случае темпоральная целостность заключается в том, что три момента (состояния) или периода (модуса) времени, которые мы именуем прошлым, настоящим и будущим, находятся в неразрывном единстве. В общем случае принцип темпоральной целостности — это принцип, согласно которому эволюция и история рассматривается не просто как совокупность событий и процессов, а как системно-синергетическая взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего (взаимодействие темпомиров).

Если это так (а такая гипотеза не противоречит представлениям о начальной космологической сингулярности), то после Большого взрыва эта целостность темпомиров также остается в качестве некоторой темпоральной системы, связанной с дальнейшей эволюцией Вселенной, обретающей все более «вещественный» образ. Акцент на расширении (включая инфляционное) Вселенной как пространственном процессе, приводил к тому, что время пока рассматривалось как нечто второстепенное и дополнительное измерение этого расширения. Однако оно, по аналогии с пространственным расширением Вселенной, могло находиться в процессе своего собственного (относительно самостоятельного) — темпорального расширения

(особенно инфляционного). Ведь не только материя эволюционирует, но и ее атрибуты — пространство и время и на этом я акцентирую внимание на примере времени, течение которого даже в инфляционный период предполагалось до сих пор столь же равномерным, как и в нашу эпоху.

Предполагаемая футуризация оказалась не замеченной по очень простой причине — расширение пространства достаточно очевидно, а темпоральные процессы оказываются скрытыми, малопонятными и их связь с пространственными изменениями, выявленная в теории относительности, до сих пор еще не осознана в необходимой степени. Разумеется, далеко не всегда пространственные изменения сопряжены с темпоральными трансформациями, но вряд ли это относится к инфляционной фазе расширения Вселенной.

В теории инфляционной Вселенной рассматривается чудовищное «вздутие» объема (в плане трех измерений пространства) рождающейся Вселенной до невообразимой величины и дальнейшее катастрофическое расширение (Линде. Электронный ресурс). Но в этом случае в основном акцентируется внимание на трехмерном пространственном расширении, а на время почему-то не обращается внимание, хотя оно тоже должно было в ускоренном темпе расширяться в составе единого классического пространства–времени. Представляется странным, что целостное пространство-время расширяется только в рамках своих пространственных координат, а время почему-то ведет себя «как обычно» линейно. Однако время по самой идее инфляции и взаимосвязи пространства-времени тоже должно расширяться нелинейно-ускоренно, причем «взрывным образом». Иначе сама идея инфляции оказывается не полноценной: пространство стремительно расширяется, а время течет спокойно-равномерно. Более логично предположить, принимая инфляционную теорию, что взрывное расширение времени также имеет место в инфляционной стадии расширения Вселенной.

Но куда и каким образом оно может расширяться, «выстрелив» как свернутая «пружина–кольцо» из ранее слитых воедино и в такой форме «покоящихся» трех темпомиров (прошлого, настоящего и будущего)?

Можно также сделать предположение о возможном механизме этого инфляционного «путешествия времени», о котором до недавнего времени ничего не было известно. Теперь уже появились в кос-

мологии не только идея, но математические и компъютерные модели, открытые в общей теории относительности Эйнштейна (и, кстати, предсказанные самим Эйнштейном). Дело в том, что в очень сильном гравитационном поле происходит не только искривление пространства, но и время то скручивается, то замедляется, то может, как может, как здесь предполагается, устремляться в будущее. Благодаря темной энергии могли возникнуть совершенно необычные суперэкзотические космические объекты — туннели, через которые можно переместиться в другие минивселенные и даже в иное время. Эти туннели, названные «кротовыми норами» (Новиков, Кардашев, Шацкий, 2007; Шацкий, Новиков, Кардашев, 2008) (у которых нет горизонта событий, как у черной дыры), могли образоваться из сверхплотного вакуума с очень большой плотностью энергии, возможно еще до Большого взрыва (или в то же время), когда наша Вселенная только зарождалась, причем они в ходе инфляционной стадии тоже расширялись. От черных дыр они отличаются тем, что имеют два отверстия в пространстве и времени, соединенные коридором, т. е. туда можно не только попасть, но и вернуться обратно. Но для этого необходимо, чтобы кротовая нора была заполнена материей с отрицательной плотностью энергии, создающей сильное гравитационное отталкивание и препятствующей схлопыванию норы. Предполагается, что «кротовые норы» могут находиться в ядрах — центре многих галактик, где сейчас находятся сверхмассивные черные дыры, причем некоторые из них могут оказаться входами в “кротовые норы».

Предположим, что время на инфляционной стадии рождения Вселенной возвращается обратно в начальную космологическую сингулярность. Этот виртуально-ретроспективный процесс приводит к тому, что время, опять попадая в «точку прошлой сингулярности» (или в ту «прасреду», где была сингулярность), вновь «останавливается» и «окольцовывается». И этот процесс, возможно, происходил, если предположить, что «часть» времени устремлялась обратно в начальную космологическую сингулярность. Ничего принципиально нового при таком процессе со временем не происходит по сравнению с альтернативным темпоральным процессом. Поэтому важно рассмотреть другое направление инфляционного расширения времени, учитывая, что это движение происходит в одном измерении, т. е. только либо в прошлое, либо в будущее. Во всяком случае, ясно, что

время в принципе может изменять свое «течение», ускоряя либо замедляя его. Рассмотрим гипотетический сценарий ускорения течения времени в эру инфляции.

Если происходит процесс ускоренного движения в будущее как процесс инфляционной футуризации, то это расширение, а, может быть, даже своего рода «темпоральная инфляция» представляет интерес для нетрадиционного понимания течения времени. «Темпоральная инфляция» — это ускоренное, невообразимо быстрое опережение будущим как других темпомиров, так, может быть, и пространственного расширения. И именно эта «инфляционная футуризация» времени в основном могла кардинально повлиять на формирование фундаментальных физических констант и их «тонкую подстройку»: ведь она имела место предположительно в то же самое время, когда происходило расщепление единого фундаментального взаимодействия на его четыре вида, что существенно ускорило «ход» эволюционного процесса всего мироздания.

Сверхбыстрое опережающее расширение (или растягивание) как своего рода «темпоральная инфляция», но в одном измерении и направлении конструктивно-инновационно могла быть направлена только в будущее, поскольку расширение в прошлое бесперспективно, так как там, как уже отмечалось, время ведет себя сверхнелинейно — останавливается и закольцовывется (когда прошлое, настоящее и будущее — это оказывается одной и той же «темпоральной синкретичностью», принципиально неразличимыми). Но как далеко зашло это ускоренное темпоральное растягивание в плане «моделирования будущего» еще не очень понятно (несмотря на появление антропного космологического принципа), но это будет выясняться при обнаружении новых форм влияния будущего на прошлое и настоящее, вытекающее из реальности системно-темпоральной целостности. Даже гипотеза о своего рода «темпоральной инфляции» как процессе ускоренной футуризации (как чудовищно быстром устремлении времени в сторону будущего) также исходит из наличия системно-темпоральной целостности, т.е. существования взаимосвязанной системы трех темпомиров — прошлого, настоящего и будущего, которая в латентно-свернутой форме существовала в начальной космологической сингулярности и далее проявляется при последующем расширении Вселенной и глобально-универсальных эволюционных процессах (Ильин, Урсул А. Д., Урсул Т. А., 2012).

Предположение о возможной футуризации как ускорении течения времени от прошлого к будущему возникло в связи с тем, что на протяжении инфляционной фазы расширения Вселенной по аналогии с расширением пространства могло расширяться и ускоряться в будущее и время (Урсул, 2008). Однако в дальнейшем был обнаружен другой путь «виртуального доказательства» вероятности этого процесса футуризации. Дело в том, что при Большом взрыве происходит уменьшение плотности Вселенной и, тем самым, гравитация уменьшается при начальном инфляционном расширении. А переход от сверхплотного состояния с почти бесконечной гравитацией начальной космологической сингулярности к инфляционному расширению пространства должно быть связано с ускорением течения времени в будущее в силу имманентной связи пространства и времени. Инфляционное расширение пространства ведет и к ускорению течения времени от прошлого к будущему, — эти процессы взаимосвязаны и сопряжены с инфляционным уменьшением тяготения. Если увеличение тяготения замедляет время, то его уменьшение его ускоряет: тем самым происходит инфляционное расширение времени в будущее как инфляционная футуризация.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Инфляционную футуризацию как естественный процесс «опережающего моделирования» будущей, происходящей в дальнейшем в более медленном темпе глобальной эволюции природе вовсе не требовалось доводить до появления человека (как того «требует» наименование антропного космологического принципа). Достаточно было «дотянуть» этот процесс футуризации до «слабого консервативного перехода» (Панов, 2013), или появления так называемого второго рукава супермагистрали глобальной эволюции. После этого глобальная эволюция в своем продолжении уже лишается той роковой случайности, когда она могла завершится, не создав человека.

Первый рукав (направление) начиная от Большого взрыва длился до образования звезд, он не требовал внешних источников энергии в пространственном смысле. Второй рукав (когда начинает доминировать антигравитация) характеризуется сложными нелинейными процессами, где важную роль играет открытость систем и где процесс самоорганизации за счет этого ускоряется. Поэтому вполне возможно, что инфляционная футуризация как естественное «опе-

режающее моделирование» темпоральных процессов на ранней стадии рождения Вселенной «закодировала» дальнейшие процессы глобальной эволюции только до конца первого рукава этой эволюции, когда закончилось действие начальной энергии Большого взрыва. Инфляционная стадия Большого взрыва в ускоренном темпе как бы «моделировала» и в какой-то степени «предвосхитила» то, что стало совершаться в будущей Вселенной в гораздо более медленном темпе в ходе глобальной (универсальной) эволюции (Ильин, Урсул А. Д., Урсул Т. А., 2012).

В первом рукаве самоорганизация распространяется на всю Вселенную, а регрессивные процессы носят локально-подчиненный характер. Прогрессивная эволюция носит глобально-вселенский характер, как бы реализуя накопленный генетический потенциал инфляционной стадии Большого взрыва. К завершению этой стадии формируется некий «закодированный ген» внутри так называемого вселенского «инфляционного апельсина», ориентируя на путь развертывания первого этапа (рукава) вселенской эволюции.

Сам факт расширения Вселенной, несомненно, проявляющийся не только в пространственном, но и в расширении Вселенной во временном измерении также существенно может повлиять на наше изучение и освоение мира. Оставшаяся незамеченной ранняя «темпоральная инфляция» сейчас сменилась более спокойным расширением (распространением) времени в будущее (также вначале с его замедлением, а затем ускорением). И этот процесс уже невозможно остановить, как и пространственное расширение нашей Вселенной в силу действия антигравитации темной энергии. «Растягивание» времени в будущее как процесс темпоральной футуризации уже почти 7 млрд лет сопровождается пространственным расширением Вселенной с ускорением — и это космологическое следствие воздействия темной энергии (как космического вакуума) на остальные фрагменты мироздания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин, П. К. (1978) Опережающее отражение действительности // Анохин, П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М. : Наука. С. 7–26.

Ильин, И. В., Урсул, А Д., Урсул, Т. А. (2012) Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М. : Изд-во Моск. ун-та. 616 с.

Линде, А. Инфляция, квантовая космология и антропный принцип (2002 г.) (Электронный ресурс). URL: http://arxiv.org/abs/hep-th/0211048v2 (дата обращения: 5.05.2018).

Новиков, И. Д., Кардашев, Н. С., Шацкий, А. А. (2007) Многокомпонентная Вселенная и астрофизика кротовых нор // Успехи физических наук. Т. 177. № 9. С. 1017–1023.

Панов, А. Д. (2013) Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI). М. : ЛКИ. 208 с.

Урсул, А. Д. (2008) Природа безопасности // Безопасность Евразии. № 1. С. 7–36.

Урсул, А. Д. (2012) Процесс футуризации и опережающее отражение // Философия и культура. № 9. С. 34–48.

Чернин, А. Д. (2005) Космология: Большой Взрыв. Фрязино : Век 2. 64 с.

Шацкий, А. А., Новиков, И. Д., Кардашев, Н. С. (2008) Динамическая модель кротовой норы и модель Мультивселенной // Успехи физических наук. Т. 178. № 5. С. 481–488.

Caldwell, R. R., Kamionkowski, M., Weinber, N. N. (2003) Phantom Energy and Cosmic Doomsday // Physical Review Letters. Vol. 91, iss. 7. P. 071301.

Урсул Аркадий Дмитриевич — директор Института устойчивого развития и безопасности, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития). Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии АН Молдавии, Международной академии астронавтики (Париж), РАЕН, Российской экологической академии, Международной академии наук (Инсбрук, Австрия), Международной академии информатизации, Международной академии наук информации, информационных процессов и технологий, Академии социальных наук, Академии космонавтики им. К. Э. Циолковского, Петровской академии наук и искусств.

Журналистика в периметре культуры

П. Н. Киричёк
Московский гуманитарный университет

Все достижения социального прогресса фиксируются в культуре — материальной и духовной. Этот процесс находит отражение в журналистике как общественно значимой деятельности. В универсуме культуры журналистика сама прогрессирует в идеологическом (содержательном) и технологическом (формальном) аспектах. По отношению к общественной жизни пресса выступает интегратором, координатором, регулятором всего ее многообразия. От позитивной или негативной роли прессы прямо или косвенно зависит качественное состояние основных сфер жизнедеятельности социума. Пресса удовлетворяет потребность общества в самом важном публичном дискурсе — управленческом. В наше время миссия журналистики заключается во всемерной аккумуляции в обществе добра и аннигиляции зла вербальными, визуальными, сетевыми средствами образно-логического свойства.

Ключевые слова: периметр культуры; миссия журналистики; феномен прессы; механизмы культуры; аккумуляция добра; аннигиляция зла

О миссии журналистики специалисты сегодня спорят часто и долго. И повод к такому разговору будет существовать всегда. Это только в простейшей технике рабочий инструмент (к примеру, забивающий гвозди молоток) не меняет своего первоначального предназначения. А в социальной практике любое «изобретение» человека со временем расширяет именной круг целеполагания. С журналистикой происходит аналогичное превращение. Возникший в доиндустриальном обществе, феномен прессы с самого начала предназначался для информирования граждан о происходящем в действительности. В индустриальном обществе к информированию граждан прибавилось посредничество прессы между властью (элитой) и народом (массой).

Наконец, в постиндустриальном обществе, которое по-другому называют информационным (при значительном усложнении структуры социума, расширении его функций, диверсификации интересов, полифонизации отношений, максимизации целей и задач) жур-

налистика, наряду с информатором и посредником, становится управленцем, или «четвертой» властью, располагающей регуляционным ресурсом (силой) общественного мнения. Под знаменателем «управленец» подразумевается многосложная роль прессы, а именно: информационно-коммуникационного интегратора, координатора, регулятора всего многообразия социального бытия, от чего прямо или косвенно зависит качественное состояние жизненно важных сфер общества — политики, экономики, культуры, права, морали, науки, образования и др.

Если журналистика, в согласии с новейшей миссией прессы, претендует на роль духовно-практического управленца многопрофильной общественной жизни, то в перечень ее непосредственных обязанностей входит также публичное тиражирование адекватного (управленческого) дискурса: он определяется как «технология коммуникативного взаимодействия различных социальных групп, объектов и субъекта власти, который пронизывает все сферы и уровни в системе отношений общества и государства, является системообразующим, выступает стратегическим ресурсом государственного управления» (Шилина, 2011: 254).

В таком случае по-современному вооруженная идеологически и технологически журналистика, помимо информирования граждан о происходящем в действительности и посредничества между народом и властью, проявляет иной, более масштабный, стратегический ресурс — возможность и способность постепенно кристаллизовать в общественной жизни влиятельную внешне и внутренне аксиологическую среду для внесения в массовое сознание и поведение общечеловеческих и национальных ценностей. В этом ракурсе пресса использует свое уникальное свойство делать самое различное содержание социальной жизни культурно формированным, а самую различную форму социальной жизни — культурно существенной.

Ни много ни мало все это означает, что в наш информационный век журналистика с ее вездесущими печатными, электронными, сетевыми средствами является не только ретранслятором уже «готовой» культурной продукции, но и ее производителем. И, вполне естественно, самим массмедиа и занятым в них специалистам вербально-визуального профиля также нужна высокая культура — социальная, политическая, этическая, эстетическая. К примеру, культура стиля, языка, мысли, образа, где на сегодняшний день проблем на-

бирается непочатый край: по словам Х. Шерринга, «если бы змей искушал Еву языком нынешних журналистов, мы и теперь бы жили в раю» (Душенко, 2001: 275).

При создании аксиологической (ценностной) среды в обществе на передний план выходит процесс формирования социальной культуры, уровень которой во многом определяется способами устранения возникающих в повседневной жизни противоречий. Однажды Гельвеций сказал о человеке нечто парадоксальное, но по существу верное: он весь соткан из противоречий. Аналогичное можно сказать и про «сумму людей», именуемую обществом, где противоречия, подобно протуберанцам на солнце, дают «вспышки» во всех базовых сферах бытия. Если в социальной практике революции предстают локомотивами истории, то противоречия, как коренные (основные), так и некоренные (побочные), являются движителями эволюции.

Известно, что эволюция имеет два вектора — прогрессивный и регрессивный. Последний возникает, когда противоречия замалчиваются властью в наивном расчете на то, что они сами собой разрешатся (такой подход наблюдался в политике высших государственных органов управления в канун распада Советского Союза). Чтобы возобладал прогрессивный вектор эволюции, необходимо вовремя разрешать, а еще лучше — упреждать возникающие в нестабильной общественной жизни противоречия. Задача двуединая, но вполне решаемая — в первую очередь, за счет умелого использования различных социокультурных механизмов из арсенала общественной практики. Среди них особо эффективными считаются, увы, редко применяющиеся в государственной политике культурно-институциональные механизмы: «аксио-аттракция (ценностное притяжение), аксио-креация (ценностное творчество), аксио-санация (ценностное очищение)», весьма подходящие для использования и в публичной сфере.

При включении этих механизмов в работу нужно помнить, что взаимодействие двух или нескольких сфер общественной жизни нередко порождает между ними сложные отношения конфликтного характера. Например, высокий уровень конфликтогенности наблюдается в контакте сфер политики и экологии, их акторов и структур, порой переходящем в длительное противоборство, наполненное взаимной неприязнью и острым столкновением, хотя здесь одна сфера, безусловно, нуждается в другой по закону взаимной обеспеченности

социальных подсистем, который позволяет путем разрешения возникающей коллизии находить новые ресурсы прогрессивного развития: «Народ против — инициативная группа жителей поселка Вяткино протестует против действий главы поселка. Они пытаются спасти от застройки родник и березовую рощу. Инициативная группа ходатайствует о признании двух территорий зонами отдыха и настаивает на одном: не отдавать эти земельные участки под застройку. Коллективное обращение о лишении полномочий главы сельского поселения подписали 206 человек» (Романова, 2006).

В принципе, при научно обоснованном модуле государственной политики с помощью массмедиа любая межсферная коллизия, даже самая острая, получает реальный шанс благополучно разрешиться — на компромиссном, или социально-партнерском, основании, чему способствует всепроникающее и облагораживающее воздействие журналистики на общественную атмосферу. При одном дополнительном условии: если культурно-институциональные механизмы разрешения социальных противоречий — аксио-аттракция, аксио-креация, аксио-санация — будут сопровождаться широким привлечением к конструктивной практике различных региональных и муниципальных групп населения, представляющих добровольно возникшие структуры гражданского общества: «Еще классики учили, что идеи только тогда становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Какие бы национальные проекты и реформы мы ни провозглашали, кто-то должен их исполнять. Чиновники? — конечно, нет. Этими идеями должны проникнуться рядовые труженики» (Маринина, 2006).

Другая, типичная для России, коллизия — между политикой и культурой, хотя последняя обладает уникальным ресурсом: за счет наиболее приближенных к повседневной жизни ценностно-смысловых императивов и поведенческих алгоритмов облагораживать сферу политики с ее первоочередным стремлением к завоеванию, использованию и удержанию власти, что порой делается любой ценой, с превращением людей, ради блага которых затевается социальная модернизация, из целей в средства, вопреки нравственному императиву И. Канта: «Новые системы ценностей должны формироваться в России свободно и на базе отечественной культуры, а не быть внедренными извне. Новые доминирующие идеологии должны выделиться не в процессе подавления (или намеренного сдержива-

ния) иных идеологий и уж тем более не в результате внедрения извне идеологий, лишенных связей с российской культурой» (Ракитский, 2000: 26–27).

Здесь на ум приходит категоризм: держать в XXI в. культуру на задворках, как вчера, и тем более, делать ее тенью политики, как сегодня, для общественно-государственного устройства означает морально-психологическое самоубийство. Обычно культура мстит обществу сильно и долго за небрежение ею со стороны власти. Лучшее, что здесь можно сделать, — это включить (с помощью прессы) мощный потенциал культуры в процесс социальных реформ: «Полагая культуру в основание политики, государство делает политику действенной эволюционной силой, справедливой и целесообразной. Политика вне культуры имеет деструктивный характер и оказывает разрушительное воздействие на культуру. Равно и культура без конкретного сотрудничества с политикой оказывается в изоляции и потому обрекается на бессилие. В синтезе этих двух сфер — ключ к решению проблемы будущего человечества» (Агешин, Кобзон, 2006).

В случае осуществления синтеза политики и культуры в социуме появляется благоприятная возможность для широких масс людей обретать гражданскую зрелость, чтобы выступать не пассивными потребителями общественного блага в материальном и духовном измерении, а активными участниками процесса его производства и распространения. Эта проектируемая смена ролей, вплоть до выхода человека в сферу управления в качестве его актора, и есть самый важный социальный эффект. Он запускает в работу духовно-практический «перпетуум мобиле», или культурное ядро личности, где находится главный источник гражданской зрелости (активности плюс компетентности) человека, столь нужной в период радикальной трансформации общества.

Безусловно, гражданская зрелость — это не продукт скорого общественно-государственного приготовления. Система его воспроизводства состоит из трех параллельно реализуемых целей-этапов, представляющих единый процесс формирования: гражданской активности — гражданской компетентности — гражданской зрелости (на основе гармоничного соединения первых двух метахарактеристик).

1. Формирование гражданской активности — здесь главной духовно-практической проблемой-противоречием является политическая апатия и равнодушие в целом к судьбе страны, или к своему гражданскому сообществу, со стороны больших масс людей (наличие эффекта «спирали молчания» — по Э. Ноэль-Нойман), что фактически выключает их из активной общественной жизни. Тут проблема ясная, как божий день: в массовом сознании утрачен важный стереотип — прямая зависимость между качеством жизни людей и уровнем их внешней (социально-политической) добровольной занятости в партиях, движениях, объединениях, а также в различных ассоциациях негосударственного и некоммерческого характера. Снять эту проблему с повестки дня возможно, если умело использовать массмедийные механизмы:

а) аксио-аттракции — для формирования рациональных и эмоциональных мотивов к противоположному (граждански активному) сознанию и поведению, б) аксио-креации — для непрерывного тиражирования образцовых примеров гражданской активности, нацеленной на участие каждого индивида в коллективной реализации общего для всех проекта прогрессивного переустройства социума, в) аксио-санации — против источников политической и общественной апатии и равнодушия: «От «Вятской хроники» начинают отворачиваться представители вятской интеллигенции. Становится страшно. Не за себя, а за область, за ее людей, за саму интеллигенцию. Каким же должен быть этот бездушный и жестокий насос власти, если только за то, что человек вызвался сотрудничать с нами, у него могут возникнуть серьезные проблемы?! Отмечая то, что, в силу свойственной интеллигенту осторожности и отчасти тактичности, он не будет кидаться на амбразуры действительности. И он уходит в работу, в алкоголь, в корпоративно-творческие интриги, в религиозно-мистические изыскания, в абсурдистско-модернистское сочинительство. Иными словами — он спит. А известно, что сон разума рождает чудовищ» (Осьминин, 2007).

2. Формирование гражданской компетентности — здесь главной духовно-практической проблемой-противоречием является отсутствие объединяющей все социальные группы, слои, классы российского общества национально-культурной идеи развития, которая была бы абсолютно адекватной современным внутренним и внешним условиям цивилизованного существования. По-иному — «идеи-

правительницы» (по Н. Трубецкому), подчиняющей закону национально-культурной идентификации и самоидентификации все слова и поступки элиты и массы в нашей стране. Конечно, идейный разброд и шатания в сознании и поведении людей — не лучшее их состояние для успешной реализации проекта социальной модернизации. В широких слоях населения сегодня недостает понимания прямой зависимости между качеством его жизни и уровнем его социально-политической осведомленности и подготовленности. Разрешить эту проблему также возможно, если умело применять массмедийные механизмы:

а) аксио-санации — против источников и мотивов социально-политической неграмотности населения, б) аксио-аттракции — для повышения общей и специальной грамотности заинтересованных в общественном (государственном) участии людей, в) аксио-креации — для воспроизводства «критической массы» гражданской компетентности, позволяющей индивидам точно сориентироваться в условиях идентификации и самоидентификации и сделать правильный социально-политический выбор: «Самое лучшее в государстве — это то, что оно стягивает разные народы и что иногда оно превращается в Родину. Когда немцы на нас напали, оно стало Родиной — ты защищал то место, где живешь, тех друзей, с которыми рядом находишься. Я за то, чтобы государство побыстрее превратилось в Родину. Без всякой войны» (Ставров, 2007).

3. Формирование гражданской зрелости — здесь главной духовно-практической проблемой-противоречием является реально существующий разрыв между достигнутыми на сегодняшний день населением России уровнями гражданской компетентности и гражданской активности. И эта проблема-противоречие — необходимость установления постоянного баланса гражданской активности и гражданской компетентности, производного от закона социальной равновесности, подобного физическому закону сообщающихся сосудов, — тоже успешно решается при наличии такого замысла и политической воли, если умело использовать массмедийные механизмы:

а) аксио-санации — против избыточной (нерациональной) гражданской компетентности, б) аксио-аттракции — против недостаточной (пассивной) гражданской активности, в) аксио-креации — для воспроизводства «синтетических» образцов гражданской актив-

ности и гражданской компетентности, в принципе дающих в диалектической сумме искомую социально-нравственную величину — гражданскую зрелость: «Можно ли реально решить проблему мусора по существу? Можно, но только изменив «весь строй жизни». В центре интересов должны стоять духовные вопросы, люди должны самоутверждаться не потреблением, а чем-то иным: творчеством, благочестием. Тогда окажется, что вещей человеку нужно гораздо меньше, чем сегодня. Должны производиться крепкие долгоживущие вещи из натуральных материалов, которые разлагаются, не загрязняя среду, мебель из натурального дерева, одежда из хлопка и шерсти. Вся техника должна быть ремонтопригодной и долгого срока жизни» (Воеводина, 2017).

Итак, в цивилизованном обществе алгоритм прошедшей несколько исторических этапов развития журналистики как социально значимой деятельности определяется двумя смежными факторами этико-правового характера: притяжением к полюсу «что такое хорошо» и отталкиванием от полюса «что такое плохо». В конечном итоге, миссию современной журналистики, располагающейся в периметре культуры и следующей ее канонам, можно трактовать как гуманизацию (культурацию) всех сфер общественной жизни на основе системно-непрерывного информирования граждан, оптимизированного элементами управления, образования, воспитания. В иносказании миссия прессы есть социокультурная аккумуляция в обществе добра и аннигиляция зла вербальными, визуальными, сетевыми средствами образно-логического свойства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агешин, Ю., Кобзон, И. (2006) К культуре власти через власть культуры // Литературная газета. 28 июня — 4 июля.

Воеводина, Т. (2017) На воеводстве! // Завтра. Апрель-май, № 17(1273).

Душенко, К. В. (2001) Большая книга афоризмов. М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс. 1056 с.

Маринина, Л. (2006) Сохранить исконно русский уклад // Вичугские новости (Ивановская обл.). 15 августа.

Осьминин, А. (2007) Изгонит ли чудовищ пробуждающийся разум? // Вятская хроника. 10 августа.

Ракитский, Б. В. (2000) Концепция социальной политики для современной России. М. : Институт перспектив и проблем страны. 42 с.

Романова, О. (2006) Как в Вяткино ключик делили // Владимирские новости. 6 июля.

Ставров, В. (2007) Когда государство станет Родиной? // Аргументы и Факты. № 16. 18–24 апреля.

Шилина, С. А. (2011) Управленческий дискурс: роль в производстве коммуникативных отношений государства и общества // Казанская наука. № 9. С. 253–255.

Киричёк Петр Николаевич — профессор кафедры журналистики факультета рекламы, журналистики, дизайна Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор.

Секрет и тайна: «потаенность техники» М. Хайдеггера в контексте нейрореволюции

А. А. Воронин
Институт философии РАН

Тезисная трактовка положения М. Хайдеггера о потаенности техники как приобретающего новые смыслы в контексте нейрореволюции.

Ключевые слова: техника; нейрореволюция; тайна; секрет; философия техники

1. Философы техники до сих пор спорят о том, как понимать слова М. Хайдеггера о потаенности техники. За ними скрывается нечто более глубокое, чем просто диалектика потенциального и актуального. Важно включение в эту потаенность человеческого измерения — в ней нет природной обязательности, в ней есть человеческая субъективность. Сегодня потаенность техники, рассмотренная в контексте нейрореволюции, приобретает новые смыслы.

2. Классическое отношение науки и техники можно сравнить с отношением геолога и буровика. Ученый ползает на коленках по Земле и выведывает у нее «детские секреты», по интересному выражению М. И. Цветаевой. Найти, раскопать, оценить стоимость природного клада – и рассказать об этом добытчикам, — вот задача науки. Потом приходит техника, и «детский секрет» начинает нести свою хозяйственную службу. Секрет — это то, что скрыто, но человек знает о нем, ищет его и надеется выгодно использовать. Секрет — это интрига. Это детектив, и как любой детектив он может быть связан с драматическим приключением, а может быть связан и с трагедией. Впрочем, это уже не детектив, уже не интрига.

3. Трагедия следует за раскрытием тайны. В этом отличие тайны от секрета. Тайна хранит не просто спрятанное, не просто сюрприз, она чревата ужасным, разрушительным, непоправимым. Она требует от человека не столько мужества, сколько безрассудства — потому что рассудок предупреждает, что есть черта, которую нельзя переступить. Уголь, нефть, газ, электричество — это секреты. Ядерная энергия — тайна. Открытие науки послужило причиной страшной гибели полумиллиона человек в Японии. Одумались люди уже

после того, как было уже поздно. И все разговоры про сдерживающий потенциал ядерного оружия базируются на том, что разум человека слабее страха. Что договориться по-хорошему пока не получается.

4. Медицина знает об организме человека очень много и продолжает узнавать еще больше. Она лечит, заменяет, улучшает, предсказывает все новые и новые — и старые — недуги. Но вот нейрофизиология подошла вплотную к исследованию мозга — и у меня возникает вопрос: что перед ней, секрет или тайна? Есть ли принципиальная разница между органикой тела и органикой мозга?

5. Раскрытие тайны сознания, мозга и нейронных ансамблей может превратить тайну в секрет, т. е. пригласить технику сразу же после завершения очередного цикла научных исследований оприходовать вновь открытые территории. Целостность — самая важная компонента мозговой деятельности, которая не может быть исчерпана, скорее всего, никогда, — будет под угрозой фрагментарных усовершенствований. Точно так же, как и в «первой природе», вмешательство человека открыло ему важность целостности уже после экологической катастрофы.

6. Продолжая аналогию с ядерным оружием, следует однозначно заключить, что пока разум человека и зрелость человеческого общества не преодолеют алчности, жадности и властолюбия (желающие могут этот список продолжить), переходить черту между тайной и секретом преждевременно. Менее радикальный вывод: нужна осторожность, в том числе и в научных исследованиях, потому что нормативной рефлексии (в технике, технонауке и технологиях) после открытий науки уже не будет.

Воронин Андрей Алексеевич — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук.

Культура как мир конвенций и условие общенационального единства на основе единства ценностей

А. В. Костина
Московский гуманитарный университет

В статье обосновывается обращение к культуре в новых концепциях национальной безопасности России как специфической форме социальной регуляции. Подчеркивается, что культура — это та матрица, в которую вписываются и религия, и экономика, и политика, и жизненные приоритеты человека.

Ключевые слова: культура; ценности; национальная безопасность

В постперестроечной России основным документом, определяющим цели, национальные интересы, основные направления развития страны стала «Концепция национальной безопасности Российской Федерации», Утвержденная Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24). Она утратила силу в связи с Указом Президента от 12.05.2009 г. № 537 о принятии «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020». Сегодня основным документом в сфере безопасности является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

Что общего во всех этих документах? — их объединяет обращение к сфере культуры. Однако в каждом из них роль культуры последовательно увеличивается. Если в Концепции 1997 г. культурная — т. е. ценностно-идеологическая составляющая — учитывалась в малой степени, то Стратегия 2009 г. принималась в других геополитических обстоятельствах. Необходимость принятия новой Стратегии безопасности была обусловлена изменением процессов международного взаимодействия в ситуации появления новых вызовов и угроз, укрепления новых центров экономического роста и политического влияния и — как следствие — формирование качественно новой геополитической ситуации. Ее основное содержание было связано с построением глобальной системы, ориентированной, по преимуществу, на Организацию Североатлантического договора — особенно, в Евро-Атлантическом регионе.

Но уже в 2002 г., когда администрация Д. Буша представила новую стратегию безопасности, определяющую малую эффективность доктрины сдерживания и устрашения, и был закреплен термин однополярного мира, а США наделили себя правом изменять политические режимы в любой стране, стало очевидно, что экономическая конкуренция сопровождается конкуренцией ценностей и моделей развития. Именно поэтому культура стала рассматриваться — наряду с укреплением обороноспособности, суверенитета, территориальной целостности, повышением конкурентоспособности национальной экономики — в качестве одного из национальных интересов на долгосрочную перспективу.

Именно поэтому в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. показано, что для обеспечения национальной безопасности в области культуры необходимо такое развитие культурной и государственной национальной политики, которые «направлены на укрепление и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обеспечение национальной, религиозной, расовой терпимости, на воспитание взаимного уважения народов Российской Федерации, а также на развитие межнациональных и межкультурных связей» (Указ... Электронный ресурс).

Иными словами, в Стратегии культура обоснованно рассматривается не только как нечто сверхценное, как то, что образует единство народа, формирует его душу и определяет его уникальность, как то, что необходимо сохранять, но и как то, что выступает в качестве специфической формы социальной регуляции, как то, что обладает собственным мощным потенциалом управления человеком и обществом. Культура здесь рассматривается не только как феномен, требующий защиты, но и как *инструмент активного влияния на все сферы общества*, в том числе, на его национальную безопасность. Культура — это не только искусство, это не только то, что прекрасно и возвышенно. Культура — это та матрица, в которую вписываются и религия, и экономика, и политика, и жизненные приоритеты человека. Можно переносить из одной страны в другую самые замечательные модели экономического или политического развития, но в ином социокультурном контексте они не будут работать. И первое и второе — и культура и экономика — должны соответствовать друг другу.

В чем специфика такого — культуроцентирического — подхода? В том, что культура, как и любое другое понятие, может рассматриваться и как сфера проявления свободы человека, его творческой активности и как та сфера необходимости, в границах которой только и может действовать человек. И в этом смысле культура в своей нормативной функциональности действует ничуть не менее жестко, чем правовая система. В контексте такого понимания культура выступает как регулирующая система, удерживающая человека через нормы, традиции, ценности в достаточно определенных рамках, которые он или принимает, стремясь раздвинуть и обогатить новыми смыслами, или стремится выйти за эти границы и сформировать новые культурные пространства, наполненные новыми смыслами.

В первом случае речь идет о естественном законе социализации, когда принятые на начальных этапах освоения культурные ценности, дополняются и обогащаются новыми и инновационными — это закон нормального развития культуры. Во втором — индивид отрицает смыслы собственной культуры и идет по пути или отказа от них, или разрушения. При этом речь не идет о силовых или противоправных действиях — для того, чтобы изменить содержание культуры, достаточно изменить ее ценности. К примеру, такой эпохой стали 60-е годы XX в., когда провозглашение молодежью Великого Отказа от культуры отцов и утверждение новых ценностей, изменило лицо Европы.

Такое понимание культуры присутствует и в Стратегии национальной безопасности 2015 г., где качестве основных целей определяются: «сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны»; «воспитание детей и молодежи в духе гражданственности»; «повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве» (там же).

Осознавая эти возможности культуры как системы социальной и ценностной регуляции, отметим, что для предотвращения угроз национальной безопасности необходимо сосредоточить усилия не только в области экономики, политики, демографии, но и в области культуры, так как именно она пронизывает все данные сферы, определяя их содержание. Для успешного развития любого государства необходимы: внутреннее единство, социальная стабильность, согласие между населяющими ее народностями, религиозная терпимость.

И напротив, развитию государства могут препятствовать внутренние угрозы в виде социального и этнонационального экстремизма, регионального сепаратизма, межрелигиозной напряженности, которые выступают как весьма существенные и значимые. И в этом смысле рост в обществе социально-деструктивных и антисоциальных проявлений, появление и рост активности сепаратистских движений точно так же опасен, как и ослабление обороноспособности страны, ее экономики, финансовой системы. Они расшатывают общество в социальном и политическом смысле, разрушая его духовные основания.

И важно, что все эти негативные тенденции могут быть связаны со сферой культуры точно так же, как и тенденции позитивные. Культура выступает в качестве ценностно-нормативной системы, направляющей деятельность людей, регулирующей ее и обеспечивающей таким образом социальный порядок в обществе и его целостность. Иными словами, культура — это не только высочайшие образцы литературы, искусства, философии, но, прежде всего, мир конвенций, где люди устанавливают нормы, ценности вместе с их значениями и значимостью, самые различные духовные опоры, способствующие упорядочиванию действительности и действий людей.

Тот факт, что культура определяет развитие даже экономической сферы, стал открытием М. Вебера, доказавшего роль духовного фактора — а именно, протестантской этики — в становлении «духа капитализма» (Вебер, ___). В концепции М. Вебера, ставшей сегодня классикой социально-философской и экономической мысли, было показано, что тип экономики и тип социальной системы тесно связаны с социокультурными факторами и, прежде всего, с религией и ценностями, которые она провозглашает. Исследователь доказал, что индивидуализм протестантской этики с ее особым отношением к труду, «с непомерным моральным кодексом» и личной ответственностью, выступающей в качестве проявления свободы, привел к рационализации хозяйствования, экономики и появлению капитализма. Этот же закон соответствия всех сфер человеческой деятельности был сформулирован в начале XX века физиком Гейзенбергом, который показал, что все сферы жизни связаны с определенным типом духовности — к примеру, европейский современный научно-технический мир непосредственно выводится из культуры антично-

сти и радикально преобразовавшими ее началами христианства (Гейзенберг, 1989: 369).

Фактически о такой же связи экономики и культуры говорит академик С. Ю. Глазьев, утверждая необходимость опоры отечественной экономической системы на российские ценности, и доказывая неэффективность неолиберальной неоклассической экономической модели на российской почве. Он утверждает, что в качестве мотивов экономической деятельности может выступать не только мотив максимизации прибыли, но также — идеологическая направленность поведения и нравственные ограничения (Глазьев, 2010: 56–57). Он настаивает на том, что одним из ведущих условий подъема отечественной экономики является необходимость приведения управления хозяйством в соответствие с ценностями российской культуры, такими, как «необходимость помнить о духовном смысле жизни, заботиться о благе ближнего, общества и Отчизны; восприятие материального благополучия как испытания и ответственности; порядочность в деловых отношениях; необходимость творческого развития человека; необходимость заботы о человеке труда» (Глазьев, 2011: 492–500).

Иначе говоря, экономика в значительной степени подчиняется в своем развитии культуре, а точнее, тем ценностям, которые выступают как регуляторы социальных взаимодействий. Очевидно, что содержание ценностей заключено не в них самих — оно определяется не их специфическими свойствами, а их значимостью для человека или сообщества, которая выражается через общественные установки, запреты, императивы, этические, эстетические, социальные нормы. Чрезвычайно важно, что ценности, выражающие положительную или отрицательную социальную значимость феноменов и явлений, выступают основой оценки поведения всех членов общества, наделяя легитимностью их порицание или одобрение. И многие социальные и политические ситуации, многие события в сфере культуры и религии, которые вызывают противоположные реакции членов общества, означают неприятие каждой из групп ценностей группы противоположной.

В 2017 г. таких ситуаций, которые демонстрировали столкновение различных ценностей, было немало. К примеру, «битва» за Исаакиевский собор, которая началась 10 января с заявления губернатора Санкт-Петербурга Г. Полтавченко о передаче собора Русской

православной церкви. Город фактически разделился на два лагеря — тех, кто поддерживал идею передачи собора, и тех, кто считал, что статус музея собора необходимо сохранить. Как рассматривать данную ситуацию? — Если исключить имущественную составляющую, которая имеет значение для чиновников и представителей РПЦ (хотя, как пояснил вице-губернатор Петербурга М. Мокрецов, юридически ничего не изменится и собственником собора останется город, а Церкви Исаакий будет передан в «безвозмездное пользование»), и рассматривать только тот ее спектр, который связан с позицией граждан, определенной в высшей степени активно, можно сказать, что в данном случае произошло столкновение ценностных моделей — светской и религиозной.

Несмотря на то, что при изменении статуса собора планируется его музейную и музейно-просветительская составляющую сохранить, а вход в собор сделать бесплатным, однако в Министерстве культуры сомневаются, что этот пункт выполним. «Мы полагаем, что при передаче Исаакиевского собора сохранение за ним нынешних музейных функций возможно лишь теоретически, — сообщили в пресс-службе Министерства культуры. — Совместное использование музея и действующего храма сопряжено с целым рядом сложностей, в том числе кардинальным различием предметов реализации музейных и религиозных функций» (Минкульт... Электронный ресурс). И несмотря на то, что «дорожная карта» по передаче Исаакия уже готова, точную дату начала собора в новом качестве назвать сложно — на процедуру передачи может уйти до трех лет.

Характерно, что обсуждение обществом данной ситуации вышло далеко за пределы судьбы Исаакиевского собора. Речь шла о развитии России, и общество совершенно определенно продемонстрировало приверженность, с одной стороны, современным, с другой — почвенническим — ценностям, ценностям светским и религиозным. И эта ситуация еще раз показала: полярные позиции не эффективны — России необходима не только великая история и сохранение традиции, но и вписанность в современность, и напротив — не только рационализм и приверженность сциентизму, но и опора на трансцендентное познание мира.

Точно так же — вокруг ценностей — разворачивается противостояние мнений и позиций вокруг постановки балета «Нуреев» в Большом театре. Подчеркнем, что этот спор — не эстетический, а

сугубо этический, ценностный, а скандальность самой постановки обусловлена не ее «авангардизмом», а мерой допустимого в сфере социального, которую отечественный зритель определяет достаточно строго. Поэтому основание для бурных споров — ценность творческой свободы. По мнению правозащитников и либеральных политиков, свобода творчества не должна быть подцензурной, иначе это будет «очередной победой насилия над культурой», по определению известного режиссера Павла Бардина. При этом, по мнению другой части творческой интеллигенции, свобода творчества должна разворачиваться в этическом пространстве, и их неприятие постановки носит характер борьбы за нравственность.

Несмотря на то, что некоторые из членов попечительского совета театра — в том числе Александр Жуков, Ольга Голодец, Роман Абрамович, Виктор Вексельберг, Алексей Мордашов — стали сторонниками скорейшей премьеры «Нуреева», эта позиция, по мнению тех же СМИ, определялась не культурным или эстетическим выбором, а скорее ценностным и политическим.

Таким образом, культура — это совокупность ценностей — того, что обладает значимостью для большого числа людей — в пределе — всех представителей определенной общности, и выступает в качестве установок, императивов, нормативных предписаний о добре, красоте, истине, справедливости. Именно ценности и связывают людей между собой, консолидируя общество в целом. Однако принципиально важным является то, что ценности не универсальны. Несмотря на позицию неокантианцев, а именно, Виндельбанда и Риккерта, рассматривающих природу ценностей как трансцендентную, как «смысл, лежащий над бытием» и имеющий универсальную воплощенность в красоте, благе, святости, есть и другая позиция, где ценность выступает не как философская категория, имеющая всеобщий характер, а как научное понятие, содержание которого исторически обусловлено.

Здесь мы можем говорить об условности ценностей, о различных «ценностных мирах» и даже о столкновении ценностей. Вытеснение одних ценностей другими неизбежно приводит общество к негативным последствиям — либо к аномии, либо к «культурному запаздыванию».

Сказанное не означает, что различие ценностей позволяет выделять среди них верные и не верные — такой подход невозможен по

существу, так как все ценности опосредованы исторически и в этом смысле все верны. Но они верны только для такого общества, в котором они соответствуют доминирующим представлениям о мире, о целях человека, о системе взаимоотношений людей, о должном, об общественном благе. Естественно, они разные у разных народов — даже представления о жизни и смерти. Так, в рамках христианства человек не может самостоятельно прервать свою жизнь — это поступок, не согласующийся с данной системой нравственных императивов, в рамках же синтоизма человек имеет на это полное право, если он таким образом смывает с себя позор бесчестия.

К тем ценностям, которые всегда обладали общезначимостью для россиян, относятся *служение Отечеству, милосердие, справедливость, коллективизм, семья, приоритет духовного над материальным, преемственность российской истории*. Именно поэтому укрепление и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей определяется в Стратегии национальной безопасности как фактор ее развития. Совсем иначе выглядят ценности утилитаризма, прагматизма и инструментализма, характерные для европейского и американского мировоззрения, в границах которых только полезность может определять моральную ценность поведения или поступка, где любая цель не должна быть связана с идеалистическими императивами, но должна иметь конкретный результат в виде выгоды, где идеи и теории должны выступать в качестве инструментов, изменяющих жизнь общества к лучшему. Фактически точно о том же — о целях культуры в отношении человека — спорили И. Кант и Ж.-Ж. Руссо, где первый считал моральный императив основным в культуре, второй был убежден в том, что цель культуры в отношении человека — достижение его счастья. Можем ли мы утверждать, что первые ценности важнее вторых? — нет. — Ценности исторически и культурно опосредованы — не даром еще с XIX в. (первоначально в словаре В. Даля) бытует поговорка «Что русскому хорошо, то немцу — смерть» (к слову, «смерть» здесь выступает сходным по аллитерации заменителем немецкого «шмерц» (Schmerz), означающего, прежде всего, боль, страдание, скорбь, горе, печаль.

Утверждение исторической обусловленности ценностных систем вовсе не означает ценностного релятивизма, напротив, такая позиция позволяет обосновать многие проблемы национальной безо-

пасности. В данном случае они могут быть связаны с угрозами в отношении той системы ценностей, которая сложилась исторически в рамках любого национального государства, в том числе, России, и которая подвергается давлению, агрессивному воздействию со стороны другого государства. Не случайно в Стратегии в качестве угроз национальной безопасности названо *размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей… путем внешней культурной и информационной экспансии* (п. 79). И речь здесь идет не просто о приверженности традиции, а о сохранении культурного ядра, культурного кода России, разрушение которого можно рассматривать как разрушение России в целом — именно в этом смысл народной мудрости «Если народ перестает петь свои песни, он исчезает как народ».

Фактически на замену системы ценностей государства-противника направлены *информационные войны*, где средства массовой информации создают общий «фон», связанный с десакрализацией значимых для страны-противника исторических событий и имен, разрушением ее позитивных социальных символов, дискредитацией традиционных ценностей и смыслов культуры, которые формируются в длительном процессе ее генезиса. Через каналы средств массовой коммуникации в сознание граждан могут внедряться стереотипы, образцы поведения, социальные мифы, мнения, значения и смыслы, необходимые стране-агрессору.

Иными словами, через информационные средства фактически передаются культурные коды, которые могут стать не только основой единства наций как «воображаемых сообществ», но и средством их разрушения. В таких ситуациях начинает действовать закон, известный как «культурный эффект Гейзенберга». Его суть состоит в том, что взаимодействие культур выступает в качестве положительного процесса до тех пор, пока не будет нарушен баланс между ними, пока одна культура не начнет довлеть над другой, что неизбежно вызовет «возмущение» системы и нарушение всех ее функций в их взаимодействии (Ремизов, Садовская, 2017: 97).

Это связано с тем, что культура — это не только мир гуманизма и позитивных ценностей. Культура точно так же порождает разрушения, как и природа. Об этом весьма отчетливо говорил родоначальник идеи культурологии как науки Лесли Уайт (США). Он рассматривал культуру не как следствие развития общества, а как его

причину, и из всех сфер развития человека — экономической, политической, социальной, культуру он видел как то, что выступает явлением более высокого порядка, как то, что объединяет все эти сферы и обеспечивает целостность и непрерывность развития этого организма. Однако культура в понимании Л. Уайта — феномен весьма противоречивый и развивающийся по собственным законам, автономным по отношению к человеку. И если в начале своего изучения культуры Уайт утверждал, что «основной функцией и целью культуры является обеспечение человеческому виду безопасности и приятного существования» (White, 1987: 74), то позднее он признал ошибочность этого утверждения и доказал, что культура как автономная система развивается по собственным законам и производит не только средства защиты, но и средства разрушения.

Именно поэтому культура не только позволяет человеку обеспечивать собственную безопасность, возводя жилища, используя ресурсы Земли, формируя мир технологий, но выступает как средство уничтожения людей, позволяя производить не только средства защиты человека, но и средства его поражения. Особенно явным это противоречие, как отмечает Л. Уайт, стало в XX в., когда средствами культуры — новейшими технологиями — истощаются ресурсы земли, загрязняется атмосфера планеты, уничтожаются леса и животные их населяющие. То есть, по слову Л. Уайта, культурные системы стремительно движутся к тому, чтобы сделать планету необитаемой (White, 1975: 10–11).

В свете сказанного становится очевидным, что употребление понятия «культура» в Стратегии национальной безопасности 42 раза, а также введение в данный документ целого раздела, посвященного культуре, обусловлено не только стремлением сохранить то, что принято называть «культурным достоянием», но и восприятием культуры в качестве системы, способной обеспечить в обществе согласие и его бесконфликтное развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вебер, М. (2016) Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М. : Ozon. 656 с.

Гейзенберг, В. (1989) Физика и философия. Часть и целое : пер. с нем. М. : Наука. 400 с.

Глазьев, С. Ю. (2010) Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика. 255 с.

Глазьев, С. Ю. (2011) Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М. : Изд. дом «Экономическая газета». 575 с.

Минкульт: Сохранение за Исаакиевским собором музейных функций при передаче РПЦ возможно лишь теоретически // Росбалт (Электронный ресурс). URL: http://www.rosbalt.ru/piter/2018/08/08/1723160.html (дата обращения: 15.05.2018).

Ремизов, В. А., Садовская, В. С. (2017) Культурная антропология. М. : МГИК. 188 с.

Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391 (дата обращения: 15.05.2018).

White, L. (1975) The Concept of Cultural Systems. A Key to Understanding Tribes and Nations. N. Y. : Columbia University Press. 192 p.

White, L. A. (1987) Ethnological essays. Albuquerque (NM). X, 229 p.

Костина Анна Владимировна — директор Института фундаментальных и прикладных исследований, заведующий кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия).

Дивергенция социогуманитарных ориентиров развития конвергентных технологий[3]

С. Ю. Шевченко
Институт философии РАН

Уникальность развития современной технонауки состоит в противоположных тенденциях развития двух ее измерений методологического (унификация и конвергенция) и аксиологического (рост разнообразия, дивергенция, целей). В этой связи человек, его «жизненный мир» подвергаются все более многоаспектному воздействию со стороны конвергентных технологий.

Ключевые слова: конвергентные технологии; «жизненный мир»; приватная сфера; цели и методы

Одной из наиболее важных задач гуманитарной экспертизы служит экспликация целей и ценностей технонаучной инициативы на каждом этапе ее реализации. При этом ходе исследования целей и ценностей, характерных для конкретной стадии развития проекта может быть прослежена многовариантность их формулировок. В рамках одного масштабного технонаучного проекта возможно сосуществование как разных типов научного этоса, так и разных вариантов социогуманитарных регулятивов.

Разные варианты целевых и ценностных установок координируются, но не гомогенизируются в рамках коммуникативных взаимодействий в контуре технонауки, состоящем по Б. Г. Юдину из лаборатории, общества, бизнеса и медиа (Юдин, 2010). Классический вариант научного этоса, предложенный Р. Мертоном, вполне может быть наблюдаем в занятой научными изысканиями лаборатории. Однако весь технонаучный контур проекта может быть аксиологически охарактеризован только в позиции постнеклассической рациональности. При этом всё более размывается различие между фундаментальными и прикладными исследованиями, или – в другой формулировке – происходит поглощение фундаментальной науки прикладной (Никифоров, 2013). При этом, например, прикладные популяционно-генетические исследования и основанное на «больших данных» (big data) моделирование молекулярно-биологических про-

[3] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ/РФФИ в рамках научного проекта № 17-23-01017.

цессов служат основным источником фундаментальных знаний о степени и типах генетической обусловленности функционирования человеческого организма (Godfrey-Smith, 2006).

Однако более важной темой служит многовариантность социогуманитарных регулятивов развития технонаучного проекта. Например, общая установка на персонализацию здравоохранения может быть интерпретирована и как ведущая к медикализации жизни вовлеченных в орбиту практик здравоохранения субъектов, так и как основание для ограничения биомедицинских вмешательств в приватные сферы жизни этих субъектов (основание для «демедикализации»). Такая возможность многовариантности целей и ценностей служит одним из наиболее значимых для гуманитарной экспертизы особенностей концепции технонауки Б. Г. Юдина (Тищенко, 2017).

Тем самым методологическое, инструментальное сближение, конвергенция ряда отраслей технонауки сопровождается расхождением, дивергенцией, их целевых ориентаций. В рамках НБИКС-конвергенции формулировки исследовательских и конструкторских задач, а также подходы к их решению, становятся все более стандартизованнными. Такая стандартизация обеспечивает легкость межлабораторного взаимодействия – без проблем происходит делегирование все более комплексных задач. Но при этом все больше разняться цели НБИКС-проектов, диверсифицируются предполагаемые социальные плоды их реализации. Более того, все сильнее различаются их способы взаимодействия с человеком, варианты вписывания их в обыденные, а часто и «приватные» процессы. Данная ситуация выглядит радикально новой для многих распространённых моделей исторического развития науки, в том числе для реконструкции научных революций Т. Куном. Факты, методы, и ценности оказываются сегодня не тремя уровнями иерархии феноменов развития науки, но тремя различными (хоть и связанными) измерениями развития науки.

Сегодня человек оказывается окружен плотным облаком разнообразных актуальных и ожидаемых технологических воздействий. Однако степень влияния используемых человеком технологий на его жизненный мир также различна. В этой связи целесообразно выделить отличительные черты человекоориентированных технологий как факторов наиболее радикальной трансформации приватной сферы жизни людей, их жизненного мира.

Понятие человекоориентированной технологии лучше всего может быть эксплицировано именно в контексте НБИКС-конвергенции, одним из ключевых звеньев которой может быть признано диверсификация практик геномной медицины в сочетании с ростом применения биоинформатических подходов в биомедицине и смежных областях. Развитие человекоориентированных технологий непосредственно проблематизирует границы индивидуальной субъектности (Лекторский, 2005).

Прежде всего, нужно отметить доминирующий в гуманитарных исследованиях науки взгляд, согласно которому развитие любой сколько-нибудь значимой технологической инициативы приводит к изменению социальных взаимодействий, практик и институтов. Не случайно гибридный, социотехнический характер такого рода изменений акцентуируется в одной из основополагающих работ современных социальных исследований науки и технологии (STS), посвященных развитию атомной энергетики. Сам по себе запуск атомной станции не влияет на материальный уклад жизни подавляющего большинства людей, которые, как правило, не знают, из каких источников вырабатывается электроэнергия, поступающая в их дом или населённый пункт в целом (Jasanoff, Kim, 2009). Однако в рамках социальной коммуникации атомные проекты выступают как один факторов формирования образа будущего, они вписаны в него как источник рисков, новых социальных практик и экономических перемен. То есть для выделения группы человекоориентированных технологий среди всех остальных недостаточно отметить саму по себе готовность общественности к изменениям социальных практик или коллективного взгляда на техногенные риски. Помимо готовности «вписать» конкретные коррективы в образ будущего, человекоориентированные технологии нуждаются в индивидуальной готовности потенциального потребителя изменять модели своей деятельности так, чтобы создать условия работы инновации. В той или иной степени должна измениться экосистема индивидуальной деятельности, создана отдельная ее ниша, в которой могла бы функционировать разрабатываемая технология. Таким образом, человекоориентированная инновация выступает как приватная и часто — отдаляющая потребителя от привычных моделей социальной интеракции. Так, пользователь с загруженным на мобильном устройстве приложением по определению риска злокачественного перерождения родинки (риска меланомы), больше не нуждается в очном визите к

врачу дерматологу. Более того, ему может не быть дела до того, кто или что обрабатывает сделанные им фотографии подозрительной родинки: доктор-эксперт или искусственная нейросеть. В этом заключено его сходство с человеком, включающим свет в собственной квартире и не знающим, выработана ли эта энергия на атомной или тепловой электростанции. Но через это же сравнение можно ещё раз обозначить специфическую черту распространения человекоориентированных технологий: желание изменений в сфере приватного, создание «экологической ниши» для медицинской консультации в смартфоне. Это не простое принятие рисков и преимуществ замены консультирующего доктора на нейросеть, которое присутствует при принятии замены угля на уран в качестве источника электроэнергии.

Способом человекоориентированного воздействия технологии служит проективное изменение круга до-рефлексивных очевидностей, формирующих жизненный мир человека (в нашем случае через биотехнологическое задание индивидуальных рамок нормы и патологии). При этом человекоориентированная технология с одной стороны трансформирует жизненный мир человека, а с другой, нуждается в готовности самого человека к воздействию на сферу его приватной жизни. Формирование такой готовности происходит через производство социальных ожиданий в контуре технонауки.

При этом данные ожидания играют роль скорее в координации действий агентов технонаучного контура, чем собственно в прогнозировании будущего. Одним из феноменов, наиболее важных для реконструкции технонаучной нормативности, является готовность социальных групп, составляющих элементы контура технонауки к тому, что обещания представителей лаборатории и бизнеса, сформулированные на старте определённого проекта, не будут выполнены.

Благодаря рассмотрению факторов, обуславливающих эту особенность социальных ожиданий, сформулированы три особенности формирования нормативности технонаучного проекта. Во-первых, ценности масштабного технонаучного проекта формулируются в максимально общем виде. Во-вторых, в ходе реализации технонаучного проекта происходит формирование обещаний и ожиданий, экспликация и переформулировка его целей. Однако концептуализировать критерии достижения целей просто на основании их формулировок невозможно. В-третьих, значимая доля общества оказывается уже включенной в конкретный технонаучный проект на момент его начала, что

служит препятствием для открытых процедур делиберации в рамках социогуманитарного сопровождения проекта.

Таким образом, для осуществления социогуманитарного сопровождения технонаучного проекта целесообразно контекстуализировать, и, возможно, локализовать, его цели и ценности, и затем попытаться сопоставить получившуюся формулировку с вектором социальных ожиданий. Последний может быть реконструирован через анализ либо режимов поддержки проекта, либо способов приватизации конкретных технологических достижений. В рамках такого сопоставления также может быть описан регулятивный образ социальных практик, минимизирующих социогуманитарные риски, либо гармонизирующих обязательства и ожидания, приписанные в технонаучном контуре. Через артикуляцию и обсуждение технонаучных особенностей проекта становится возможным снизить структурные риски взаимопроникновения лабораторных и клинических практик, а также легче установить каналы равноправной коммуникации ученых, врачей и бизнеса с обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лекторский, В. А. (2005) Предисловие к кн. Наука глазами гуманитария / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : Прогресс-Традиция. 688 с.

Никифоров, А. Л. (2013) Что такое «постнеклассическая наука»? // Эпистемология и философия науки. № 2. С. 59–64.

Тищенко, П. Д. (2017) Философия и биоэтика в творчестве Бориса Григорьевича Юдина // Биоэтика. № 2. С. 12–14.

Юдин, Б. Г. (2010) Об этосе технонауки // Философские науки. № 12. С. 58–66.

Godfrey-Smith, P. (2006) The Strategy of Model-Based Science // Biology and Philosophy. Iss. 21. Pp. 725–740.

Jasanoff, S., Kim, S.-H. (2009) Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea // Minerva. Iss. 2. Pp. 119–146.

Шевченко Сергей Юрьевич — младший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук.

Мобильная повседневность: следы и координаты реальности

Е. Э. Сурова
Военная академия связи имени С. М. Буденного
(Санкт-Петербург)

Автор показывает, что современное общество благодаря новейшим технологиям предельно мобильно, однако эта мобильность связана в большей степени не со скоростью перемещения тел, а со скоростью движения информации, а также с интенсивностью потока образов. Мобильность современного человека весьма интересна и исключительно высока, что создает особый хронотоп присутствия. Порядок скоростей может различаться у индивидов, создавая различные формы со-присутствия, что позволяет различным образом осуществлять взаимодействие. Поэтому, как показывает автор, систематичность, логика, рациональность, требовавшие размеренности размышлений, все более отодвигаются на второй план сознания современного человека. Он становится чувственнее, отдаляется от «сухих доводов рассудка» и устремляется к переживанию, пограничному реальности. Автор ставит вопрос о том, каким образом современный человек может сохранить связь с реальностью размышления, рациональности и рассудка.

Ключевые слова: реальность; современные технологии; средства массовой коммуникации; информационное общество; рациональность; видео-образы; гиперреальность

С точки зрения ряда авторов, которая ярче всего была представлена у У. Эко, современные технологии, увеличив темп жизни, перешли к магическим стратегиям: «Мы так привыкли к быстроте, что досадуем, когда медленно грузится электронное письмо или запаздывает самолет… Однако эта технологичность жизни нисколько не эквивалентна научности. Она тождественна, если угодно, магичности… Магия означает веру, будто можно перескочить в быстром темпе с причины на результат, опустив промежуточный процесс... Магия — это когда не показывают длинную цепь следствий и причин и в особенности когда не пытаются проверить эту цепь методом повторяемых экспериментов. Чудо совершается сразу, в том-то красота магии» (Эко, 2007: 194). По мнению Дж. Урри, которое он разделяет с другими авторами, тем не менее, люди гораздо инертнее,

нежели ряд объектов повседневности: «Хирст и Томсон напоминают нам, что «люди менее мобильны, чем деньги, товары или идеи, и они остаются в некотором смысле “национализированными”, зависимыми от паспортов, виз, прав на жительство и трудовой квалификации» (Урри, 2012: 79).

Опьянение скоростью как определенная практика удовольствия нам знакома, ибо «какой русский не любит быстрой езды?». И сопротивление росту мобильности почти не встречается. Если мы можем наращивать темп деятельности, перемещения или чего-то еще, то чаще всего сделаем это с удовольствием. Но и здесь мы, в конце концов, подходим к условному пределу. Это и рубеж физических возможностей, и утомление от движения, за которым стираются следы смыслов и образов, остающихся за пределами восприятия «человека-болида», в которого превращается наш современник. Движение может происходить как «в потоке» среди многих других, так и персонально. Но при возрастании скорости рано или поздно утрачивается связь с «контекстом», реальностью социокультурного пространства. Движение осуществляется уже ради движения (возможно, исходя из страха остановиться и потерять «равновесие»), где исчезает восприятие и рефлексия, где границы представляются гибкими и прозрачными, что превращает самополагание в идентификационную процессуальность или ситуативно оставляемый пунктирный след. Этот след — путь к себе — для индивида превращается в хлебные крошки мальчика-с-пальчика, предельно повышая риск утраты «дороги домой».

Все чаще в связи с этим возникает вопрос уже не о продолжении движения, а о возможности торможения с попыткой обозначить координаты повседневности. Мы теряем чувство времени, что заставляет по-новому поставить вопрос о его свойствах, по крайней мере, в пределах социальных измерений. Дж. Урри писал: «Эйнштейн показал, что не существует фиксированного или абсолютного времени, независимого от системы, к которой оно относится. Время локально, это внутренняя характеристика любой системы наблюдения и измерения. Время и пространство неотделимы друг от друга, они сливаются в одном четырехмерном пространстве-времени, искажаемом под воздействием массы. Таким образом, время и пространство являются «внутренними» по отношению к процессам, по-

средством которых существуют физический и социальный миры, способствуя поддержанию их силы» (там же: 107).

Эти же идеи стимулировали и обращение Э. Гуссерля к вопросу о «внутреннем сознании времени». Мы переживаем реальность протяженности бытия в различных перспективах, зачастую не различая пространственность и временность, пребывая на эмоциональной глубине виртуальной мыслительной деятельности, проживая представляемые нами коммуникативные ситуации, определяющие и внутренние рубежи социальности для себя. Недосказанности сетевой коммуникации инициируют пространственно-временной объем переживания, выводя ситуацию коммуникации за пределы стратегии текста в порядки пост-текстуальных тактик, которые, в свою очередь, интериоризуют повседневность, что вызывает дополнительные ощущения роста динамики, прежде всего, коммуникативно-эмоциональных реакций. Данные реакции парадоксальным образом и выступают факторами торможения, фиксирующими для нас смыслы и значения.

Одновременно с удовольствием скорости мы ценим и благо устойчивости. Причем, стабильность и мобильность могут для нас как противопоставляться, так и сопутствовать друг другу. В обоих случаях речь идет о специфике идентификационных процессов современности, для которых сочетаются глобальные и локальные порядки соотнесений образов Я, Другого, Чуждого, Иного и Прочих. Как отмечал в своих работах М. Кастельс, появляется «массовая самокоммуникация», в которой коммуникативные порядки гибридизируются, выстраивая новые возможности межличностных и групповых взаимодействий, репрезентаций, а, следовательно, идентификационных программ. Указанный автор пишет: «Я называю эту исторически новую форму коммуникации массовой самокоммуникацией. Это массовая коммуникация, потому что она может потенциально достичь глобальной аудитории… В то же время это самокоммуникация, потому что производство сообщения осуществляется самостоятельно, как и другие действия: определение потенциального(ых) получателя(ей)и возврат специфических сообщений или поиск контента из Всемирной паутины и электронных коммуникационных сетей» (Кастельс, 2016: 74). И далее: «В определенном смысле значительная часть этой формы массовой самокоммуникации ближе к “электронному аутизму”, чем к настоящей коммуникации. Поэтому

любой пост в Интеренете независимо от намерений автора становится бутылкой, дрейфующей в океане глобальной коммуникации, сообщением, подверженным передаче и редактированию самым неожиданным образом» (там же: 85).

В силу отмечаемой специфики коммуникации, формирующейся на основании новых технологий, возникают подвижки в способах идентификации. С одной стороны, личностная и коллективная практики самополагания имеют отдельные стратегии. В то же время при росте мобильности также стремятся к слиянию. Хотя теоретики, такие, например, как И. Нойман, и отмечают, что: «Коллективная идентичность — вид производительной силы. Она предоставляет возможность деятельности и структурирует социальное поле, предлагая осуществить те, а не иные действия» (Нойман, 2004: 15). Тем не менее, это не мешает персональным стратегиям выполнять комплексные задачи, порождая массово-личностные пути самополагания. Результатом становятся описываемые Г. Рейнгольдом и последующими авторами варианты кластерной организации общества, для которого «узловые координаторы» становятся определяющими. В связи с этим исчезает тотальная связь исторических коллективов, для которых утрачивается «коллективная координация»: «С потерей коллективной координации все более насущной задачей становится организация «соприсутствия» ключевых «других» (сотрудников, семьи, друзей, референтной группы) в рамках каждого дня, недели, года и т. п. Как мы еще увидим, чем больше персонализация сети, тем более важны системы, которые облегчают эту персонализацию» (Урри, 2012: 86).

Персонализация в современном городе — естественный процесс. Определение самости фиксируется в коммуникативных узлах, в кластерных взаимодействиях. Формируется идентичность человека в сети связей, ориентированных в родственных, дружественных, соседских, трудовых, учебных и досуговых сетях. По мнению Дж. Урри, появляются и новые типы личностей, соответствующие режимам жизни, например, «столичный» тип, порождаемый интенсивными изменениями, непрерывно осуществляемыми в городской среде. К этому вопросу обращался в своей работе «Столица и город» Зиммель. Житель крупного города обречен на внезапные потоки впечатлений, что притупляет его способности к эмоциональным реакциям. Дж. Урри пишет: «урбанистическая личность поневоле —

сдержанна, отстранена и бесстрастна. Атакующие стимулы создают новую психическую и сенсорную конфигурацию, бесстрастное отношение, неспособность реагировать на новые ощущения с соответствующей энергией» (там же: 97).

И Урри, и Зиммель отмечают неизбежность пунктуальности для современного горожанина. Это выражается в обязательном присутствии для повседневности индивида часов или аналогичных устройств. В то же время, такие авторы как Г. Рейнгольд этому возражают, полагая, что с мобильным телефоном в руках нельзя опоздать, поскольку есть возможность либо вовремя передать информацию, либо отложить/перенести встречу во времени/пространстве. Индивид попадает в гибкий режим взаимодействий с реальностью, а пунктуальность остается «винтажной стилистикой», «раритетным знаком», отсылающим к ценностям предшествующей эпохи. Также можно возразить и положению о снижении эмоциональности.

Современность порождает новую системность жизни, определяемую мобильными технологиями, но сохраняет стратегии удовольствия, ей противостоящие. В частности, если интенсивная коммуникация в новом электронном пространстве ориентирована на потребности в организации и поддержании жизни/деятельности наших современников, то, с другой стороны, есть и простое наслаждение общением. Последнее особенно остро переживается в моменты кризисов: при переутомлении, в ситуациях разворачивающихся личных или коллективных трагедий и т. д.

Дж. Урри отмечает, что в противовес «метафизике присутствия» разворачивается «воображаемое присутствие», для которого формируется некое «бытие на расстоянии»: «Даже в отсутствие человека возможно его воображаемое присутствие, зависящее от множественных соединений между людьми и местами. Вся социальная жизнь, работа, семья, образование и политика предполагают отношения периодического присутствия и разные режимы отсутствия, частично зависящие от многочисленных технологий путешествия и коммуникаций, которые переносят объекты, людей, идеи и образы на расстояние. Таким образом, присутствие становится прерывистым и достигается всегда в зависимости от других процессов соединения и коммуникации» (там же: 135). Далее он отмечает, что «индивиды все сильнее существуют вне своих личных тел и оставляют все больше следов в информационном пространстве. Личность

размазывается или делается мобильной как цепочка следов» (там же: 145).

Но мнению данного автора можно и возразить. Возрастающей динамике, как мы уже отмечали, сопутствует и торможение, а мобильной жизни — новые стратегии жизни медленной, «slow life». Петербургский исследователь Ж. В. Николаева отмечает: «Адепты субкультуры, основанной на ценностности замедления ритма жизни, ориентируются на созерцательное и вдумчивое времяпрепровождение, считают непродуктивным взятие на себя лишних обязательств и многозадачность, но отрицают какой-либо аскетизм… Новая идеология связана и с “обществом переживания” Г. Шульце и с “обществом множественности” П. Вирно. Возникновение жизненной практики slow living стало возможно в мире стабильном, устоявшемся, где пик интенсификации развития был пройден, а ориентация рациональности сместилась с внешней на внутреннюю — на эмоциональную “проживаемость жизни”, что позволяет говорить о “новом гедонизме” и тенденции к обновлению потребительских установок. Практические наработки “медленный город”, “медленная еда”, “медленное телевидение”, “медленное образование” и т. п. значительно опережают культурфилософское осмысление феномена» (Николаева, 2016: 24). В стратегиях медленной жизни разворачиваются представления о «соответствие времени» как представлении неизбежности высокого ритма современной жизни в противоположность удовольствию быть и чувствовать. Поэтому возникает противоречивая стратегия отказа от динамики в противоположность «медлительности чувств», смакованию приятного, в чем бы оно ни выражалось.

В современном социокультурном пространстве глобальному противостоит локальное, серийному — уникальное, высокосокростному — замедленное, изменчивому — фундаментальное. Часто мы наблюдаем, что происходит отнюдь не оскудение, но обострение чувств. Сфера переживаний преумножается за счет многоплановости идентификационных практик, для которых удваивается ряд позиций. Предлагая уже не только «лицо», но и интерфейс, образ и аватар, имя и ник. Мобильной деятельности современного порядка противопоставляются деяния досуга: рукоделие, рыбалка, чтение и др. Стратегии потребления дополняются стратегиями пользование. «Долгий автономный путь» путешествия выступает альтернативой

глобальному туризму. Более того, повседневность порождает дискурс внутреннего пути, как приключения на любой день. Что тот же Дж. Урри описывает так: «Маршрутные тропы, кроме того, показывают накопившиеся следы бесчисленных путешествий, проделанных людьми, шедшими по своим будничным делам» (Урри, 2012: 112).

Наш современник бродит больше по электронным тропам, соединяя неподвижность «в реале» и перемещение в пространстве представлений. Для оптимизации движения коммуникативных действий разрабатываются все новые приложения и социальные сети, например, Periscope, служащий для стримминга видео (система видеотрансляций), когда трансляция уже не зависит от ресурсов памяти ПК. И здесь рождается представление о новой эпохе (хотя, и не претендующей на тотальность) «эры Пост-ПК». Данный взгляд на современность связан с именем Стива Джобса, который уделял огромное внимание коммуникативным новациям, но не только технологиям, но и чувственности технологических форм. Как писали в своем замечательном произведении «Бизнес в стиле фанк» К. А. Нордстрем и Й. Риддерстрале: «Стива Джобса из Apple недавно спросили, что делает новую операционную систему MacOS X такой великой. Он ответил: “Мы сделали кнопочки на экране такими хорошенькими, что вам захочется лизнуть их”. Ни единого слова о мегагерцах и гегабайтах. Наши чувства работают сверхурочно» (Нордстрем, Риддерстрале, 2003). Характерными чертами «эры Пост-ПК» становятся отсутствие скачивания информации, развитие мобильных девайсов, облачных сервисов, и т.д. Любовь к приставкам «пост-» давно уже отмечалась как одна из специфических черт современности. Этому пытается возразить Дж. Урри: «Однако утверждение о том, что сейчас происходит переход от человеческого к «постчеловеческому» предполагает, что была какая-то предыдущая эпоха, когда мир был «человеческим» и предъявлял себя через некое бесплотное и дематериализованное знание. Это — взгляд эпохи Просвещения, которая ценила голову больше ног, разум больше тела, а людей считала отделенными от общества и культуры, но производящими их» (Урри, 2012: 131).

Рост мобильности человека и групп, значимость новых технологий действительно часто вызывают настороженность и ощущение угрозы человечности. Тут можно вспомнить страх перед техническим прогрессом, столь характерный для многих мыслителей XX в.

Надо сказать, что постепенно при замене дискурса технического на технологический уровень недоверия к достижениям технического порядка несколько снизился. Но отнюдь не исчез. Его проявления присутствуют в политике, педагогике и многих других дискурсах, поскольку новые технологические режимы в первую очередь разрушают устоявшиеся дисциплинарные практики. Это само по себе интересно. Но в данном случае можно вспомнить то, о чем писал в начале XXI столетия в своем произведении, посвященном современным «умным толпам» Г. Рейнгольд (Рейнгольд, 2006). Новые формы социальных организаций могут быть опасными. Тем не менее, в еще большей степени они продуктивны для реализации возможностей современного общества, формирования новых стратегий коммуникативности, креативности, власти и т. д. У. Бек отмечал, что общество сегодня является «обществом риска» (Бек, 2000), постоянно переживая череду воображаемых угроз. Это не означает, что нет реальных угроз, но сама стратегия «демократичности» их преумножает в переживаниях наших современников. Все новое в первую очередь мыслится как опасное, что вполне понятно. Страх перед доступностью информации, сетевой коммуникацией, паранойя тотальной слежки, «сетевой эксгибиционизм» и т. д. — это фобии современности. Но, не смотря на то, что технологические новации могут провоцировать определенные негативные явления, они же провоцируют и вполне человеческие и позитивные сценарии, в первую очередь, позволяя осуществлять важные консолидирующие действия.

Так, в качестве примера, можно обратиться к болезненной на данный момент ситуации — террористическом акте в Петербургском метрополитене. Сама по себе ситуация исключительно тяжела для петербуржцев, да, пожалуй, и не только для них. Но она спровоцировала ряд явлений, позволивших говорить о новых актах человечности, развернувшихся в пространстве современного города. Можно просто привести в качестве примера некоторые из них.

В ответ на эмоциональную реакцию и часто встречавшиеся сбои телефонной коммуникации появился сервис «Проверка безопасности» Facebook, когда для спокойствия близких и знакомых требовалось лишь обозначить в ней свою позицию: «Я в безопасности». За этим действием развернулось «пространство живых», что вполне успокаивающе воздействовало на окружающих. Особое значение, в том числе и символическое, в сети обрел хештег #домой.

Его изначально внедрила соцсеть «Вконтакте», когда в связи с трагедией в петербургском метро тысячи людей искали способ добраться домой. Автомобилисты объявляли о готовности взять попутчиков, те, кто нуждался в помощи по перемещению, оставлял свои заявки — возник колоссальный по позитивности эмоционального переживания акт гражданской солидарности, позволивший решить существенную проблему по перемещению в городском пространстве в критической ситуации нарушения транспортной коммуникации. Кроме того, проводились и дополнительные акции. Так, для желающих помочь по решению транспортной проблемы — бензин на АЗС предоставлялся со скидкой или бесплатно, для тех, кто застрял и не может выехать — в отдельных кафе кофе и чай отпускались бесплатно, общественный транспорт работал бесплатно, в том числе маршрутки и такси (хотя точно не знаю, может не все, но «Таксовичкоф» точно), а также пригородные электрички. Позитивным коммуникативным выражением в отношении гражданской солидарности стал и хештег #ПитерДержись, позволивший всем желающим поддержать наш город в сложной ситуации современной трагедии.

Это, безусловно, пример исключительного порядка. Чаще мы встречаемся с сочувствием широкого круга знакомых в социальных сетях по гораздо менее значительным поводам. Одним из таких поводов, например, может стать «взлом» странички в той же социальной сети. Он всегда переживается «хозяином» достаточно остро, но сопровождается и широкой поддержкой круга «друзей», в том числе, выходящей за пределы функционирования соцсетей, например, провоцируя обилие телефонных звонков, т. е. создавая «коммуникативный всплеск».

Все выше сказанное позволяет нам говорить о сложных процессах в современном социокультурном пространстве, для которого характерны как динамические процессы, так и компенсирующие их процессы «торможения». В рамках происходящих изменений важно уйти от желания маркировать новые явления, предполагая за ними в первую очередь угрозу существующим порядкам повседневности. А по отношению к наблюдаемым новациям стоит сфокусировать исследовательский взгляд на «следах реальности», не разыскивая последовательности и рациональные основания, а воспринимая их как наличествующую данность актуального бытия культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бек, У. (2000) Общество риска: На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция. 384 с.

Кастельс, М. (2016) Власть коммуникации X : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд.дом Высшей школы экономики. 564 с.

Николаева, Ж. В. (2016) Slow life. Новая философия неспешности // Обсерватория культуры. Т. 1. № 1. С. 24–30.

Нойман, И. (2004) Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое издательство. 336 с.

Нордстрем, К. А., Риддерстрале, Й. (2003) Бизнес в стиле фанк. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 280 с.

Рейнгольд, Г. (2006) Умная толпа: Новая социальная революция. М. : ФАИР-ПРЕСС. 416 с.

Урри, Дж. (2012) Мобильности : пер. с англ. / вступ. ст. Н. А. Харламова. М. : Праксис. 576 с.

Эко, У. (2007) Полный назад! М. : Эксмо. 584 с.

Сурова Екатерина Эдуардовна — профессор Военной академии связи имени С. М. Буденного, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург).

Академики Н. Н. Моисеев и Л. В. Лесков о перспективах устойчивого развития планеты

И. А. Бирич
Московский городской педагогический университет
Ю. Ю. Новиков
Институт ноосферных разработок и исследований Международного экологического фонда,
Институт Русского предпринимательства

В статье о двух известных ученых-естественниках российской науки раскрываются их разные подходы к перспективам устойчивого развития планеты, схожесть и различия которых основаны на понимании значения учения В. И. Вернадского о ноосфере.

Ключевые слова: коэволюция человека и природы; ноосферогенез; футуросинергетика; экоантропоцентрическая стратегия; эколого-нравственный императив

Выдающийся российский математик и физик Никита Николаевич Моисеев (1917–2000), разработавший ряд оригинальных математических моделей в области экологии, был последователем величайшего ученого XX в. В. И. Вернадского и внес существенный вклад в разработку теории ноосферы. В учении о ноосфере Вернадский предложил идеал биосоциального и геокосмического будущего человечества, с системогенетической необходимостью вытекающий из логики развития человеческого разума, эволюции его научного и философского творчества, из логики развития научно-организационной и общественной деятельности, из логики всей социальной эволюции человечества.

Сутью ноосферного учения В. И. Вернадского, по мнению Н. Н. Моисеева, является понимание роли и места человека в единой системе развития материи, осознание необходимости синтеза неорганической природы, жизни и человека (Моисеев, 1987). С точки зрения Моисеева, учение Вернадского о развитии биосферы и о возможности перехода ее в состояние ноосферы, когда ее основные процессы будут определяться Разумом, является одним из важнейших вкладов науки XX в. в современную «картину мира».

После многолетних исследований в Вычислительном центре АН СССР с использованием математических расчетов антропоген-

ного воздействия на биосферу и на основе философских обобщений взаимодействия природы, человека и общества Моисеев обратился к разработке проблем экологии. Он обсуждал их с выдающимся ученым-биологом Н. В. Тимофеевым-Ресовским еще в конце 1970-х годов, в ходе этих бесед и было рождено понятие «коэволюция» (Тимофеев-Ресовский, 1968).

Отмечая работы Римского клуба о пределах роста и критически относясь к принятой в этих работах концепции о «золотом миллиарде», Моисеев вместе с сотрудниками сформулировал концептуальную модель биосферы. В основе этой модели лежал баланс энергии, составляющие которого следующие: солнечная энергия плюс дополнительная энергия антропогенного воздействия, расходуемая на отраженную энергию, поддерживающую климатическую систему, и энергию Солнца, вступающую в контакт с фотосинтезирующими элементами биосферы. В начале 1980-х годов Н. Н. Моисеевым и его сотрудниками были разработаны модели динамики биосферы и ее стабильности при антропогенных воздействиях (в 1983 г. были получены количественные оценки возможных последствий ядерной войны, известные как «ядерная зима»» и «ядерная ночь»).

Следуя традиции Вернадского, в дальнейшем Моисеев перешел от исследования биосферы к развитию концепции ноосферы. Н. Н. Моисеев определил ноосферу как такое состояние биосферы, когда разум имеет возможность направлять развитие биосферы в интересах человека и его будущего. Анализируя понятие ноосферы, Моисеев утверждал, что это не просто новая сфера, сфера разума, а качественно новая эпоха в развитии заселенной людьми планеты, в которой осуществляется коэволюция человека и биосферы.

Коэволюция человека и биосферы — это «такое развитие человечества, которое не нарушает стабильности биосферы, ее гомеостаза, сохраняет необходимый для человечества эволюционный канал» (Моисеев, 1998: 25). Как математик Моисеев установил, что «общество способно обеспечить режим коэволюции с биосферой в том случае, если деятельность людей не допустит новой бифуркации, перехода биосферы в новый канал своей эволюции, или, пользуясь языком теории динамических систем, в новый аттрактор» (Моисеев, 1994: 10).

Именно Н. Н. Моисеев придал новый смысл термину «ноосфера», связанный с пониманием ноосферы как проекта, идеала, такой

организации деятельности человека на планете, которая была бы в полном смысле слова разумной. Моисеев выдвинул концепцию коэволюции биосферы и человечества — совместного согласованного развития природы и общества (Моисеев, 1990). Коэволюция рассматривалась им как стратегия человеческого разума, обеспечивающая будущее человечества. Эта коэволюция должна опираться на гармоничное сосуществование различных культур и народов, их «цветущее многообразие», о чем еще писал известный русский философ и литератор 2-й половины Х1Х в. К. Н. Леонтьев, — все это не менее важно для устойчивости ноосферы, чем разнообразие видов для биосферы. В этом смысле ноосфера находится в стадии становления, преодолевая в процессе своего формирования большие трудности.

С точки зрения Н. Н. Моисеева, человек должен осознать, что его разум — часть коллективного разума. Причем коллективный разум — это не совокупность индивидуальных интеллектов, это качественно новое образование, достижение которого Моисеев видел в процессе коэволюции с биосферой, в практике освоения им области культурного проявления. Моисеев считал, что лишь в XXI в. придет эпоха ноосферы, подчеркивая, что только на данном этапе истории человечества его коллективные воля и разум становятся способными обеспечить коэволюцию с природой, т. е. совместное интегральное развитие общества и окружающей его среды.

Таким образом, Н. Н Моисеевым была предложена коэволюционная парадигма ноосферогенеза**.** В ней ноосфера рассматривалась как проект будущего состояния планетарной реальности и требовала включения в геодинамику социального вектора. Эпоха ноосферы, согласно позиции Н. Н. Моисеева, прежде всего будет характеризоваться тем, что человечество научится управлять процессами самоорганизации биосферы. «Во всяком случае, стихийный процесс самоорганизации должен войти в некое русло с весьма жесткими берегами, которые определяются возможностью предвидеть те опасности, которые ожидают человечество, и теми возможностями, которыми располагает человечество для управления собственным поведением в своей экологической нише», — писал ученый (Моисеев, 1987: 107).

Важнейшим компонентом концепции ноосферы Моисеева являются новые принципы нравственности, которая должна быть универсальной для всей планеты. Он утверждал, в частности, что в ус-

ловиях уже наступившего экологического кризиса становится ясной неспособность современного планетарного сообщества с ним справиться. Глубину непонимания обществом современной ситуации, как считал Н. Н. Моисеев, показала конференция ООН в Рио-де-Жанейро 1992 г. по устойчивому развитию, на которой, по его мнению, не было сказано самого главного, не были сформулированы императивы наступающего столетия, обращенные к необходимости начать серьезно разрабатывать новую структуру общественных отношений в едином планетарном сообществе и менять структуру общественных ценностей.

Сам он сформулировал и ввел в научный оборот понятие «*экологический императив*», который обозначает ту границу допустимой активности человека, права переступать через которую недопустимо ни при каких обстоятельствах (Моисеев, 1988).

Моисеев полагал также, что учение о ноосфере выходит далеко за пределы естествознания, оно представляется основой для синтеза естественных и общественных наук, и пришло время сосредоточить внимание на трудностях и проблемах этого синтеза. По мнению Н. Н. Моисеева, идеология, способная преодолеть традиционный разрыв двух культур — естественнонаучной и гуманитарной — заключена в представлении о едином мировом процессе самоорганизации. Именно этот процесс может быть назван универсальным, или глобальным, эволюционизмом. Он охватывает все существующие и мыслимые проявления материи и духа.

Ученый считал, что стратегия перехода к ноосфере будет касаться всех сфер жизни людей — технического развития, культуры, образования, формирования новой нравственности и экологической этики. Моисеев утверждал, что человечество стоит на пороге нового витка антропогенеза, т. е. качественного изменения самого характера процесса развития общества. Характеризуя пути формирования ноосферы, Н. Н. Моисеев писал: «Концепция подобных структур пока отсутствует. Она требует тщательной разработки. Но одно совершенно ясно: очаги ноосферы — это не резерваты и тем более не биосферные заповедники…Это, прежде всего, очаги рационально организованного общества» (Моисеев, 1987: 5).

Именно за разработку подобных структур, гипотетической организации объединенного человечества взялся другой наш выдающийся ученый, доктор физико-математических наук, академик Рос-

сийской академии естественных наук и Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского, профессор МГУ Леонид Васильевич Лесков (1931–2006), который оказался в начале XXI в. среди немногих единомышленников Н. Н. Моисеева в этой сфере.

Л. В. Лесков был приверженцем синергетической методологии, которую считал фундаментальной научной дисциплиной, изучающей взаимодействие различных аспектов природного и человеческого бытия. В этот круг проблем он включал естественнонаучные, социально-экономические, политологические, культурологические дисциплины и рассматривал их с точки зрения синергетического мировосприятия и нелинейной методологии в поисках принципов устойчивого развития планеты. Лейтмотивом применения синергетики было для Л. В. Лескова включение истории человечества в Большую историю, т. е. историю Вселенной.

Лесков очень активно развивал такое новое научное направление, как футуросинергетика, в котором будущее человека и человечества тесно связано с космосом многообразными нитями: с одной стороны, решение экологических проблем, включая исчерпание земных ресурсов, может перевести в практическую плоскость давно обсуждаемый вопрос о космическом расселении человечества; с другой — человечество на Земле подвергается непрерывной опасности возникновения космических катастроф, не только оказывающей влияние на антропо- и социосферу, но, в принципе, способной даже их уничтожить.

Л. В. Лесков так же, как и Н. Н. Моисеев, обратился к учению В. И. Вернадского о ноосфере: «Подчеркивая приоритетную роль науки, Вернадский писал, что с расширением и углублением научного знания силы человечества в окружающей природе растут с неудержимой мощью. Однако он видел в этом процессе не одну только позитивную сторону. Рост научно-технологического потенциала ведет одновременно к тому, что техногенное давление на природную среду меняет облик планеты, причем делает это со все возрастающей скоростью. Вернадский был одним из первых, кто заметил всю опасность этой тенденции» (Лесков, 2003: 211–212).

Сегодня, когда все допустимые границы хищнического отношения к природе давно нарушены, она начала противодействовать не только ряду человеческих целей, но и самому нашему существованию, угрожая уничтожить человека как «паразита биосферы» (вы-

ражение Л. В. Лескова). Возникла необходимость разработки новой стратегии отношений человека с природой. Л. В. Лесков присоединяется к требованию своего единомышленника в этом вопросе Н. Н. Моисеева выработки человечеством нравственного императива как принципа «коэволюции человека и природы», основанной на развитии учения Вернадского о ноосфере.

По Лескову, человек и его деятельность включаются в контекст универсального эволюционизма, что предполагал и Моисеев, который как раз и основывается на единстве природной и социальной историй. Эта концепция позволяет наиболее эффективно изучить перспективы выхода из глобального кризиса, в котором сейчас оказалась наша цивилизация, но при условии обязательного мировоззренческого сдвига. Однако мы наблюдаем противоположные признаки мировоззренческого кризиса, что свидетельствует о системном кризисе всего современного мира. В рамках футуросинергетики им были разработаны схемы нелинейной прогностики, применимые к различным сферам социального развития, культуры, науки (там же: 219–225), так называемого ноосферогенеза.

Если ноосферогенез предполагает, что социальное развитие должно будет опираться на научные основания, то источником современных глобальных проблем являются не научные, а социальные факторы: игнорирование научных и этических норм теми социальными группами, что реально стремятся к получению сверхприбылей. Но осознание опасности экологической катастрофы должно пробудить человечество (если, конечно, еще не поздно), основываясь на идеалах научного рационализма, найти такой способ регуляции природы, который сможет обеспечить коэволюцию наших с ней отношений.

Своеобразие подхода Л. В. Лескова к прогнозированию ноосферного будущего человечества состояло в том, что он применил к этому кругу проблем синергетическую парадигму и использовал в построении сценариев будущего человечества методы неклассической прогностики. Л. В. Лесков обосновал ряд принципов ноосферного сценария:

— принцип креативности, который должен осуществляться в условиях свободы, понимаемой не как предзаданная необходимость, а как возможность выбора эволюционной альтернативы (с точки зрения синергетики будущее не предопределено) (там же: 247);

— принцип коэволюции, по Моисееву;

— принцип гармонизации;

— принцип компликативности, когда социокультурная и информационно-управленческая инфраструктуры ноосферы должны быть самосогласованы с ее техносферой, и др.

Эти принципы намечают стратегию согласованной коэволюции природы и общества, которая была названа им экоантропоцентрической. Ученый настойчиво подчеркивал аксиологическую значимость концепции устойчивого развития. Названные принципы, по сути, являются критерием оценки и того, что необходимо делать, и того, чего нельзя делать, становятся «футуросинергетическим» предупреждением человечеству. Пренебрежение ими, характерное для современного потребительского общества, ни к чему иному, кроме экологической катастрофы, не приведет. Ноосферная парадигма наоборот, считал Л. В. Лесков, может обеспечить устойчивое развитие нашей цивилизации.

Еще один наш известный ученый, астроном и доктор философских наук, друг Л. В. Лескова, его коллега по Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского В. В. Казютинский отмечал близость подхода Л. В. Лескова к тому подходу к пониманию устойчивого развития, который разрабатывался академиком Н. Н. Моисеевым. А заметное различие между подходами обоих авторов видел в том, что «Л. В. Лесков широко использует в своих прогнозах наследие русских философов Серебряного века, тогда как Н. Н. Моисеев от этого воздерживался» (Казютинский, 2014: 183). Казютинский также отмечал развитие Лесковым идей ноосферогенеза, связанное с его космическим продолжением, оптимизм ученого относительно отдаленных перспектив Разума: «Он моделировал возможные сценарии развития космических цивилизаций (включая земную), предполагая, что эти процессы подчиняются единым универсальным закономерностям» (Казютинский, 2014: 184).

Н. Моисеев и Л. Лесков указывали на определяющую роль образования в воспитании личности, способной строить общество, ориентированное на коэволюцию человека и природы. Они поддерживали появление в России конца XX столетия концепции ноосферы и связанной с ней методологии ноосферного образования, разрабатываемой в Российской академии естественных наук, и создания но-

вого поколения «ноосферных» учебников (см., например: Флерова, 2010).

Таким образом, нынешнему и будущим поколениям исследователей современных процессов мироустройства Н. Н. Моисеевым и Л. В. Лесковым оставлена глубокая разработка идеи В. И. Вернадского о ноосфере, которая, наконец, обязательно будет востребована и содействовать успеху отечественных научных изысканий, направленных на устойчивое развитие мира и планеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Казютинский, В. В. (2014) Футуросинергетика Л. В. Лескова: предупреждение человечеству // Философия русского космизма и будущее мировоззрение : сб. статей по материалам межвуз. конференции / отв. ред. И. А. Бирич. М. : МГПУ. С. 176–185.

Лесков, Л. В. (2003) Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М. : ЗАО «Экономика». 446 с.

Моисеев, Н. Н. (1987) Алгоритмы развития. М. : Наука. 304 с.

Моисеев, Н. Н. (1988) Методология системных исследований и ноосферных процессов // Вестник АН СССР. № 11. С. 68–72.

Моисеев, Н. Н. (1990) Экология человечества глазами математика (Человек, природа и будущее цивилизации). М. 251 с.

Моисеев, Н. Н. (1994) Вернадский и современность // Вопросы философии. № 4. С. 3–30.

Моисеев, Н. Н. (1998) Еще раз о проблеме коэволюции // Экология и жизнь. № 2. С. 24–27.

Тимофеев-Ресовский, Н. В. (1968) Биосфера и человечество // Бюллетень ЮНЕСКО. № 1. С. 3–10.

Флерова, Г. И. (2010) Моя биосфера: Научно-художественное изложение биосферных знаний. М. : Т-во науч. изданий КМК. 247 с.

Бирич Инна Алексеевна — профессор кафедры философии и социальных наук ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», доктор философских наук, профессор;

Новиков Юрий Юрьевич — заместитель директора Института ноосферных разработок и исследований Международного экологического фонда, декан факультета менеджмента в сфере здоровья и медицины Института Русского предпринимательства, доктор философии (World Distributed University, Brussels).

Культура как фактор глобальной безопасности: авторская интерпретация нормативной теории культуры

А. Я. Флиер
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева

В статье показана специфика нормативной теории культуры. Подчеркивается, что культура обеспечивает коллективный образ жизни и формы деятельности, сознания и коммуникации людей, а происхождение ее имеет естественный биологический характер. Элементы бинарных оппозиций высоко функциональны и сосуществуют почти в каждой локальной культуре. Культура обеспечивает сосуществование этих разных трендов в практике жизнедеятельности каждого сообщества, осуществляет их неконфликтный баланс, что составляет одну из важнейших социальных функций культуры в истории.

Ключевые слова: культура; безопасность; нормативная теория культуры

Нормативная теория культуры акцентирует внимание на том, что в культуре поддерживается баланс целого ряда бинарных оппозиций: вселенского добра и вселенского зла; обыденной и специализированной деятельности; коллективной и индивидуальной деятельности; социально-поведенческой и символической культуры; публичной и приватной культуры; культуры производства и культуры потребления; культурной устойчивости и культурной изменчивости; традиции и новации и др. Это нуждается в некотором теоретическом осмыслении.

Для системного выстраивания теории культуры необходимо четко представлять себе: откуда культура взялась, и зачем она нужна. Нужно учитывать и чрезвычайную распространенность культуры; ведь практически все неслучайные акты поведения и сознания людей, а также их информационного обмена так или иначе регулируются культурой. Фактически культурой пронизана вся жизнь человека, хотя он сам в этом часто не отдает себе отчета. Это означает, что функциональная важность и значимость культуры в жизни людей столь же чрезвычайна и абсолютно доминантна. Почему? С чем связана такая исключительная важность культуры в жизни людей?

Мне представляется, что эта исключительная значимость культуры обусловлена тем, что именно культура обеспечивает *коллективный образ жизни и формы деятельности, сознания и коммуникации людей*, а происхождение ее имеет *естественный биологический характер*. Именно с этим связана ее повсеместная распространенность, включенность во все области деятельности, все формы жизни и т. п. На этом строятся и мои теоретические положения о сущности культуры.

Большинство видов животных ведет групповое существование (Тинберген, 1993). Так повышается биологическая устойчивость популяций, облегчается размножение, оборона, добывание пищи и пр. Все обезьяны (в том числе человекообразные) ведут групповой образ жизни с довольно сложной социальной организацией стаи и нормами социального поведения отдельной особи. Человек, биологически эволюционировавший из древних приматов, унаследовал эту склонность к групповому существованию, и его культура явилась эволюционным развитием социального устроения и поведения древних приматов и многих иных биологических видов. Эта коллективность на раннем этапе истории сыграла большую роль и в организации человеческой жизнедеятельности.

Вместе с тем, в человеческой деятельности можно выделить ряд *отраслей*, различающихся по основным технологиям и производимым продуктам. Это экономика, строительство, наука, религия, искусство и др. Продукты экономики невозможно спутать с продуктами религии или искусства. Но помимо автономных отраслей в деятельности имеются еще и универсальные инструменты (экзистенциальные *модальности*), используемые одновременно во всех отраслях. Это, во-первых, язык, обеспечивающий коммуницирование между людьми в процессах любой деятельности, и, во-вторых, культура, являющаяся определенной программой человеческого сознания и поведения, обеспечивающей коллективный характер их деятельности и образа жизни. Конечно, в разных отраслях деятельности роль коллективного начала различна. Например, она очень высока в экономике и строительстве, гораздо ниже в науке и религии. А в искусстве она дифференцирована: в литературе, музыкальной композиции и изобразительном искусстве преобладает индивидуальное творчество; в театре, кинематографе, музыкальном театре и исполнительстве — коллективное и т. п. Но главное в том, что

культура является не отдельной отраслью деятельности (как искусство), производящей свой специфический продукт, а универсальной модальностью, пронизывающей все отрасли деятельности. Культура присутствует во всех видах отраслевой деятельности как система *культурных норм* той или иной социальной практики, определяющих *культурную адекватность* производимого продукта.

Повсеместная распространенность культуры подразумевает наличие какой-то доминантной социальной функции, детерминирующей все остальные культурные проявления. Такой главной функцией я полагаю обеспечение *социальной интеграции* человеческого общества, поддержание коллективного образа жизни людей и их деятельности. Культура обеспечивает основные системообразующие аспекты коллективного существования людей и манифестирует его преимущества. Разумеется, разные сегменты культуры участвуют в этом по-разному. *Социально-поведенческий* сегмент обеспечивает социальную интеграцию непосредственно и осознанно. *Символический* сегмент участвует в решении этой задачи более разнообразно. Одни его части (например, философия и идеология) работают на обеспечение социальной интеграции людей также непосредственно и осмысленно, другие (язык, религия) — опосредованно, не задаваясь специально этой целью, третьи (искусство) — вообще не рефлексируют проблем социальной интеграции, хотя латентно очень ей способствуют. Но таким образом заполняется все пространство социальной практики и сознания человека сентенциями о необходимости групповой формы жизнедеятельности.

В понимании особенностей культурной динамики особую роль играет разработанная еще в конце XIX в. теория Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 1991) об особенностях человеческой деятельности. В соответствии с этой теорией в ходе исторического развития постепенно, но неуклонно повышается уровень *специализированности* всякой деятельности, уровень ее профессионального мастерства, а также уровень фундаментальных знаний по профилю, которыми обладает работник. По-настоящему специализированным работником является человек, имеющий специальное профильное образование по данной специальности (среднее или высшее). Наличие фундаментальных знаний, получаемых в процессе специального высшего образования, в больш***о***й мере меняет характер деятельности, делает ее более творческой. Специализированная деятельность в своих наибо-

лее творческих проявлениях больше тяготеет к индивидуальным формам, нежели к коллективным.

М. С. Каган в своем исследовании обосновал понимание культуры как *деятельности* (Каган, 1974). Этот взгляд представляется вполне релевантным, если понимать деятельность в максимально широком смысле, включающем и бытовое поведение человека, и его взаимоотношения с другими людьми, и интеллектуальную практику, и пр., т. е. всю физическую и умственную активность человека. Но если культура — деятельность, то и ее историческое развитие должно соответствовать развитию всех иных форм деятельности, т. е. идти по пути углубления ее специализированности. Эмпирическая история отраслей деятельности, включая традиционно относимых к культуре (искусство, образование, книгопечатание и пр.) определенно свидетельствует именно об этом. Но бóльшая специализированность требует и бóльшей личной свободы, бóльшей индивидуализации в социальной практике. Этот тренд в развитии деятельности и культуры называется демократизацией и либерализацией форм общественного устроения.

Тогда становятся понятными причины ускоренного развития специализированной культуры по сравнению с почти остановившейся в развитии обыденной (традиционной) культурой, бурного развития форм индивидуальной культуры по сравнению с медленно прогрессирующей коллективной культурой и, наконец, причины возрастания объемов и значимости социальной свободы в ходе истории (Орлова, 1994). Все это соответствует историческому тренду развития деятельности и возрастанию уровня ее специализированности и индивидуальности (Дюркгейм, 1991).

Основная *регулятивная функция* культуры состоит в *нормировании* представлений человека о том, что правильно, а что неправильно, что хорошо, а что нехорошо, что красиво, а что некрасиво и пр., и поведения, соответствующего этим установкам. Вся история культуры — это борьба «правильного» с «неправильным» (или, говоря иначе, добра со злом, в максимально широком понимании и того, и другого). В этом вся суть культуры. Конечно, эти представления очень условны и различаются у разных народов, в разные эпохи и даже у разных сословий. Они зависят преимущественно от актуальности форм социальной престижности, распространенных в данный момент в том или ином сословии.

Для иллюстрации относительности представлений о том, что хорошо, а что не хорошо достаточно посмотреть портреты красавиц прошлого. И Клеопатру (сохранился ее профиль на монете), и королеву Марго (сохранилось несколько ее прижизненных изображений) по современным меркам трудно назвать привлекательными женщинами. А вот царица Нефертити — красавица и по сегодняшним понятиям. То же и в языке. Многие общеупотребимые слова сегодняшнего разговорного языка еще 200 лет назад считались неприличными. Так что все эти оценки условны, все меняется со временем, но культура каждой эпохи нормирует актуальные представления о правильном, хорошем, красивом и т.п. Особенность этих временн***ы***х нормативов стоит в том, что длительность их циклов постепенно сокращается. Например, в XVII–XVIII вв. длительность цикла моды на тип одежды, прически, парика была равна примерно полувеку. На рубеже XIX–XX вв. моды менялись через 15–20 лет. А на рубеже XX–XXI вв. средняя длительность цикла моды составляла уже 2–4 года (Барт, 2002; Бодрийяр, 2006; Бурдье, 2005).

Конечно, в разных областях культуры длительность доминирующих представлений бывает разной. Пример с модой на одежду — это только иллюстрация исторической тенденции сокращения этих циклов. Но, тем не менее, пусть кратковременная, но все же достаточно четкая нормированность основных доминантных в сообществе представлений о ценностной неравнозначности форм и событий окружающего мира (правильном/неправильном, хорошем/нехорошем, красивом/некрасивом) очень важна для человека психологически. И культура, развертывая картину ценностной бинарной дихотомии, лежащей в основе мироздания, тем или иным образом удовлетворяет этот запрос.

Регулятивные функции культуры не ограничиваются только социально-поведенческим и символическим аспектами. Еще одной важнейшей регулятивной сферой является человеческое *мировоззрение*, культурная *картина мира*, в рамках которой человек на том или ином основании определяет свое место и *идентифицирует* себя с определенным локальным коллективом, с которым он чувствует наибольшую солидарность. В научной литературе чаще всего обсуждается этническая идентичность людей. Но распространена еще и конфессиональная идентичность, и государственно-политическая, и социально-сословная, и социально-классовая, и даже партийно-

идеологическая. Сейчас актуальна и такая составная идентичность как национальная, объединяющая этническую и государственно-политическую, а так же, как правило, и конфессиональную идентичности (Балибар, Валлерстайн, 2003). В основании этого лежит все та же установка культуры на приоритет коллективных форм существования. Так или иначе, но чувство *социальной солидарности*, лежащее в основании всякой самоидентификации, является важнейшей составляющей социального сознания человека.

Здесь нужно учитывать и то, что в современных условиях большое влияние на регулятивную практику оказывает *массовая культура*, родившаяся с условиях бурной урбанизации и переселения миллионов крестьян в города во второй половине XIX — начале XX в. Массовая культура как социальный тип играет важную социально-стабилизирующую роль в жизни современного человека, регулирует его досугово-потребительскую практику и подчиняет ее коммерческим интересам производителя пользующегося спросом продукта. Она воздействует на сознание человека, делая его более рациональным и прагматичным. Хотя по универсальности своих социальных функций массовая культура не может сравниться с обыденной и специализированной культурами, но как регулятор возросшего объема свободного времени современного человека она очень значима.

Картина в целом выглядит следующим образом. В древности коллективная жизнь и обыденная деятельность людей, основанная на практическом опыте, отличались наибольшей эффективностью. Но внутренняя логика развития форм деятельности, эволюционировавших по линии углубления специализации, привела к тому, что специализированная индивидуальная деятельность, основанная на фундаментальном рациональном знании, при должном инструментальном оснащении во многих сферах стала более эффективной, чем коллективная обыденная деятельность, не требующая фундаментальных и систематических знаний в какой-либо области. Культура как зеркало отражала эти перемены. Но специализированная индивидуальная деятельность имеет более творческий характер, требует большей социальной свободы и чаще ведет к перемене технологий и форм изготавливаемой продукции. В культуре это выразилось в более частой смене символики социальной престижности, иллюстрацией чему может служить уже упоминавшаяся история моды. Это

отразилось и на учащающейся перемене общественных вкусов и приоритетов, а с ними и доминирующих культурных норм, которые теперь определяет еще и массовая культура. Возрастание значимости специализированной индивидуальной деятельности одновременно вело и к возрастанию уровня социальной свободы человека, нарастанию динамики культурной изменчивости. Такова логика роста *культурной изменчивости*.

Что же касается *культурной устойчивости* (которая не менее важна, чем изменчивость), то ее основой является сохраняющаяся коллективная деятельность, которая никуда не исчезла, а только сократила площадку своего распространения. В ней сохраняются традиционные принципы технологического и формального повторения, привычные для консервативного сознания значительной части населения, всегда актуальны историческая память, развитое национальное самосознание и т. п. Понятно, что о полном исчезновении коллективных форм деятельности речь никогда не шла, тем более что образ жизни людей сохраняется и развивается именно как коллективный. Культурная устойчивость важна не только как основа сохранения локального своеобразия каждого конкретно-исторического общества, а, в первую очередь тем, что позволяет от поколения к поколению воспроизводить каждое общество как устойчивую социальную целостность. Так что сохранение коллективной деятельности важно прежде всего культурно, как база для исторического воспроизводства общества.

Вместе с тем, не стоит сводить всю обыденную культуру только к коллективным началам, а специализированную — к индивидуальным. На деле и там, и там присутствуют оба начала. Но статистически, технологически и психологически в обыденной культуре преобладает коллективизм, а в специализированной — индивидуализм. А касательно массовой культуры говорить о каком-либо доминировании коллективного или индивидуального начала не приходится. Здесь все ситуативно.

Социальные и культурные коллизии XX в. создали впечатление, что традиционная культура заканчивает свое историческое существование, вытесняясь в продуктивной деятельности специализированной культурой, а в потреблении и досуге массовой. Но сейчас уже ясно, что это не так. Традиционная коллективная культура не столько исчезает, сколько мимикрирует в современных условиях.

Отчасти она заимствует формы массовой культуры, наполняя их собственным содержанием, а отчасти уходит в подполье. Например, многие люди на службе ведут себя как современные специалисты, а возвращаясь домой, за закрытой дверью своей квартиры и в кругу своей семьи, меняют свое «культурное лицо» и воспроизводят нормы, обычаи и нравы традиционной крестьянской культуры.

Дело тут не только в приверженности каких-то людей традициям в силу их воспитания в соответствующей среде, а в том, что традиционная культура является «психологическим щитом» для людей с низкой личной социальной конкурентоспособностью. Когда человек чувствует, что он не в состоянии конкурировать с коллегами по работе, он психологически защищается тем, что вспоминает, что он принадлежит к великому народу с великой историей и начинает воспроизводить историческую традиционную культуру, насколько он с нею знаком. Это защитная реакция. Но нужно понимать, что пока в обществе сохраняется прослойка неконкурентоспособных людей (а она по естественным причинам будет всегда), традиционная коллективная культура будет находить своих адептов.

Вместе с тем, культурная традиционность не означает абсолютной неизменности используемых культурных форм, что уже отмечалось ее исследователями (Маркарян, 1982). В ходе времени их обновление происходит и здесь (например, в порядке адаптации к изменившимся внешним условиям), но медленно и по иной траектории, нежели при творческом развитии. Традиция — это прежде всего принцип предпочтения того, что проверено практическим опытом и доказало свою надежность. А устойчивость конкретных форм здесь регулируется обстоятельствами, хотя недооценивать значимость авторитета истории в традиционной культуре не следует (Alleau, 1958).

Показательно, что чем больше в культуре общества доминирует традиционная коллективная культура и ниже темп его социального развития, тем более выражено в актуальной культуре локальное культурное своеобразие. И, наоборот, чем больше в культуре доминируют специализированное и массовое начала и выше темп социального развития, тем менее актуально локальное своеобразие, концентрирующееся в основном в культуре прошлого.

Все это в большой мере регулируется господствующей *идеологией*, выступающей в роли стимулятора одних проявлений и взгля-

дов общества и сдерживающей уздой для других (Флиер, 2018). Идеология, в конечном счете, это тоже культура, но представленная в наиболее формализованном виде. То, что символическая культура говорит нам языком образов, идеология декларирует в виде четких формальных императивов, регулирующих сознание и поведение человека. Большинство современных идеологий (национализм, консерватизм, социализм и др.) на тех или иных основаниях воспевают коллективизм, что соответствует изначальной установке культуры. И лишь либерализм прославляет индивидуальное начало в человеке. На деле и в одной, и в другой позиции есть свои плюсы и свои минусы. Коллективизм укрепляет социальное единство общества, но замедляет его интеллектуальную активность. А индивидуализм раскрепощает интеллектуальный потенциал общества, но ослабляет его социальное единство. История дает нам множество примеров этому. Тоталитарные страны обычно превосходят демократические по своей мобилизационной готовности, но уступают в научном и культурном развитии. Говоря иначе, первые больше готовы к войне, а вторые — к миру.

Культура в принципе должна нивелировать эти крайности и выстраивать удовлетворительный баланс разных начал (ведь общество состоит из людей с разными идеологическими приоритетами). Но это получается не всегда; нередко этому препятствует позиция государственной власти, которая тоже придерживается той или иной идеологии и стремится реализовать ее в своей политике. Я полагаю, что удовлетворяющий общество баланс между коллективной и индивидуальной культурами является *свободой*, на реально достигнутом ею уровне.

Таким образом, мы видим, что все упомянутые в начале статьи элементы бинарных оппозиций высоко функциональны и сосуществуют почти в каждой локальной культуре. Это объясняется социальной неоднородностью всех постпервобытных сообществ и разнесением этих элементов по разным, часто не соприкасающимся друг с другом социальным группам.

Культура же обеспечивает сосуществование этих разных трендов в практике жизнедеятельности каждого сообщества, осуществляет их неконфликтный баланс так же, как она осуществляет сосуществование в одном сообществе людей, с разными социальными интересами, социокультурными установками, вкусами, ориентирами

престижности и т. п. В этом видится одна из важнейших социальных функций культуры в истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балибар, Э., Валлерстайн, И. (2003) Раса, нация, класс: Двусмысленные идентичности. М. : Логос-Альтера : Ecce Homo. 272 с.

Барт, Р. (2002) Система моды: Статьи по семиотике культуры. М. : Изд-во им. Сабашниковых. 512 с.

Бодрийяр, Ж. (2006) Общество потребления: Его мифы и структуры. М. : Культурная революция : Республика. 269 с.

Бурдье, П. (2005) О символической власти // Бурдье, П. Социология социального пространства. М.–СПб. : Алетейя. С. 87–96.

Дюркгейм, Э. (1991) О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука. 575 с.

Каган, М. С. (1974) Человеческая деятельность. М. : Политиздат. 328 с.

Маркарян, Э. С. (1982) Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. № 2. С. 78–96.

Орлова, Э. А. (1994) Динамика культуры и целенаправленная активность человека // Морфология культуры. Структура и динамика : учеб. пособие для вузов / под ред. Э. А. Орловой. М. : DrDoom. С. 8–73.

Тинберген, Н. (1993) Социальное поведение животных. М. : Мир. 152 с.

Флиер, А. Я. (2018) Идеологическая функция культурной политики // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 57–64.

Alleau, R. (1958) De la nature des symboles. Paris : Flammarion. 126 p.

Флиер Андрей Яковлевич — главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, профессор Московского гуманитарного университета и Московского государственного лингвистического университета, руководитель Научной ассоциации исследователей культуры, главный редактор электронного журнала «Культура культуры».

Сетевая идентичность как проблема успешности социализации личности

А. И. Ковалева
Московский гуманитарный университет

Проблема успешности социализации личности по-новому проявляет себя в информационном обществе. В данной статье рассматривается сетевая идентичность как разновидность социальной идентичности, отражающая результативность социализации пользователей компьютерных социальных сетей.

Ключевые слова: социализация личности; Интернет; социальные сети; сетевая идентичность.

Социализация призвана обеспечить постоянный личностный рост. Но это не значит, что она происходит как поступательное движение вверх. Это сложный, противоречивый, динамичный процесс. Как отмечает Нейл Смелзер (Смелзер, 1994), социализация никогда не может быть эффективной на сто процентов. В частности, дети оказывают сопротивление усилиям взрослых и изменяют процесс социализации на многих этапах своего развития. Социализация особенно в молодые годы сопровождается кризисами. Одни кризисы человеку удается преодолеть, другие нет. Дальнейшее развитие его личности может быть менее успешно.

Принято признавать социализацию *успешной,* если индивид осваивает необходимые социальные роли, усваивает одобряемые данным обществом, социальной общностью ценности, социальные нормы, стереотипы поведения.

Процесс социализации индивидуален, протекает постоянно в течение всей жизни человека, а также имеет как внешнюю сторону — адаптацию, так и внутреннюю — интериоризацию. Успех социализации зависит от того, как общество, социальные общности, социальные институты и организации целенаправленно, преднамеренно и непреднамеренно влияют на личность. Установлено, что баланс институциональных и внеинституциональных влияний на личность является условием успешной социализации. Нарушение этого баланса в пользу стихийных каналов социализации, а также дисбаланс внутри институтов социализации в пользу нецеленаправленных, не выверенных средств воздействия снижает результативность

социализации. Динамичность этого процесса из-за сложности объективных и субъективных факторов не позволяет представить его полную картину. Он имеет как типические для представителей той или иной социальной группы черты, так и другие социальные характеристики, которые слабо заметны или неуловимы вообще на уровне личности. Социализация настолько глубокий и ответственный по отношению и к индивиду и к обществу в целом процесс, что, только учитывая и точно взвешивая все его стороны, все его своеобразие, можно оценить его результаты (Ковалева, 2003).

Оценка результативности социализации личности осложнилась в условиях широкомасштабной информатизации общества и появления нового пространства социализации — глобальной информационно-коммуникационной среды Интернет. Его принципиальным отличием является насыщенность современными средствами информации, информационными и коммуникационными технологиями, в значительной мере облегчающими жизнь человека, а также превращение современного мира в единое информационное пространство. Высокоскоростные каналы связи соединяют пользователей по всему миру и обеспечивают доступ к огромным массивам информации. Современные гаджеты позволяют человеку всегда оставаться «на связи», постоянно быть «включенным» в процесс коммуникации и потребления информации. Мобильный телефон или смартфон позволяет не быть привязанным к месту и времени для получения человеком необходимой информации или для связи с нужными людьми.

Информатизация общества коренным образом изменяет привычный уклад жизни и профессиональной деятельности людей (Колин, 2002). Эти изменения К. К. Колин квалифицирует как *гуманитарную информационную революцию* и выделяет среди ее отличительных черт беспрецедентные возможности для усиления интеллектуальных и творческих способностей человека на основе использования средств информатики и когнитивных информационных технологий (Колин, 2011).

В новом пространстве социализации происходят принципиальные изменения в ее основных сферах — деятельности, общении и самосознании. Преобразуются их содержание и формы, возникают новые, не известные прежде способы реализации. Пользование Интернетом становится необходимым условием успешной социализа-

ции. Интернет имеет множество сфер и направлений практического использования, что делает его важным институтом социализации, выступающим виртуальным аналогом традиционных институтов социализации, связанных с трудовой, образовательной и досуговой деятельностью, потребительским, политическим, коммуникативным поведением. Интернет как институт социализации остается слабо изученным.

Определенные стороны влияния Интернета на человека и его социализацию исследовались социологами Московского гуманитарного университета. В. Э. Меламудом еще в середине 90-х годов XX в. изучены социокультурные феномены, возникающие при взаимодействии человека с компьютером и межличностном взаимодействии по поводу компьютера. Отмечено их существенное влияние на характер человеческих потребностей и ценностей, содержание и формы коммуникативных действий людей, формирование новых «картин мира», пользование новыми языковыми средствами и изменение в образе жизни. Установлено, что компьютеризация средней школы ведет к появлению в школьных сообществах признаков социокультурных различий между поколениями. Выявлено, что формирование у учащихся компьютеризированной «картины мира» и деятельность в компьютеризированном мире вещей существенно зависит от наличия домашнего компьютера (Меламуд, 1996).

М. И. Очковским исследовалось девиантное поведение пользователей в условиях работы в компьютерных сетях, когда формальные и неформальные нормы, предписывающие принципы обмена действиями и информацией в компьютерной среде, только складывались. Социальный контроль поведения пользователей работы в компьютерных сетях имел преимущественно неформальный характер (самоконтроль, неформальные санкции). Применение законодательства осуществлялось лишь в случае значительной или крайней степени отклонений в поведении пользователей. По результатам этого исследования выявлены особенности и обоснована типология девиантного поведения по трем социально-ролевым функциям пользователей в условиях работы в компьютерных сетях в зависимости от степени отклонений. Дана характеристика объективных и субъективных причин различных типов девиации («ламер», «хакер», «крекер»). Им сформулированы проблемы безопасности компьютерных технологий на уровне личности, деловой организации и общества.

Проблема безопасности личности определена как противоречие между возрастающими темпами расширения возможностей компьютерной среды по удовлетворению информационных потребностей человека и его ограниченными возможностями в самоорганизации по освоению виртуальной реальности, следствием чего являются различного рода отклонения в поведении пользователей (Очковский, 2000).

А. Л. Радкевич изучал новые, базирующиеся в Интернете, социальные практики как «социальные интернет-практики». Он определяет *социальные интернет-практики* как совокупность рутинных действий и привычных способов поведения, связанных с использованием Сети для решения проблем и/или повышения эффективности деятельности в различных сферах жизни, а также для удовлетворения различных потребностей. Перенося многих виды деятельности в виртуальное пространство Интернета, социальные интернет-практики существенно расширяют границы социального мира. При этом интернет-практики, представляя собой альтернативные способы осуществления многих реальных повседневных практик, чаще всего не замещают, а дополняют их (Радкевич, 2009).

Наиболее распространенными среди российских пользователей интернет-практиками являются использование электронной почты, поиск информации, чтение новостей и социально-сетевое общение. Радкевичем установлено, что пользователи интернета более адаптированы к высокотехнологичной и динамичной среде информационного общества, ведут более активный, современный образ жизни, склонны к инновационному поведению и потреблению. Пользование Интернетом позволяет им легче ориентироваться в социальной среде, находить нужную информацию и принимать решения (там же).

Сетевую социализацию можно определить как процесс освоения индивидом социальных норм и культурных ценностей, социальных ролей и образцов поведения в ходе использования социальных сетей в интернете и взаимодействия с другими пользователями этих сетей.

Социальной сетью в интернете можно назвать любую онлайн-платформу, предназначенную для социального взаимодействия людей, представляющих какую-либо общность, например знакомых в реальной жизни или объединенных общими интересами. Наиболее

популярными являются универсальные социальные сети (такие, как «ВКонтакте», Facebook), которые имеют множество пользователей и выступают платформой для социальных взаимодействий самых разных типов. Также существуют специализированные социальные сети, которые объединяют людей по определенным критериям (интересы, увлечения, профессия и др.).

Созданная в 2004 г. и ставшая самой популярной зарубежная сеть Facebook в 2018 г. преодолела отметку в 2 млрд пользователей в мире и продолжает расти. Россияне активно пользуются тремя самыми массовыми в стране сетями: «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой мир». В настоящее время в многочисленных социальных сетях зарегистрировано свыше 60% россиян.

Интернет и социальные медиа как альтернативные источники информации и развлечений стали значимым фактором снижения телевизионной активности современной молодежи. Телевидение в среде молодежи утрачивает значимость как источник информации и привлекательность как досуговое занятие. Свидетельством этого является также и тот факт, что молодые редко «заведуют» телевизором дома: пульт от телевизора, как правило, у старших членов семьи (Овчинская, 2017). В этой связи телепросмотр в меньшей степени, чем ранее, является источником образцов самоидентификации для молодежи.

Социальные сети, напротив, открывают большие возможности для своих пользователей: общение с близкими и друзьями, что особенно важно в случае нахождения вдали; переписка с друзьями; деловые переговоры; обмен информацией; удовлетворение тематических интересов; поиск работы. Это положительные стороны социальных сетей.

Общеизвестны и опасности, которые несут социальные сети: злоупотребление информацией о человеке; утечка личной или деловой информации; ложная информация, критика, слухи; стресс от неудовлетворенности ожиданий; сексуальное насилие, запугивание, угрозы, распространение фальшивых («фейковых») новостей. Девиантное поведение пользователей в условиях работы в компьютерных сетях проявляется такими видами отклонений, как хакерство, нарушение режима секретности информации в организациях. Можно назвать также кибертерроризм, пропаганду самоубийств.

Социальные сети могут отнимать у человека слишком много времени, отвлекать от реальной жизни, заменять и вытеснять реальное общение. Метафорически говоря, сети могут «затягивать». Причинами этого стоит назвать их относительную доступность и простоту использования, избыточность информации и общения, возможность самостоятельного выбора профиля, а также возможность посредством социальных сетей удовлетворить (зачастую мнимо) потребности в общении, в причастности, в информированности и т. д. Негативным последствиям использования социальных сетей более подвержены индивиды определенной личностной ориентации. Чаще всего сети «затягивают» тех, у кого есть проблемы взаимодействия с ближайшим окружением, а также существуют личностные проблемы социальной идентичности. В социальных сетях появляется возможность реконструировать свою идентичность. Поэтому порой трудно сказать, имеете ли вы дело в интернете с обычным человеком или виртуальным персонажем социальных сетей.

«Виртуальная» идентичность является предполагаемой, возможной, потенциальной идентичностью индивида. Такую идентичность порождают социальные практики, в ходе которых складываются новые идентификационные ориентиры и возможности их достижения. Но индивид может воспользоваться «виртуальной реальностью» для воплощения такой разновидности идентичности в себе. Интернет-зависимые люди, для которых «виртуальная реальность» не только дополняет, а почти заменяет социальную реальность, «виртуальная» идентичность может преобладать над другими идентичностями и реальными достижениями человека. Понятие виртуальной идентичности уточняет термин «сетевая идентичность», которая может сложиться у пользователя социальных сетей.

Сетевая идентичность — это идентичность индивида в сети, которая им специально конструируется для открытой презентации другим людям. Она легко видоизменяется вплоть до полной замены даже на альтернативную идентичность, например, человек меняет пол, возраст, статус. Здесь можно надеть маску, примерить новую роль.

Сетевая идентичность поверхностна в отличие от относительно устойчивой социальной идентичности человека, формирующейся как многомерное образование в течение длительного времени и выступающей результатом социализации и социальной идентифика-

ции. Могут различаться отдельные параметры идентичности человека в сети и в реальности. Такие различия выявлены по результатам сравнительного исследования отечественных психологов (Войскунский, Евдокименко, Федунина, 2013). Они провели анализ сетевой и реальной идентичности на материале шкалы «Аспекты идентичности» (Дж. Чик др.) и глубинного интервью у активных пользователей онлайновых социальных сетей. Злоупотребление социальными сетями может наносить вред в реальной жизни: человек, чрезмерно увлеченный социальными сетями, теряет навык живого общения, не умеет выстраивать беседу и межличностные отношения, знакомиться в реальной ситуации. Длительное и чрезмерное увлечение социальными сетями отрывает индивида от реального мира и может привести к зависимости. В предельном случае эта зависимость является серьезной проблемой и квалифицируется как болезнь, которая провоцирует психические расстройства, онкологические заболевания, слабоумие, болезни сердца.

Важной частью сетевой безопасности является защита личной информации. Пользователи интернета, как правило, знают о необходимости защищать персональные данные, но в социальных сетях нередко открываются, не задумываясь о последствиях, и выкладывают в сетях на всеобщее обозрение личную информацию (дату рождения, телефон местонахождение и т. д.), фотографии (свои собственные и своих близких) и другие элементы частной жизни. Иногда это приводит к непредвиденным и нежелательным последствиям.

Интенсивные потоки информации в компьютерных сетях воздействуют не только на среду обитания, повседневную жизнь и профессиональную деятельность людей, но затрагивают также их психику, образ мышления и развитие головного мозга человека. Американские специалисты по возрастной психологии Г. Смол и Г. Ворган утверждают, что представители нового поколения, названные ими «цифровыми с рождения», будут обладать другой психикой и образом мышления (Смол, Ворган, 2011). Американский антрополог Ш. Теркл сделала вывод о неразличимости для пользователей компьютерных сетей понятий «виртуальное» и «реальное» и о полном восприятии общения в социальных сетях как повседневной практики. Человек отражает в сетях свою жизнь, но при этом часто моделирует свою идентичность (Turkle, 2011: 206).

Возникают совершенно новые идентификационные практики, связанные с новыми информационными технологиями. Практики самоидентификации дрейфуют в сторону преждевременной самопрезентации, что зачастую усиливает разрыв между реальной и виртуальной идентичностью, осложняет путь обретения желаемой идентичности.

Формирование идентичности является динамическим процессом кристаллизации представлений индивида о себе. Но не всегда этот процесс имеет позитивный результат и отражает удовлетворенность человека своей идентичностью. Индивид может оберегать себя от возможных проблем, связанных с достижениями, переживая ряд негативных состояний, включая пессимизм, апатию, тоску, ненаправленную злобу, отчуждение, тревогу, чувства беспомощности и безнадежности (Антонова, 1996). Особым случаем может стать состояние человека, имевшего достигнутую идентичность, но потерявшего ее жизненность из-за расхождения прежних целей, ценностей, убеждений с требованиями изменившейся жизни. Человек может преодолеть такое состояние путем самостоятельного принятия решений относительно того, каким ему быть далее, и приложения определенных усилий по принятию новых ценностей, видов деятельности, образцов поведения.

Одной из проблем остается формирование целостной идентичности как наиболее приемлемого состояния для конкретного человека, когда он представляет собой целостную личность в результате его успешной социализации.

Обозначилась проблема не только эффективности использования информации в обществе, но и познавательной полезности, целесообразности и нравственно-этического содержания информации, направленной на человека. Проблема влияния — как позитивного, так и негативного — новых практик самоидентификации, используемых индивидами в социальных сетях, на формирование их идентичности нуждается в пристальном внимании социологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова, Н. В. (1996) Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. № 1. С. 131–143.

Войскунский, А. Е., Евдокименко, А. С., Федунина, Н. Ю. (2013) Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Т. 10. № 2. С. 98–121.

Ковалева, А. И. (2003) Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социол. исследования. № 1. С. 109–114.

Колин, К. К. (2002) Глобальная информатизация общества и гуманитарная революция // Alma mater (Вестник высшей школы). № 6. С. 27–30.

Колин, К. К. (2011) Человек и гармония: информационная концепция искусства и творчества // Пространство и время. № 4. С. 54–63.

Меламуд, В. Э. (1996) Компьютеризация средней школы как фактор межпоколенческих социокультурных различий : автореф. дис. … канд. социол. наук. М. 20 с.

Овчинская, Е. В. (2017) Телевизионные практики россиян в условиях социокультурных изменений : автореф. дис. … канд. социол. наук. М. 20 с.

Очковский, М. И. (2000) Девиантное поведение пользователей в условиях работы в компьютерных сетях : автореф. дис. … канд. социол. наук. М. 23 с.

Смелзер, Н. (1994) Социология : пер. с англ. М. : Феникс. 688 с.

Смол, Г., Ворган, Г. (2011) Мозг онлайн Человек в эпоху Интернета. М. : Колибри. 352 с.

Радкевич, А. Л. (2009) Социальные интернет-практики россиян в условиях формирования информационного сообщества : автореф. дис. … канд. социол. наук. М. 24 с.

Turkle, S. (2011) Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. N. Y. : Basic Books. 384 p.

Ковалева Антонина Ивановна — проректор Московского гуманитарного университета, заведующий кафедрой социологии Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор.

Границы этнической идентичности[4]

Ч. К. Ламажаа
Московский гуманитарный университет

В статье анализируются представления о границах этнической идентичности, современных факторах ее развития и изменений.

Ключевые слова: *этничность; этнос; человек этнический; конструктивизм; гуманитарная экспертиза*

Проблематика этнической идентичности стала является чрезвычайно актуальной в современных условиях расширения разнообразных контактов между людьми и социальными группами. Глобализация, миграции и пр. осложняют процессы формирования и поддержания этнической идентичности, меняются и представления о них. В том числе активно стали обсуждаться проблемы этнических границ, или границ этнических групп, которые находятся на стыке дискурсов о структуре этнической идентичности и практик ее конструирования. Эти темы важны прежде всего для этнологической науки, для социальных и культурных антропологов, также большой интерес к ним проявляют и социальные психологи.

При этом, очевидно, что проблематика этнической идентичности в виду возрастания ее значения для самоопределения человека в современном мире должна представлять большой интерес и для философского знания, обращенного к общим измерениям человеческого бытия в мире (например, общим проблемам философии личности, идентичности человека), социально-философским аспектам анализа дифференциации и стратификации социальных групп (поскольку этническая идентичность представляется одним из видов социальной идентичности), а также анализу этических оснований деятельностного процесса — конструирования этнической идентичности, его процессуальной стороне. Философы не обошли стороной в целом

[4] При поддержке РФФИ (проект «Дивергенция будущего человека: конвергенция технологий, их философское осмысление и этико-правовое нормирование», грант № 17-23-01017а(м)).
The article was written with support from the Russian Foundation for Basic Research (project “The Divergence of Man’s Future: Convergence of Technologies, Their Philosophical Conceptualization and Ethical and Legal Control”, grant No. 17-23-01017а(м)).

эту тему, при этом основное внимание авторы уделяют общим философским подходам к анализу этнического бытия. Нас же интересует проблема границ этнической идентичности и ее конструирования, о которой писал норвежский антрополог Ф. Барта, обосновавший концепт границы как ключевой по отношению к этническим группам и этнической идентичности (Барт, 2006).

Данный ракурс становится очень актуальным в свете широкого распространения идей конструктивизма в этнологии, в исследованиях этнического, которые мы рассматриваем как базовые для ряда технологий конструирования социальной идентичности человека (в отличие от воздействующих персонально на биологическую природу отдельных людей, на их индивидуальное самосознание) (Ламажаа, 2017). При этом технологии трактуются нами в широком философском смысле как собой сложные системы целеполагания и деятельности, с применением определенных средств, методов для достижения поставленной цели и решения соответствующих задач.

По мнению Ф. Барта, этнология к моменту формулирования им его основных программных идей, была сконцентрирована на анализе этнических общностей как определенных стратегий адаптации тех или иных общностей к определенных природным условиях и наука исходила из представления о своеобразии этноса как выразителя своеобразия этнической культуры. Этническая же культура представлялась совокупностью практик, сложившихся эволюционным путем. Норвежский ученый поставил данный общий подход под сомнение, утверждая, что он не решает вопроса о том, как формируются этнические общности, отличающиеся друг от друга и главное — осознающие это отличие. Он предложил сместить исследовательское внимание на то поле, которое до него не обсуждалось — на границы между этническими группами, которые и определяют их отличие друг от друга и более того — собственно этническое своеобразие. Именно контакты, взаимодействие, противопоставление своих — другим — и позволили людям понимать к кому они относятся, а к кому — нет; и на этом основании выделяться и сосуществовать общностям (там же).

Данный ракурс — границы этнических групп, границ этнической идентичности и границ ее конструирования — на сегодня стал очень актуальным в связи с этническим «ренессансом», который кажется парадоксальным только на первый взгляд в условиях глобали-

зации и расширения межкультурных контактов, которые должны бы приводить наоборот — к нивелированию различий. В свете концепции Ф. Барта, этот всплеск этнического самосознания именно логичен, когда культуры вступают в тесное взаимодействие, требующее переосмысления этого места взаимодействия, осмысления себя как «Мы», понимание других, т. е. «Они». Увеличение контактов с другими группами может происходить сейчас как вне своей культурной среды, так и в своей культурной среде. Увеличиваются коммуникационные поля, они сами смещаются и разворачиваются в разных пространственных пределах в условиях миграций по всему миру. Этническая идентичность, как показывают исследования этнологов, этносоциологов, намного выше у недоминирующих народов и обычно сильнее в полиэтнической среде (Дробижева, 2003). В этих условиях размываются доминирующие прежде национальные, национально-государственные составляющие идентификационных ориентиров индивидов (Лапкин, 2017: 93) и усиливается значимость этнических (а также других групповых) идентификационных моделей, границы которых «вычерчиваются» в отождествлениях, в психических процессах уподобления себя другому, группе людей.

Встает вопрос в целом о гранях, границах как ментальных моделях, так и о границах действий, которые и позволяют людям осознавать свои отличия, менять их, укреплять, развивать, делать переходы границ, а также оказываться в ситуации пограничья. Этническая идентичность трактуется не только как принадлежность к определенной общности, но и сквозь призму образов «Мы — Они», противопоставление которых безусловно имеет определенную грань, предел, с одной стороны которой есть «Мы» и далее которого «Мы» уже не может простираться, с другой — «Они». И современная ситуация значительных социальных и культурных изменений не может не затрагивать проблемы изменения этих границ, в том числе границ этнических идентичностей.

Говоря о феномене идентичности, мы говорим о феномене самосознания, то будучи связанными с проблематикой субъекта, и тем самым они подпадают в поле внимания социального конструктивизма, который в крайних проявлениях утверждает, что возникновение и развитие самосознания человека — результат только влияния социума и культурно-исторических обстоятельств. Вся система позиционирования индивидов утратила прежнюю определенность и ста-

ла объектом конструирования как со стороны самого индивида, так и со стороны разного рода субъектов социальной политики и политики идентичности (там же: 90). В этих условиях и вопросы этнического конструирования в целом, а в предельном воплощении и нациестроительства или даже этнического «передела» мира оказались чрезвычайно востребованными. Этнический «ренессанс» тем самым схлестнулся с результатами деятельности определенных политических сил, которые начинают претворять в жизнь свои технологические проекты перекройки этнической-политической карты мира. Мы здесь не говорим о процессуальных сторонах вопроса, когда этнический состав, например, может меняться в результате методики переписи населения. Речь идет о претворении в жизнь культурной, политической элитой, реформаторами определенных стратегий, связанной с этнической идентичностью населения. Как пишет В. В. Лапкин, резко возросший в последние годы градус межгосударственной и внутриполитической конфликтности является следствием диверсификации стратегий активных политических игроков мира, причем не только национально-государственного уровня, но и наднационального, и субнационального (там же: 89).

Как писал Ф. Барт, главным признаком этнической границы следует считать этническую идентичность, устойчивость которой чрезвычайно высока, но не абсолютна. То есть противопоставление тех, кто входит в группу, тем, кто в нее не входит, строится на наличии разделяемых индивидами критериев оценки и суждений, поддержании определенных культурных и социальных практик, культурных маркеров. К последним можно отнести языки этнических общностей как сложные знаковые системы. Так, Л. М. Дробижева приводит список наиболее восстребованных «опор» формирования этнической идентичности — элементы культур (Дробижева, 2017: 420).

Использование фактора этнической идентичности населения как политического ресурса направлено на изменение границ этнических представлений о себе и других, в том числе за счет продвижения ценностно-политических проектов. В них применяются специфический арсенал инструментов политики идентичности, в том числе активно используются базовые ценности религиозно-цивилизационного единства, производится апелляция к единству исторической судьбы сообщества, особая роль отводится проблеме

общего языка и пр. (Казаринова, 2017). Указанные процессы и векторы этнических культур, в основе которых лежат сдвиги, изменения границ этнических идентичностей, представляют собой сложную панораму диверсификации этнического разнообразия мира, «полицивилизационность современного миропорядка», говоря словами С. Хантингтона (Хантингтон, 2003).

При этом полностью конструктивизм, конечно, не отвечает на вопрос о том, как меняются границы идентичности. Точно также, как и противостоящий ему натуралистически-эссенциалистская теория идентичности (Федотова, 2012). Как пишет Н. Н. Федотова, недостатки конструктивистской теории заключаются не в том, что она видит идентичность изменчивой, а в том, что она преувеличивает значение когнитивных практик, зависимости идентичности от способов идентификации, не доверяя объективной стороне изменений идентичности (там же: 26–27). То есть, по ее мнению, само конструирование имеет границы.

Современность представляет нам и примеры изменения этнической идентичности, приводящие к переходам индивидов и даже целых групп в том числе через этнические границы, а значит и подразумевающих сдвиги в идентификационных сознательных процессах. Тенденция снижения значимости этнической идентичности в целом приводит к тому, что исследователи говорят и об индивидуализированном обществе (Бауман, 2002), и о распространении «человека экономического» — Homo economicus, а также о космополитической идентичности.

З. Бауман в целом считает, что идентичность сегодня в обществе текучей модерности, когда современность не имеет определенных направлений изменений, которые динамичны, беспокойны, не могут устоять на одном месте. В этих условиях мы вынуждены жить в изменениях, которым не видно конца (Бауман. Электронный ресурс). Соответственно процесс идентификации также подразумевает и гибкость, и неуверенность в будущем.

В литературе встречаются мнения о том, что глобализация, модернизация и прочие тренды современности, распространяющие идеологию универсализма, рано или поздно приведут к стиранию различий, в том числе и этнических — как в результате субъектно-политических действий, так и объективных процессов нивелирования субъективных различий. Что на место множества этнических

общностей придет один мегаэтнос человечества. Однако, как нам кажется, такие представления не учитывают того важного факта, что граница является важной характеристикой человеческого бытия, которая выражается в определенности осознаваемых им миров — внутреннего и внешнего, а также самоопределения человека. Это одна из важнейших антропологических, объективных характеристик самого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барт, Ф. Введение (2006) // Этнические группы и социальные границы : социальная организация культурных различий : сборник статей / под ред. Ф. Барта / пер. с англ. М. : Новое издательство. 200 с. С. 9–48.

Бауман, З. (2002) Индивидуализированное общество. М. : Логос. 390 с.

Бауман, З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года (Электронный ресурс) // Полит.Ру. 2011, 6 мая. URL: http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/ (дата обращения: 20.05.2017).

Дробижева, Л. М. (2003) Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М. : Центр общечеловеческих ценностей. 367 с.

Дробижева, Л. М. (2017) Этническая идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика : энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Изд-во «Весь мир». 992 с. С. 417–422.

Казаринова, Д. Б. (2017) Ценностно-политические проекты формирования идентичности // Идентичность: Личность. Общество. Политика : энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Изд-во «Весь мир». 992 с. С. 593–597.

Ламажаа, Ч. К. (2017) Проблемы конструирования этнической идентичности в современной России // Конвергенция технологий и дивергенция будущего человека / Рабочие тетради по биоэтике. сб. науч. ст. Вып. 27 / под ред. П. Д. Тищенко. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 160 с. С. 98–106.

Лапкин, В. В. (2017) Социально-политический контекст трансформаций идентичности в XXI веке // Идентичность: Личность. Общество. Политика : энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Изд-во «Весь мир». 992 с. С. 88–101.

Федотова, Н. Н. (2012) Изучение идентичности и контексты ее формирования. М. : Культурная революция : Республика. 200 с.

Хантингтон, С. (2003) Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. М. : АСТ. 603 с.

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — заместитель директора по научной работе Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук.

Исследование возможных этико-социальных последствий развития трансплантологии: надежды и опасения (на примере анализа современного кинематографа)[5]

Ф. Г. Майленова
Институт философии РАН

Бурное развитие в последние десятилетия трансплантологии и органного донорства и изменения в жизни людей, которые эти технологии влекут, порождают одновременно множество надежд и тревог. Будучи крайне заряженной эмоционально, проблема нехватки донорских органов вдохновляет создателей современного кино и литературы. Современное искусство, в частности наиболее массовый его вид — кинематограф, являясь своеобразным зеркалом общественных настроений и доминирующих эмоций, с одной стороны, и уровня понимания тех или иных научных и биомедицинских проблем, с другой, дает богатый материал для анализа происходящих в обществе изменений морального сознания относительно исследуемой проблемы.

Ключевые слова: этика, философия телесности, органное донорство, трансплантология, биоэтика, психология морали, современное искусство и литература, кинематограф

Бурное развитие в последние десятилетия новейших биомедицинских технологий (в частности, трансплантологии и органного донорства) и внедрение их в жизнь меняют не только качество и способ получения медицинской помощи, но и саму глубинную суть взаимоотношения человека со своим телом, которое подвергается все большей объективации (Попова, 2016). Изменения в жизни людей, которые неизбежно влекут за собой новейшие биомедицинские технологии, порождают одновременно множество надежд и тревог. Трансплантология, совершенствуясь год от года, позволяет спасать жизни пациентов, которые раньше были обречены на тяжелую инвалидность или неизбежную смерть. Однако мастерство хирургов, которые могли бы (и готовы) делать гораздо больше таких операций, не используется в полной мере из-за постоянной нехватки донорских

[5] Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ 17-18-01444 «Социо-гуманитарные проблемы органного донорства: междисциплинарное исследование».

органов, и это главная и пока что не решенная проблема трансплантологии.

ЭТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ГЛАВНОЙ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ

Предлагаемые пути решения, о которых говорят и пишут специалисты, такие как улучшение в обществе отношения к донорству, изменение законодательства относительно посмертного и детского донорства, совершенствование взаимосвязей между врачами других специальностей и трансплантологами с целью сохранить и довезти до реципиента драгоценные трансплантаты, повышают эффективность работы врачей и служат улучшению взаимопонимания между пациентами, трансплантологами и обществом в целом, и есть надежда, что в будущем ситуация будет улучшаться.

Однако пока что сохраняется сложное и неоднозначное отношение обычных людей к этой отрасли медицины. Существующие варианты решения этой проблемы имеют не только плюсы, но и ряд особенностей, причем не только и не столько медицинского характера, усложняющих и без того непростую ситуацию в этой отрасли медицины. Если бы решение проблемы зависело только от развития технологий и финансирования исследований, как, например, в смежной области — искусственного изготовления протезов, которая также бурно развивается, оно бы не порождало столь противоречивых мнений. Однако когда затрагиваются такие глубокие философские вопросы, такие как превращение тела в товар или восприятие его как механизма, который можно починить, просто заменив изношенную «деталь», проблема выходит за пределы медицины.

Больные, с надеждой ожидающие донорского органа, то есть ту самую новую «деталь» на замену утраченной или пришедшей в негодность, не могут не думать о том, что эта «деталь», которая может спасти им жизнь, пока еще является частью тела другого человека! Так что они надеются, по сути, на чью-то трагическую гибель, и желательно не от болезни или старости, а в катастрофе, чтобы имплантат был от молодого, здорового человека, их жизнь может продолжиться только за счет жизни кого-то другого. Сама идея, что для того, чтобы выжил тот, кто нуждается в донорском органе, нужна чья-то смерть, является чрезвычайно эмоционально заряженной, так как затрагивает самые глубинные ценности и убеждения, касающие-

ся индивидуальной и общественной морали, эгоизма и альтруизма, выбора и ответственности.

Не менее сложным и морально, и психологически является момент, когда врачу необходимо выбрать, кто получит долгожданный донорский орган и получит шанс на дальнейшую жизнь, а кто останется ждать дальше (и, вероятно, так и не дождется подходящего органа). Как определить, кому нужнее операция — тому пациенту, чье состояние на данный момент хуже всех и он с большей вероятностью умрет, так и не дождавшись своего шанса, или, наоборот, тому, чей организм сильнее, и соответственно, у него больше шансов на успешную операцию и дальнейшее выздоровление, в то время как у первого шансы, что он переживет операцию — весьма невелики... Как можно сравнивать, чья жизнь ценнее, когда каждый пациент имеет одинаковое право и на жизнь, и на медицинскую помощь? Все эти проблемы невозможно решить никакими этическими кодексами и самыми скрупулезными и подробными протоколами, так как за каждым медицинским случаем стоит судьба и жизнь человека и его близких, которые доверились врачам и ждут помощи, надеясь порой на чудо.

РЕАЛЬНОСТЬ И МАГИЯ КИНОЭКРАНА

Современное искусство, литература и кинематограф, являясь своеобразным отражением идей, чувств и настроений общества, можно рассматривать как некий срез, с помощью которого мы можем замерить уровень осознания, принятия и предполагаемого решения той или иной моральной проблемы. Причем известно, что если гении не просто отражают то, что видят, а творят свою измененную реальность, в которую включают в первую очередь собственные глубокие идеи и озарения, которые могут опережать свою эпоху и быть и не поняты современниками, то так называемое массовое искусство отражает как раз уровень восприятия обычного человека, так называемого обывателя, так как оно рассчитано именно на тот уровень абстракции и анализа, который свойственен человеку, далекому от науки и философии, и в своих решениях склонному руководствоваться эмоциями и мнениями, сформированными под влиянием других людей, а также телевидения, газет, популярных передач и фильмов. Так что судить о настроениях общества в целом в том или другом историческом отрезке времени как раз более корректно не

столько по гениальным творениям, отражающим вершины мысли и духа, а по тем произведениям, которые читает, смотрит и любит большинство. Именно благодаря массовому искусству мы можем судить о том, какие глубинные страхи и надежды связаны в обществе с новейшими биомедицинскими технологиями, и наоборот — оно же обладает свойством обратного влияния, эмоционально заражая и формируя то самое мнение, которое постепенно усваивается и начинает влиять на выбор людей в сложных ситуациях. Герои современных книг и фильмов, живущие в мире, в котором реализовались сегодняшние мечты врачей и ученых, порой сталкиваются с такими последствиями, о которых сегодня страшно даже подумать, но мы можем представить себя на их месте и прожить вместе с ними их истории, например, пожив в мире будущего, в котором врачи смогут успешно вживлять любые органы, но при этом проблема недостатка донорских органов останется во всей своей остроте. В таком случае где и у кого брать необходимые органы, кто должен отдать свою жизнь ради спасения другой жизни, какие законы могли бы регулировать этот новый мир? Какими могут быть изменения в общественной морали вследствие беспрепятственного развития трансплантологии и органного донорства, как это отразится в психологии людей — все эти вопросы волнуют каждого, кто задумывается о грядущих изменениях. Причудливая смесь надежды и отчаяния, жизни и смерти, благородства и звериного эгоизма будоражит умы и чувства, вдохновляя создателей современных кинокартин и фантастических романов, но чаще всего такие темы порождают антиутопии. Увы, новые технологии и чудесные научные открытия, подарив власть над болезнями и надежду победить смерть, могут выявить отнюдь не лучшие стороны человеческой натуры, и в современных фильмах нередко царят алчность, цинизм и жестокость, так как на кону — сама жизнь.

ЭТОТ ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР ИЛИ ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ

Откровенные триллеры, такие как картина Мигеля Сапочника с говорящим названием «Потрошители» (англ. *Repo Men*), снятой по мотивам книги Эрика Гарсии «Грязное Мамбо или Потрошители», рисуют ужасающие картины будущего. Сюжет антиутопии незамысловат: технологии достигли того уровня, что уже можно обеспечить

трансплантатами всех, кто в этом нуждается, однако стоят они немалых денег, и само собой, люди со скромным достатком могут позволить себе их лишь в кредит. Однако как только истекает срок оплаты, неустойка взыскивается самым жестоким способом: непроплаченные имплантанты попросту изымаются из тел должников специальной бригадой «потрошителей», скрыться от которых невозможно. Вот такое суровое воплощение популярной капиталистической идеи «жизни в кредит», с негативными сторонами которой (пусть не в такой чудовищной форме) многие уже столкнулись. Смысл подобных фильмов — проигрывание и, пусть в гротескной форме, проживание негативных сценариев возможного будущего, в котором сбылись страхи из настоящего, каковые увы не беспочвенны, в связи с тенденцией коммодификации человеческого тела (Попова, 2016) и изменением этических границ.

Один из наиболее часто упоминаемых аспектов, когда речь заходит о прекрасном будущем, в котором побеждены все болезни и человеку остается лишь наслаждаться плодами технологий — вопрос социального неравенства. Как еще в начале тысячелетия писал Ф. Фукуяма в своей знаменитой книге «Наше посттехнологичекое будущее», плодами биомедицинских технологий, способных улучшить и продлить жизнь человека смогут воспользоваться далеко не все, как надеются прекраснодушные трансгуманисты, а лишь те, у кого будет доступ к новым технологиям, то есть обладающие властью и деньгами. И потому недалек тот день, когда человечество может разделиться не только по материальному признаку (как было тысячелетия до этого), но и по качеству и количеству дополнительных возможностей для тела и интеллекта, которые позволят избранному классу стать не только более здоровыми и красивыми, но и более совершенными (возможно, уже и на генетическом уровне), что постепенно сделает пропасть между классами уже практически межвидовой (Фукуяма, 2004).

Также и в фильмах, о которых идет речь, одна из главных линий сюжета — водораздел между теми, кто имеет доступ к новейшим технологиям и высококлассной медицине, и теми, кому суждено погибнуть из-за нехватки донорского органа, или, хуже того — самому принудительно стать донором, как в российском фильме Дмитрия Астархана «Контракт со смертью» (1998). Глубокий психологический триллерставит перед зрителем ряд неразрешимых вопро-

сов. Кто достоин жизни? И допустимо ли спасать чью-то жизнь за счет жизней других? Кому решать судьбу «людей второго сорта», и кто поделил человечество на сорта? Кинокартина шокирует своей неподдельной правдивостью и радикальностью в отображении человеческой алчности и жестокости. Все, кто жил в то пору, узнают особую атмосферу 90х, в которую весьма правдоподобно вписывается дьявольский эксперимент по очистке улиц от люмпен-элементов: бомжей, бродяг и проституток свозят в специализированный пансион, якобы созданный для лечения и безвозмездной помощи оступившимся гражданам, где им созданы вполне комфортные условия. На деле же оказывается, что под прикрытием благотворительного фонда действует подпольная клиника по трансплантации органов, и постояльцы «санатория» после тщательного обследования и оздоровления оказываются в роли «живых консервов», и каждый из них однажды будет умерщвлен ради того, чтобы его орган был отдан кому-то из «лучших» людей.

Также чрезвычайно убедительно показано, сколь легко можно манипулировать общественным мнением с помощью телевидения и соцопросов. Если в начале и особенно середине фильма, когда информация о тайных трансплантологах просочилась в СМИ, при уличных соцопросах большая часть опрошенных с возмущением отвергает бесчеловечный проект, то уже к следующим опросам (после серии тематических телепередач) уже большинство не видит ничего зазорного в идее использования органовграждан «второго сорта» для спасения людей «первого», более того — многие стали говорить, что это разумно, рационально и даже гуманно.

С точки зрения психологии морали такие изменения вполне объяснимы: во время опроса людям предлагались вопросы, в которых фигурировали абстрактные преступники, наркоманы и прочие асоциальные элементы, мешающие и угрожающие покою жизни «нормальных» людей. А после «подогрева» путем грамотно составленных новостных передач, в которых «отбросы общества» еще и грабят и убивают, их становится уже никому не жаль, потому что они относятся к «чужим». Человеческая психика склонна к полярности восприятия — есть «свои», с которыми надо обращаться достойно, и есть «чужие», интересы которых можно вовсе не принимать в расчет.

Однако любой из опрошенных может волею случая сам оказаться в том злополучном «санатории» или обнаружить там своего друга или любимую — и тогда уже вступает в силу совершенно другая этика, и вот герой фильма, кто еще вчера был равнодушен и к политике, и к этике и спокойно работал на преступников, уже готов бороться с ними с оружием в руках, чтобы вызволить своего друга и любимую девушку, хотя сам при этом точно так же готов убивать.

Можно было бы возразить в адрес создателей фильма, что общественным сознанием не так легко манипулировать и гуманистические ценности должны возобладать несмотря ни на что, и обычные люди никогда не согласятся на то, чтобы сознательно убивать кого-то (пусть даже во имя спасения жизни других), однако метаморфозы общественного сознания, произошедшие в последние годы вследствие изменений в политике и соответствующего идеологического сопровождения говорят о том, что манипуляции напротив работают очень хорошо, и потому увы, гипербола в фильме Астархана не так уж нереальна...

МЕТАМОРФОЗЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОРАЛИ

В отличие от всех предыдущих фильмов, картина «До последнего вздоха» (в американской версии называется «Бег на одном дыхании», 2010. США. Реж. Бальтазар Кольмакур) производит совершенно другое впечатление. Это не фильм ужасов, это жестокая драма. Сдержанная, строгая, даже суховатая стилистика фильма делает его похожим на документальное кино, фильм начинается сухими словами сводки: «в прошлом году спрос на донорские органы только в США превысил их наличие в соотношении 10 к 1», и зрителю ясно, что за этими цифрами стоят десятки и сотни трагедий, подобных показанной в фильме, и тем самым достигается эффект дополнительного доверия к создателям фильма, к тому же история, положенная за основу сценария, реальна.

Нравственные переживания героя изображены столь правдоподобно, что практически любой может представить себя на его месте. В картине чрезвычайно тонко показано, как в ситуации отчаяния и страха за жизнь близкого человека (особенно когда идет речь о ребенке) человек сначала совершает один моральный компромисс, затем другой, уже более серьезный, и вот постепенно, шаг за шагом переступая через моральные принципы, высококлассный

адвокат, ранее известный своей честностью и принципиальностью, оказывается соучастником преступления.

Поначалу речь идет всего лишь о стремлении получить вне очереди донорские легкие для умирающей дочери (а кто бы на его месте не попытался?), хотя ясно, что лишних донорских органов нет и не предвидится, так как если получает один, обойдя очередь, значит, умрет кто-то другой, который тоже ждал и не дождался.

Однако когда на одной чаше весов — смерть обожаемой дочери, а на другой — другого ребенка, но чужого и незнакомого, наш герой не готов рассуждать с позиции абстрактного гуманизма. Поняв, что в американской клинике ему не удастся обойти правила, он пытается, рискуя собственной жизнью и попутно своей карьерой успешного адвоката, добыть донорские легкие для своей умирающей дочери в соседней с США Мексике. Поначалу его энтузиазм спотыкается об спокойные рассуждения мексиканского хирурга, который говорит ему, что обойдя кого-то в очереди благодаря своим деньгам (которые, конечно же, у него возьмут), наш герой фактически приговаривает к смерти другого больного ребенка, который так и не дождется своего шанса на жизнь. Однако это моральное препятствие оказывается для Пола преодолимым, в конце концов их семью тоже в определенный момент «обошли» и донорское легкое досталось другому ребенку. Следующий шаг — уже более серьезный компромисс, так как человек, стоящий на страже закона, собирается обойти закон и получить орган от умершего бедняка, который понятия не имеет о трансплантологии и никогда не подписывал согласие на донорство своих органов, и поэтому изъятие у него органов является по сути незаконным (хотя и не кажется криминальным). Конечно, эта возможность стоит Полу не только денег, но и моральных терзаний. В отличие от своей жены, которая ради спасения ребенка готова на все (и давит на него своей решимостью морально и эмоционально), наш герой попадает в мучительную ситуацию морального конфликта — необходимости выбора между одинаковыми для него по силе и значимости ценностями — профессиональной честью и любовью к дочери. В итоге он выбирает идти дальше и попытаться спасти дочь несмотря ни на что. Однако цена нового морального компромисса неожиданно оказывается гораздо более серьезной. Выясняется, что для того чтобы срочно добыть орган для трансплантации, подходящего ребенка нужно просто убить! Речь идет не о не-

счастном случае, как предполагалось поначалу (и эта версия до последнего поддерживалась всеми участниками договора), а о подстроенном умышленном убийстве, который обставляется как несчастный случай. Тут-то и разыгрывается основная драма. Одно дело — знать, что какой-то незнакомый мальчик умер от несчастного случая, и его орган перейдет твоему больному ребенку, минуя очередь и нарушив медицинский протокол. Для любящих родителей все эти правила при всей их справедливости достаточно абстрактны, когда на другой чаше весов — жизнь ребенка. Однако когда надо согласиться на убийство донора — тут уже начинается нешуточная драма. Герой фильма не смог переступить эту последнюю черту, в результате его морального выбора мексиканский мальчик остался жив, а его больная дочь не выжила...

Однако рассказанная в фильме история является, увы, всего лишь единичным случаем, когда благородство оказалось сильнее. Авторы фильма косвенно сообщают об этом, опять же используя документальную хронику. Последние кадры фильма вновь завершаются сухими фразами, из которых становится ясно, что ситуация, показанная в фильме — реальна но, увы, является исключением: «Организация по регулированию донорских органов скромно подсчитала, что 15000 человек в год незаконно используется в качестве доноров. Эти незаконные операции зачастую проводятся с ведома местных государственных властей, министерств здравоохранения и профессиональных медицинских структур. Поэтому пересылка органов становится общественным секретом, нераскрытым и безнаказанным».

Очевидно, что такие фильмы порождают вполне объяснимые опасения и страхи, которые распространяются в обществе, обретая весьма причудливые формы. На фоне таких страхов рождаются самые мрачные мифы о «черных» трансплантологах, черном рынке донорских органов, который пополняется за счет убитых по заказу людей, о специальных местах, где держат «расходный материал», и т.п. Появляются книги и кинофильмы, в которых развивается эта тема, такие как, например, фильм «Остров» (США, 2005, реж. Майкл Бэй), а также похожий по сюжету, но, пожалуй, более глубокий и многослойный, хотя и не столь знаменитый фильм «Не отпускай меня» (Великобритания, США, 2010, реж. Марк Романек) по одноименному роману Кадзуо Исигуро (Исигуро, 2017). В этих фильмах

мы видим общество, в котором специально клонируют и выращивают людей на органы, используемые потом для спасения жизни «подлинных» людей, так как клоны не считаются полноценными людьми, они просто живые «фабрики органов». Однако клоны тоже мыслят и чувствуют, знают о своей обреченности и в то же время не могут ничего сделать с системой: у них нет прав обычного человека, и перед законом они не граждане, по большому счету не люди даже, и смысл их существования — отдать «полноценным» людям свои органы (и жизнь), когда придет час. Если в первом фильме герои борются (устраивают побег, воюют и в итоге меняют свою судьбу), то второй фильм гораздо печальнее и безысходнее: герои безуспешно пытаются отыскать и пройти засекреченный тест, после чего (согласно смутным слухам) можно получить специальное разрешение не отправляться сразу на «выемку» органов, а прожить немного дольше. Среди клонов ходит легенда, что это возможно, если доказать, что умеешь чувствовать и творить, как обычный, полноправный человек. На большее герои фильма даже не претендуют. Однако даже такая скромная мечта — получить несколько лет спокойной жизни — оказывается для клонов несбыточной, и в итоге безжалостная система постепенно забирает жизни юных доноров.

Подобные произведения искусства отражают существующие в общественном сознании опасения, и люди скорее верят такой мрачной антиутопии, нежели медицинским фактам и социологическим исследованиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ художественных текстов, научной фантастики, в том числе детских сказок, — чрезвычайно благодатная тема исследования (Майленова, 2012, 2014), которые уже начаты и несомненно, будут продолжаться, так как в них можно увидеть как отражение бытующих в обществе представлений, убеждений, в том числе моральных норм, желаемые (или, наоборот, критикуемые авторами) взаимоотношения между людьми, так и изображение возможных в будущем моральных коллизий (Майленова, 2013). Памятуя о том, что именно кинематограф является наиболее массовым видом искусства, обращение к нему представляется многообещающим еще и по причине того, что его выразительные средства позволяют максимально ярко и выпукло показать взаимоотношения между обществом, нау-

кой и новейшими технологиями во всей их противоречивости и непростой динамике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исигуро, К. (2017) Не отпускай меня : пер. Л. Мотылева. М. : Изд-во «Э», 352 с.

Майленова, Ф. Г. (2012) Роль научной фантастики в формировании ожиданий и оценочных суждений от внедрения новейших технологий конструирования человека // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 13. Человек — NBIC машина: исследование метафизических оснований инновационных антропотехнических проектов / отв. ред. П. Д. Тищенко. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 40–49.

Майленова, Ф. Г. (2013) Прощение и воздаяние. Вечные вопросы в пространстве литературы и психотерапии // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / отв. ред. Ф. Г. Майленова. М. : ИФ РАН. С. 168–189.

Майленова, Ф. Г. (2014) Современная российская фантастика об актуальных проблемах биоэтики // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 8 / отв. ред. Ф. Г. Майленова. М. : ИФ РАН. С. 57–86.

Попова, О. В. (2016) Человек, его цена и ценность: к проблеме коммодификации тела в научном познании // Эпистемология и философия науки. Т. 49. № 3. С. 140–157.

Фукуяма, Ф. (2004) Наше посттехнологическое будущее. Последствия биотехнологической революции. М. : ООО Изд-во АСТ, ОАО «ЛЮКС». 349 с.

Майленова Фарида Габделхаковна — ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, доктор философских наук.

Наследие Шекспира и современность: экология культуры*

Б. Н. Гайдин
Московский гуманитарный университет

В статье рассматривается идея экологии культуры, которая нашла отражение в работах Д. С. Лихачева, Н. Н. Моисеева и других исследователей. Отмечается, что культурная экология невозможна без обращения к прошлому, его сохранения и переосмысления, гармонического развития культурных феноменов. По мнению автора, наследие У. Шекспира и многочисленные примеры влияния драматурга на современную культуру свидетельствуют о том, что новое без обращения к опыту прошлых эпох крайне редко обретает статус подлинной культурной ценности, а выживание человечества будет зависеть во многом от способности большого количества людей сформировать целостный взгляд на мир, который невозможен без любви к своему прошлому и способности экологичного преобразования настоящего.

Ключевые слова: У. Шекспир; культ Шекспира, современная культура; экология культуры; Д. С. Лихачев; Н. Н. Моисеев

В 1979 г. в журнале «Москва» вышла статья академика Д. С. Лихачева «Экология культуры (Лихачев, 1979). В ней он обозначил свое понимание необходимости заботы не только об окружающей природной среде, но и о среде культурной. Ученый отмечал, что следует задуматься над проблемой «нравственной экологии», которая в то время еще не воспринималась как один из основных и наиболее актуальных вопросов научного дискурса: «Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние воздействующей силы на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях, хотя сам факт воспитательного воздействия на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения» (Лихачев, 1985: 49).

Академик Н. Н. Моисеев также считал, что выживание человечества во многом будет зависеть от уровня образованности и куль-

* Подготовлено в рамках проекта «Шекспир в современной русской культуре: национальное и глобальное», осуществляемого при поддержке Совета по грантам Президента РФ (МК-1182.2017.6).

туры новых поколений, от их стремления к духовности, от того, сможет ли человеческий род реализовать «экологический императив»: «Когда теперь произносят “экология культуры”, то мне представляется, что речь должна идти о такой же очистке духовной жизни человека, точнее факторов, влияющих на ее формирование, как очистка территории городов от накапливающихся нечистот» (Моисеев, 2000: 20).

Сложность, однако, в том, что если соблюдать природоохранные законы еще можно попытаться заставить силой правосудия, то экологическую культуру невозможно воспитать за один день, ее едва ли можно привить насильно. Как отмечают С. Н. Глазачев и А. О. Глазачева, «экологическая культура не может быть жестким каноном, не может быть даже сводом норм и правил, вряд ли может регулироваться только законом. <…> Метафоричность экологической культуры обусловлена самой “эпохой перемен”, высокой динамикой социокультурных процессов, “сменой вех” — экономических, социальных, цивилизационных, ценностных ориентиров» (Глазачев, Глазачева, 2008: 24). Ученые подчеркивают важность формирования «экологической компетентности» современных специалистов. Анализируя подходы к обучению дизайнеров, они приходят к мнению, что теоритические проблемы дизайна, «не получившие решения, вступают в острое противоречие с необходимостью… опираться на теорию и методологию, адекватные педагогические технологии, а не только на трансляцию опыта, следование образцам и алгоритмам» (там же: 30). Традиционно новые поколения дизайнеров учатся, копируя работы своих предшественников. Безусловно, без этого вряд ли возможно стать профессиональным дизайнером, путем подражания можно достичь новых вершин и совершенства. Подобное происходит и в литературе: «семиозис предполагает интерпретацию и переинтерпретацию текста — появление многочисленных “римейков”» (там же: 31). Тем не менее этого недостаточно: «Современный экологический взгляд на мир, его противоречия показывают ущербность мышления по алгоритму: “бытие определяет сознание”» (там же).

В указанной выше работе Д. С. Лихачев в качестве примеров, иллюстрирующих его мысль о важности культурной экологии, приводит градостроительные каноны Византии и Древней Руси. Однако, как нам представляется, основные тезисы его статьи можно транс-

понировать и на другие сферы культуры. Он подчеркивал, что новое невозможно без старого: «Подлинно новая культурная ценность возникает в старой культурной среде. Новое ново только относительно старого, как ребенок по отношению к своим родителям. Нового самого по себе, как самодовлеющего явления, не существует. Так же точно следует сказать, что простое подражание старому не есть следование традиции. Творческое следование традиции предполагает поиск живого в старом, его продолжение, а не механическое подражание, иногда отмершему» (Лихачев, 1985: 52). Действительно, сложно себе представить, чтобы какому-нибудь современному писателю удалось создать новое сочинение, которое могло бы получить определенное признание среди читателей, без какого-либо обращения к творческому наследию авторов предыдущих эпох. Даже при большом желании быть максимально оригинальным, отказе от чтения «чужих» текстов, писатель все равно так или иначе будет испытывать влияние культурной среды, в которой он живет. На наш взгляд, такой путь малопродуктивен.

Одним из столпов мировой культуры, повлиявших на большое количество литераторов, актеров, режиссеров, художников, музыкантов последующих столетий, в том числе и русскоязычных, является У. Шекспир. При этом большой интерес представляет тот факт, что британский драматург большую часть сюжетов для своих пьес заимствовал у других авторов (см., например: Doherty, 2009: 20). При этом такая практика была абсолютна типичной для его эпохи. Как отмечает известный шекспировед Джонатан Бейт (*Jonathan Bate*), ссылаясь на работу американского философа и эссеиста Ральфа Уолдо Эмерсона (*Ralph Waldo Emerson*) «Шекспир, или Поэт» (*Shakspeare; or, the Poet*, 1850; на рус. яз. см.: Эмерсон, 1904, 1912, 1914ab; см. также: Сахарова, 1884), «ценная оригинальность не состоит в непохожести на других людей. Хорошая история, вероятно, будет напоминать другие хорошие истории; совершенно оригинальный сюжет вполне может не иметь никаких достоинств, кроме самых эфемерных качеств, новизны. Истории сохраняются, потому что они кажутся правдивыми в восприятии последующих поколений читателей и зрителей; именно поэтому самые старые истории, как правило, лучшие. <...> Поскольку он (Шекспир. — *Б. Г.*) делает старые истины новыми, его самого всегда можно сделать новым» (пер. наш — *Б. Г.*; “…valuable originality does not consist in unlikeness to other

men. A good story is likely to resemble other good stories; a wholly original plot may well have no merit save that most ephemeral of qualities, novelty. Stories survive because they seem true to the experience of successive generations of readers and spectators ; that is why the oldest stories are usually the best. <…> Because he makes old truths new, he himself can always be made new" (Bate, 1994: 4)).

У. Шекспир вот уже несколько столетий остается в ядре тезауруса отечественной культуры. Известно, что благодаря появлению новых русских переводов Шекспира, постановкам его пьес на театральных подмостках, многочисленным и главным образом положительным отзывам о его творчестве, а также отсылкам к его произведениям в оригинальных сочинениях и работах (литературных, музыкальных, живописных) Шекспир в XIX столетии стал «своим», «русским» (Шекспир и русская культура, 1965; Захаров, 2008; Захаров, Луков, 2012), при этом постоянно рос его «культурный капитал», развивался его «культ» (Луков, Захаров, 2008). В основном британский драматург, будучи одной из самых значимых фигур мировой культуры, оказывал влияние на культуру элитарную. Однако, как и в большинстве стран мира, в XX–XXI вв. Шекспир в России все чаще становится частью культуры массовой, оказывая определенное влияние на более широкие слои населения. Сначала все большее число людей стали ходить в театр, с ростом грамотности все больше людей хотя бы в отрывках начали читать Шекспира на русском или даже в оригинале, затем стали стремительно развиваться кинематограф, радио и телевидение, где драматург также нашел свое место. Сейчас поэт оказывает довольно значительное влияние на тезаурус российской молодежи в Интернете и компьютерных играх (см., например: Июдин, 2017).

На наш взгляд, многообразие примеров шекспировского влияния на элитарную и массовую культуру России хорошо демонстрирует, что современная русская культура при всех неоднозначных происходящих в ней тенденциях остается способной к переработке и переосмысливанию разнообразных национальных и инокультурных феноменов. При этом массовая культура выполняют важные стабилизационную и коммуникационную функции, формируя культуру национальную (см.: Костина, 2011: 43). Немаловажное, а иногда и существенное значение имеет здесь многовековая традиция рецепции шекспировского творчества в русском культурном тезаурусе. На

наш взгляд, можно лучше понять социокультурные процессы, происходящие в настоящее время, если сравнить культурные феномены разных исторических эпох, в которых можно обнаружить «шекспировский след».

Шекспир, как известно, писал и для аристократов, и для зрителей из низших кругов, и все они находили в его творчестве «свое». Таким образом, с нашей точки зрения, нет ничего удивительного, что кому-то вполне достаточно иметь, к примеру, поверхностное представление о содержании «Ромео и Джульетты» для того, чтобы найти какой-то смысл в строчке незамысловатого текста популярной песни (см., например: Buhler, 2002; Hansen, 2010; Гайдин, 2014). И кто знает, не станет ли это отправной точкой для культурного роста и становления личности, способной отстаивать экологию культуры? Ведь творчество Шекспира и богатая история его рефлексии при изучении могут помочь сформировать «расширенный взгляд на мир» (Глазачев, 2006; Kofler, 2006) и «современный рационализм» (Моисеев, 1995), без которых выход из экологического кризиса не представляется возможным[6]. Шекспир — одна из констант мировой культуры, играющих особую роль в формировании экологии культуры (см.: Кузнецова, 2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдин, Б. Н. (2014) Шекспир в современной популярной музыке [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 5 (сентябрь — октябрь). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2014/5/Gaydin_Shakespeare-Contemporary-Music/ [архивировано в Way-backMachine] (дата обращения: 24.07.2018).

Глазачев, О. С. (2006) Симпозиум Президиума Международной академии наук «Расширенный взгляд на мир как основа экосоциального устойчивого развития и здорового будущего» // Вестник Международной академии наук. Русская секция. № 1. С. 78–80.

Глазачев, С. Н., Глазачева, А. О. (2008) Экологическая культура — метафора эпохи перемен // Вестник Международной академии наук (Русская секция). № 2. С. 24–32.

[6] Отметим также интерес исследователей к теме «Шекспир и экология». См., например: Milward, 2005; O'Dair, 2011; Randall, 2015.

Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ / отв. ред. Вл. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 320 с.

Захаров, Н. В., Луков, Вл. А. (2012) Гений на века: Шекспир в европейской культуре. М. : ГИТР. 504 с.

Июдин, Д. А. (2017) Вечные образы Ромео и Джульетты в тезаурусе молодежи [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. № 6. С. 72–84. URL: http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/641 (дата обращения: 24.07.2018). DOI: 10.17805/ggz.2017.6.5

Костина, А. В. (2011) Традиционная, элитарная и массовая культура: условия возникновения и особенности функционирования в условиях современности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. № 2 (26). С. 39–45.

Кузнецова, Т. Ф. (2017) Культурные константы и экология культуры // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 208–220. DOI: 10.17805/zpu.2017.4.18

Лихачев, Д. С. (1979) Экология культуры // Москва. № 7. С. 173–179.

Лихачев, Д. С. (1985) Экология культуры // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: статьи и очерки. Л. : Наука. 575 с. С. 49–63. (Наука, мировоззрение, жизнь).

Луков, Вл. А., Захаров, Н. В. (2008) Культ Шекспира // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 132–141.

Моисеев, Н. Н. (1995) Современный рационализм. М. : МГВП КОКС. 376 с.

Моисеев, Н. Н. (2000) Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Языки русской культуры. 224 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Сахарова, А. (1884) О Шекспире (по Р. В. Эмерсону) // Искусство. № 54. С. 720–723.

Шекспир и русская культура (1965) / под ред. М. П. Алексеева. М. ; Л. : Наука. 823 с.

Эмерсон, Р. (1904) Шекспир или поэт // Эмерсон Р. У. Великие люди / пер. с англ. под ред. В. В. Битнера. СПб. : В. В. Битнер. С. 82–94. (Читальня «Вестник знания»).

Эмерсон, Р. (1912) Шекспир или поэт / пер. с англ. С. Г. Займовского // Эмерсон Р. Избранники человечества. М : Проблемы эстетики. XIV, 228 с. С. 164–184.

Эмерсон, Р. (1914a) У. Шекспир или поэт (Из этюдов о великих людях) // Библиотека театра и искусства. № 10. С. 3–20.

Эмерсон, Р. (1914b) У. Шекспир или поэт (Из этюдов о великих людях) // Библиотека театра и искусства. № 11. С. 3–9.

Bate, J. (1994) Shakespeare's peculiarity // Shakespeare Studies. Vol. 32. P. 1–28.

Buhler, S. (2002) Reviving Juliet, repackaging Romeo: Transformations of character in pop and post-pop music // Shakespeare after mass media / ed. by R. Burt. New York : Palgrave. xii, 340 p. P. 243–264.

Doherty, J. (2009) The ignorance of Shakespeare. New York : Eloquent Press. 261 p.

Hansen, A. (2010) Shakespeare and popular music. London ; New York : Continuum. ix, 185 p.

Kofler, W. (2006) An "extended view" of a human person as a social being: The health relevance of environmental factors // Вестник Международной академии наук. Русская секция. № 2. С. 11–17.

Milward, P. (2005) Shakespeare and ecology // The Renaissance pamphlets / ed. by P. Milward. Vol. 54. Tokyo : The Renaissance Institute. 82 p. P. 29–35.

O'Dair, S. (2011) "To fright the animals and to kill them up": Shakespeare and ecology // Shakespeare Studies. Vol. 39. P. 74–83.

Randall, M. (2015) Shakespeare and ecology. Oxford : Oxford University Press. x, 214 p. (Oxford Shakespeare Topics).

Гайдин Борис Николаевич — начальник научно-исследовательского отдела цифровых технологий Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, член-корреспондент Международной академии наук (IAS, Инсбрук), кандидат философских наук.

Геокультурная матрица российской цивилизации как инструмент туристского развития регионов

Ю. С. Путрик
Московский гуманитарный университет,
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева

Системность и устойчивость процесса продвижения регионов на туристский и инвестиционный рынки может быть обеспечена более активным использованием ключевых цивилизационных символов и знаков, наиболее ярко отражающих особенности каждого региона. Конкретным инструментом вовлечения культурного и природного наследия в процесс брендирования может стать геокультурная матрица российской цивилизации и карта цивилизационной насыщенности регионов России, отражающая количественные и качественные характеристики материальных объектов культурного и природного наследия.

Ключевые слова: культурный ландшафт; культура; матрица; наследие; карта, туризм; регион; цивилизация; ценности

Согласно утвержденным в 2014 г. Основам государственной культурной политики в Российской Федерации одной из важнейших целей государственной культурной политики обозначена «…передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения» (Указ... Электронный ресурс). Таким образом понятие «российская цивилизация» вошло в государственный нормативно-правовой оборот, а цивилизационный подход становится официальной методологической основой государственной культурной политики. «Культура России — такое же ее достояние, как и природные богатства. В современном мире культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидирующее положение нашей страны в мире» (там же). Заметим, что природные богатства и социально-экономические ресурсы измеряются и оцениваются в количественных и качественных показателях, т. е. подлежат измерению и оценке. В этой связи актуализируются, соответственно, вопросы измерения и оценки культурного, т. е. цивилизационного потенциала страны и отдельных регионов.

Применение цивилизационного подхода позволяет по-новому посмотреть на определение приоритетов, целей и показателей государственного управления не только в сфере культуры, но и в других областях общественной деятельности — образовательной, туристской, экономической, социальной. Поэтому продекларированные в опубликованном в 2016 г. Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева проекте «Стратегии сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации на период до 2030 г.» культурные гуманитарные ценности российской цивилизации как «духовно-нравственные, этические ценностные императивы, определяющие цивилизационную идентичность России как уникального социокультурного пространства…», и обусловленные «…особой ролью России в глобальных исторических процессах» (Стратегия..., 2016: 6), являясь основой культурной идентичности российской нации, приобретают особую актуальность и практический смысл в современных условиях тотальной информационной войны за возможность устойчивого и безопасного социально-экономического развития российского государства.

Официальное признание цивилизационно-ценностного подхода открывает широкие возможности его эффективного применения в практике государственного управления. При этом важно понимать, что задачи по практической реализация этих подходов, как справедливо замечает А. С. Миронов, «не будут выполнены, если при этом не будут предложены конкретные механизмы выявления и продвижения ценностного содержания культурных проектов» (Миронов, 2016: 131). К настоящему времени сложились необходимые информационно-статистические и программно-технологические предпосылки для перехода к работе по измерению цивилизационных ценностей и последующему использованию результатов этих измерений в практической плоскости для решения целей и задач по повышению уровня цивилизационной идентичности регионов РФ.

На первом этапе особое значение приобретают работы по сбору и систематизация традиционной и современной региональной символики или словосочетаний (слоганов) брендирования, включая геральдические символы, региональные тексты и др. для последующего геокультурного анализа региональных символов и брендов и

оценки реального состояния и уровня брендирования российских регионов.

Для реального осуществления управленческих функций процесс управления должен быть подкреплен и оснащен системой показателей, по которым можно не только судить об уровне цивилизационной идентичности субъект-объектных цивилизационных отношений, но и о состоянии множественности объектов культурного и природного наследия как материальных, так и нематериальных носителей коллективной исторической памяти. Поэтому вполне закономерно, что при планировании результатов реализации Стратегии наряду и наравне с ценностным цивилизационным подходом применяется и «принцип измеряемости социальной результативности культуры по качественным и количественным индикаторам» (Стратегия..., 2016: 10). При этом за основу для измерения и прогнозирования состояния культуры принимается механизм сбора и анализа данных об изменении ценностей (базовых смыслов) культуры и образов коллективной памяти, закрепляющих в общественном сознании образцы личного поведения и общественного реагирования, а также соответствующих социальных норм. Оценка состояния культуры в России, согласно проекту Стратегии, основывается, наряду с данными социологических исследований, на использовании статистических данных о наличии и состоянии материальных объектов и учреждений культуры, статистике производства, сохранения, распространения и потребления культурных благ, статистике занятости и оплаты труда работников, статистике финансов учреждений культуры и прежде всего сведений, собираемых ФГБУ «Главный информационно-вычислительный центр Минкультуры России» (там же: 80–81).

Из этого списка данных для целей настоящей статьи остановимся на таком показателе как статистические данные о наличии и состоянии материальных объектов как недвижимого имущества в соответствии с положениями Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (Федеральный закон... Электронный ресурс) и учреждений культуры. Значительная часть сведений об объектах наследия и учреждениях культуры уже включена в Единый государственный реестр объектов культурного наследия. Это прежде всего памятники и ан-

самбли федерального значения, объекты Всемирного Наследия ЮНЕСКО, достопримечательные места и особо ценные объекты культурного наследия народов Российской Федерации (Единый... Электронный ресурс), которые можно рассматривать как материальную константу коллективной исторической памяти. Причем, что касается учреждений культуры, в качестве материальных носителей в данном случае следует также учитывать музеи-заповедники и музеи-усадьбы, т. е. те объекты, которые исторически возникли в данном конкретном месте и являются составной частью цивилизационного контента территории, также как и исторические города и поселения.

Особое место в системе объектов наследия занимает культурный ландшафт как комплексный объект наследия, выполняющий важную аккумулирующую роль в сохранении всей окружающей среды (Культурный...,2004). При этом подчеркнем, что природная и культурная среды, в том чисде культурное и природное наследие как составные части культурного ландшафта, обладают определенным информационным и, соответственно, цивилизационным потенциалом (Путрик, Соловьев, Царьков, 2015: 7). Однако важно понимать, что сложность учета, измерения и оценки цивилизационной значимости культурных ландшафтов состоит в том, что системному учету поддаются только статуированные культурные ландшафты, зафиксированные в виде музеев-заповедников, музеев-усадеб, национальных парков и др. Сам по себе культурный ландшафт как статусная единица нигде не зафиксирован и понятие «культурный ландшафт» существует лишь в научном обороте как базис для придания ему впоследствии определенного статуса, который позволил бы применять по отношению к нему различные меры по его охране и сохранению. Поэтому выявление культурных ландшафтов и последующее придание им соответствующего статуса для включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия позволит нам увидеть качественно новую картину цивилизационной насыщенности территории нашей страны. А пока отсутствие системного и статуированного учета культурных ландшафтов, которыми может быть представлен каждый субъект РФ, оставляет их вне измерения и оценки их цивилизационной ценности и значимости в общей системе вовлеченных в процесс формирования карты цивилизационной насыщенности территории Российской Федерации. Вместе с тем примененный методический подход к составлению такой цивилиза-

ционной карты позволяет создать на его основе соответствующее программное обеспечение, которое в дальнейшем может перманентно дополняться новыми и обновленными данными и получать на каждом последующем этапе более полный и углубленный вариант картографического отображения системной оценки цивилизационной насыщенности территории Российской Федерации, способствуя более четкому выявлению ключевых цивилизационных символов (КЦС), присущих каждому субъекту Российской Федерации.

Говоря об измеряемости цивилизационных показателей, следует понимать, что речь идет о достаточно большой степени формализации и, конечно же, некоторой условности процесса составления перечня таких показателей, их группировки по типам и видам. Поэтому для реализации «принципа измеряемости» возникает задача обеспечения сопоставимости и унификации данных об объектах наследия и введения соответствующих индексов и эквивалентов. Решение этой задачи лежит в плоскости определения сопоставимости показателей территориального распределения статуированных цивилизационных ценностей, в том числе и для последующей картографической интерпретации. При этом акцент делается на материальные объекты культурного и природного наследия, которые рассматриваются как материальные носители цивилизационной информации, цивилизационные знаки, материальные компоненты коллективной исторической памяти. Выявление особенностей и уровня цивилизационной насыщенности социокультурного и демографического пространства территории Российской Федерации материальными компонентами цивилизационно-ценностного характера в рамках сетки административного деления должен базироваться на фактологической и статистической базе показателей для последующего создания цивилизационного фона не только в картографическом, но и в матричном отображении. Поэтому вполне правомерна постановка вопроса о создании своеобразной геокультурной матрицы российской цивилизации с показом в ней КЦС по каждому из 85 субъектов Российской Федерации в форме слогана и графического изображения (рисунок, фото, символ) и по отдельным направлениям цивилизационной значимости: культура, история, археология, архитектура, этнос, религия, наука, природные богатства и объекты. В предлагаемой концепции цивилизационной матрицы важно также показать и наиболее опасные источники антропогенной экологической угрозы

для цивилизационных ценностей региона (например, алюминиевые заводы в Братске и Красноярске). Формирование геокультурной матрицы России может строиться на основе привлечения высококвалифицированных экспертов по каждому из названных цивилизационно значимых направлений — историков, писателей, этнографов, географов, археологов, искусствоведов и т. д. На первом этапе такая матрица будет двухмерной (85 регионов х 10 цивилизационных направлений), однако в дальнейшем она может приобрести трехмерный вид с добавлением временнóго показателя для каждого отдельного КЦС и региона. При соответствующем программном обеспечении на электронной версии цивилизационной карты России, составленной с использованием многомерной объемной геокультурной матрицы, появится возможность широкой демонстрации и эффективного продвижения российских цивилизационных ценностей, показывая их разные грани по тому или иному КЦС в региональном разрезе, что в сумме составит многовариантную масштабную и объемную картину совокупности цивилизационных региональных образов как важного предпосылочного компонента процесса брендирования российских регионов и придающее этому процессу необходимую устойчивость.

Сбор материалов, исходных данных может осуществляется в форме специальных таблиц, отражающих совокупность количественных показателей по каждому из 85 субъектов РФ, что открывает поле деятельности для математических расчетов по введению эквивалентов и для перевода количественных показателей в условные показатели для дальнейшего соотнесения и сопряжения их с геоэкономическими и демографическими данными по каждой территории, последующим вычислением индексов цивилизационной насыщенности и информативности по каждому из субъектов РФ, их ранжированию для дальнейшей матричной и картографической интерпретации.

Таким образом, геокультурная матрица российской цивилизации в сочетании с картой цивилизационной насыщенности регионов России, наглядно демонстрирующая и отражающая количественные и качественные характеристики региональных совокупностей материальных объектов культурного и природного наследия, могут стать конкретным инструментом вовлечения культурного и природного наследия не только в процесс брендирования обширных терри-

торий субъектов РФ, но и успешно использоваться в мероприятиях образовательного и воспитательного характера, направленных на повышение уровня цивилизационной идентичности регионов РФ, способствуя тем самым продвижению России в мировом геополитическом пространстве и противодействию социокультурным угрозам и идеологическому экстремизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации (Электронный ресурс). URL: http://mkrf.ru/info/foundations-state-cultural-policy/ (дата обращения 22.04.2017).

Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (Электронный ресурс). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 14.05.2018).

Единый государственный реестр объектов культурного наследия. Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации: (Электронный ресурс). URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/ (дата обращения: 14.05.2018).

Культурный ландшафт как объект наследия (2004) / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М. : Институт Наследия; СПб. : Дмитрий Буланин. 620 с.

Миронов, А. С. (2016) Экология культуры и приоритет гуманитарных ценностей как основание культурной политики государства // Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации на период до 2030 г. Проект / Е. В. Бахревский, Т. В. Беспалова, О. А. Закунов, А. С. Миронов. М. : Институт Наследия. 136 с. С. 129–131.

Путрик, Ю. С., Соловьев, А. П., Царьков, П. Е. (2015) Культурное и природное наследие как важный фактор патриотического воспитания молодежи в Российской Федерации // Журнал института наследия. № 2. С. 1–15.

Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации на период до 2030 г. Про-

ект (2016) / Е. В. Бахревский, Т. В. Беспалова, О. А. Закунов, А. С. Миронов. М. : Институт Наследия. 136 с.

Путрик Юрий Степанович — заведующий кафедрой туризма и гостиничного дела Московского гуманитарного университета, руководитель Центра социокультурных и туристских программ Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, доктор исторических наук.

Применение концепций умного города в стратегии развития туризма

Т. И. Григорьева
Московский гуманитарный университет

Статья посвящена рассмотрению влияния урбанизации и концепции smart city на экономику туризма. Выделены характеристики «умных городов», являющиеся мотиваторами туристских поездок. Приводятся примеры применения интеллектуальных технологий «умного города» в сфере туризма. Описывается современная география «умных городов».

Ключевые слова: экономика услуг; потребительская мотивация; интеллектуальные технологии; концепция smart city; туристская дестинация

«УМНЫЕ ГОРОДА» КАК ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ТУРИСТСКИЕ ДЕСТИНАЦИИ

Глобальные города распространяют свое влияние за пределы национальных территорий, они способны притягивать потоки людей, знаний и капитала. Накапливая экономический и интеллектуальный потенциал, глобальные города становятся крупными культурными и туристскими центрами. Это уже отдельные туристские дистанции, в которых взаимодополняют друг друга высокие технологические возможности туристкой инфраструктуры и представляющие туристский интерес объекты и события. Очевидно, что формирование туристского продукта, на основе столь качественных и разнообразных туристских ресурсов, представляет большой интерес для туристского предпринимательства.

Термином «глобальный город», по определению Питера Холла (1966), обозначаются города, где находится непропорционально высокая доля экономических и политических институтов, которые принимают значимые решения, оказывающие влияние на крупные региона мира или на весь мир в целом. Основываясь на географическом масштабе влияния региональных и глобальных центров, города, обслуживающие глобальные функции человечества, подразделяются на глобальные города различного порядка и региональные мегаполисы. По составу глобальных функций (политических, экономических, финансовых, торговых) выделяют глобальные города

первого и второго порядка (Дж. Фридман, 1986). Под воздействием научно-технического прогресса города, как пространственные общественные структуры, меняют свою организацию. В настоящее время на специфику пространственного развития крупных городов в большей степени влияют интеллектуальные технологии, нежели способы политического управления.

Интеллектуальные технологии в первую очередь внедряются в те сферы экономики, где эффект от них наиболее очевиден, например, электроэнергетика, транспорт. Несмотря на то, что отрасль туризма пока слабо вовлечена в использование технологий искусственного интеллекта, синергетический эффект может быть достигнут через развитие в этом направлении смежных отраслей, таких как: телекоммуникации (развитие электронной коммерции и цифрового маркетинга); автомобильный транспорт (технологии, позволяющее туристу планировать и осуществлять безопасные автомобильные поездки); индустрия развлечений (появление технологических новинок стимулирует туристский спрос и создает новый туристский продукт). Интеллектуальные технологии быстро развиваются в пространстве крупных агломераций, что, соответственно, меняет как повседневную жизнь человека, так и среду для путешествий. Наиболее стремительными темпами растут такие виды туризма, реализация которых требует современной городской инфраструктуры. Это — деловой, конгрессно-выставочный, событийный, образовательный и медицинский туризм.

На сегодняшний день нет четких критериев, по которым можно было-бы оценить тот или иной город, как smart city, и это логично. Поскольку с развитием технологий количество критериев будет увеличиваться, какие-то критерии будут доминировать, а другие будут находится в процессе развития. «Умный город» представляет собой концепцию интеграции нескольких интеллектуальных технологий. Назовем некоторые, позволяющие отнести город к разряду smart city:

- создание системы энергоэффективности;
- управление отходами;
- использование технологий больших данных (big data) и облачных вычислений;
- использование smart-контрактов и технологии блокчейна;
- использование Интернета вещей (Internet of Things — IoT);

- внедрение новых технологий связи (5G);
- использование технологий виртуальной, дополненной и смешанной реальности;
- применение робототехники в производстве и обслуживании;
- внедрение систем безопасности городской среды.

Выделим среди критериев Smart City, и признаков глобальных городов такие характеристики, которые могут послужить мотивацией при выборе туристской дестинации для современного путешественника:

I. Транспортные узлы, интеллектуальные технологии на транспорте, беспилотный транспорт. Воротами глобального города являются транспортные узлы / хабы. Пропускная способность аэропортов, портов и вокзалов является одним из источников роста туристских прибытий в агломерацию. Транспортная доступность, как одно из условий экономического развития, в туристской сфере имеет первостепенное значение. Удобство перемещений проявляется в присутствии большого количества международных перевозчиков, современной инфраструктуре транспортных узлов, позволяющей эффективно сочетать различные виды транспорта, сокращать время перемещения и повышать уровень комфорта, что в целом позволяет расширять спектр туристских услуг и служит сильными мотиваторами выбора дестинации уже не только для деловых путешественников, но и на рынке массового туризма. Применение интеллектуальных технологий на транспорте направлено с одной стороны, для оптимизации работы транспортной инфраструктуры, а с другой, для предоставления большего комфорта для путешественника. В транспортной сфере широко применяются интеллектуальные технологии первого порядка, способные самостоятельно решать конкретные задачи, подстраиваясь под изменения внешней среды. Это, в первую очередь, беспилотный транспорт, системы навигации с пользовательским интерфейсом, позволяющим потребителям интуитивно ориентироваться, совершать заказ и оплату услуг. В будущем ожидается использование интеллектуальных систем, объединяющих каждую транспортную единицу в единую интеллектуальную систему для решения задач всей транспортной системы города или транспортного узла.

2. Присутствие международных платежных систем и расширение способов оплаты. Одной из характеристик глобального

города является присутствие офисов крупных компании, в том числе финансовых. Для туриста, путешествующего по всему миру, большое значение имеет возможность беспрепятственной и выгодной оплаты по банковским картам и альтернативным платежам. Препятствия в удобстве оплаты основных и дополнительных туристских услуг могут быть демотиваторами покупки. Так, например с ростом доли въездного рынка китайского туризма в Россию, возникла необходимость обеспечения возможности осуществления платежей через китайскую платежную систему UnionPay. На сегодняшний день в России более 85 % POS-терминалов и банкоматов принимают карты UnionPay, более пятидесяти объектов туристкой индустрии, магазинов и развлекательных компаний предоставляют скидки и привилегии при оплате по карте этой платежной системы[7]. Для предприятий туристской индустрии и торговли, обслуживающих китайских туристов, прием платежей через эту систему стал одним из необходимых условий получения знака качества при добровольной аттестации по программе China Friendly. На данный момент участниками программы China Friendly являются компании из двадцати четырех городов России[8].

3. Объекты городской и туристской инфраструктуры, построенные по стандартам экологического строительства и устойчивого развития. Экологическое строительство основано на стандартах добровольных систем сертификации зданий, некоторые из которых вошли в обязательные требования при строительстве во многих странах мира. Принцип экологического строительства предполагает снижение количества бытовых отходов на этапе возведения зданий, применение норм, нацеленных на экономию энергопотребления и водоснабжения, что снижает ущерб для экологии и дает возможность жить в комфортных условиях. По этому принципу строятся современные спортивные объекты, вокзалы, отели и бизнес-центры, являющиеся частью инфраструктуры международного туризма.

Примерами комплексных экогородов являются Масдар в Арабских Эмиратах и Хоугуань Лейк в Китае. В июне 2018 г. был открыт первый пятизвездочный экокурорт Kalba Kingfisher Lodge, созданный по проекту Управления эмирата Шарджи по

[7] https://unionpayintl.com/cardholderServ/serviceCenter
[8] https://chinafriendly.ru/

инвестициям и развитию. Отель построен на территории мангрового заповедника и состоит из тентовых домиков, спроектированных в соответствии с мировыми стандартами «зеленого» и устойчивого строительства. Строительные работы были перенесены за пределы заповедника с последующей транспортировкой и установкой готовых конструкций, применены экологически чистые методы утилизации строительных отходов.

В России на сегодняшний день международным стандартам экологического строительства соответствуют несколько объектов, среди которых: ледовый дворец «Большой», стадион «Фишт», «Открытие Арена», вокзалы «Адлер» и «Олимпийский парк». Самым «зеленым» и инновационным зданием в России является общественно-деловой комплекс в Санкт-Петербурге «Лахта-Центр». Претендентом на звание комплексного экогорода, применяющего LEED стандарты[9] в строительстве, системы «умный дом» и экологический транспорт, можно назвать территорию «Сколково» (Куликовская, 2017).

4. Деловые и политические события международного и регионального масштаба. Стремясь стать региональным мегаполисом международного значения, города ставят задачу увеличивать свою деловую активность и политическую значимость. С этой целью крупные города и агломерации вступают в конкурентную борьбу за проведение на своей территории мероприятий международного масштаба. Наращивание деловой и политической активности территории имеет значение для внутреннего экономического развития территории и ее способности влиять на географическое окружение. Территория, принимающая событие, помимо инфраструктурных объектов, приобретает межкультурные коммуникации, создавая на долгие годы положительный туристский имидж территории, который необходимо подкреплять постоянно.

СОВРЕМЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ «УМНЫХ ГОРОДОВ»

Форум интеллектуального сообщества (Intelligent Community Forum), объединяющий сотни городов и регионов мира с целью сотрудничества в области экономического развития и обмена опытом, с 2002 г. публикует рейтинг городов Smart21. Из списка 21 претен-

[9] LEED — американский стандарт, применяемый в строительстве, отражает эффективность ресурсопотребления и здоровья человека внутри здания.

дентов ежегодно выбираются Топ-7 интеллектуальных сообществ года. За последние 5 лет в Smart21 входят преимущественно города Канады, США, Австралии, Тайваня, Великобритании. Столица России вошла в этот рейтинг лишь однажды в 2017 г., заняв 6 место в Топ-7. Семерку интеллектуальных сообществ в 2018 г. возглавляет финский Эспоо, в нее также вошли тайваньские Чиайи, Тайнань, Таоюань, канадские Гамильтон, Виннипег и австралийский Ипсвич (Krisman, 2018: Электронный ресурс).

Стоит отметить, что тайваньский Чиайи, принимающий 440 тыс. туристов ежемесячно, вошел в рейтинг интеллектуальных сообществ благодаря в том числе инновациям в развитие туризма как экономической сферы. Туристов в Чиайи привлекают промышленные градообразующие объекты, такие как Chinyi Eggs Technology (производство яиц) и Huashih Co. (органическая бытовая химия и косметика). Обе эти компании рассматривают туризм как одну из сфер своей экономической деятельности, создавая помимо основного продукта туристский продукт, т. н. «туристские фабрики», предлагая экскурсии на производство и сувенирную продукцию. Таким образом, с помощью государственных инвестиций и городского участия крупнейшие производства превратились в объекты туристского интереса.

Агентство Government Technology в своем исследовании «Эволюция умных городов и подключенных сообществ» называет Азию глобальным лидером по количеству городов будущего, приводя данные о том, что с 2013 по 2016 г. проекты Smart City выросли на 30 %. Сонгдо, Фудзисава, Сингапур, Гонконг, Наньша — города Юго-Восточной Азии, лидеры в развитии концепции «умного города». В 2016 г. Сингапур был выдвинут компанией Juniper Research на звание лучшего «умного города» (Федорова, 2017: 51). Эксперты в области урбанистики также называют Сингапур грамотно организованной агломерацией, абсолютно комфортной для человека. С 2017 г. правительство Сингапура собирает все имеющиеся ресурсы для превращения Сингапура в «умную нацию». Благодаря платформе Smart Nation оптимизируются процессы предоставления услуг, переводя их на боле качественный уровень, стремясь реагировать на потребности граждан в реальном времени (Smart Nation & Digital Government: Электронный ресурс).

Учитывая рост туристских потоков в глобальные города и высокотехнологичные агломерации, можно предположить, что растущий туристский интерес в эти дестинации способен повлиять на географию туристских прибытий в мире.

ОРИЕНТАЦИЯ НА ЧЕЛОВЕКА — ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП КОНЦЕПЦИИ SMART CITY

Сегодня мы находимся в начале самой быстрой урбанизации человечества: в связи с увеличением скорости и объема информационных потоков меняется структура общества, механизмы управления обществом, наблюдается смена поколений с совершенно другой психологией и новыми моделями поведения — так называемый «цифровой человек» (Трушкова, Григорьева, 2018: 89). Для нового типа путешественника на первый план выступают такие преимущества территории, как бесперебойное сетевое покрытие и реализация права доступа к мобильной сети. Покупательские модели современного потребителя туристских услуг требуют «знакомого качества» доступа к поиску туристской информации, наличие онлайн-среды для совершения покупки туристского продукта или услуги (Григорьева, 2018: 28). Интеллектуальные технологии формируют потребительские привычки путешественников. Основной мотивацией путешествий в умные города становятся такие их характеристики как комфортность и безопасность среды. Именно клиент, с его меняющимися потребностями, заставляет искать новые подходы в организации стратегического планирования туристской отрасли территории. Концепция Smart City формирует новые качества городской среды. Все большее количество городов внедряют эту концепцию, превращаясь в города потребления, в которые увеличиваются туристские потоки. Экономические процессы в мегаполисах и крупных агломерациях ускоряются. Высвобождение свободного времени приводит к увеличению доли услуг в экономике, росту предприятий сферы услуг и повышения спроса на услуги.

Очевидно, что основные принципы, реализуемые в концепции умного города, делают городское пространство привлекательной средой для развития туризма и способствуют привлечению визитеров. Интеллектуальные технологии, применяемые в «умных городах», могут стать основой для стратегии туристского развития определенной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Григорьева, Т. И. (2018) Влияние информационных технологий и урбанизации на экономику туризма // Влияние туризма на развитие территорий: корректировка целей и ценностей : мат. Международной науч.-практ. конф., г. Москва, 28–29 марта 2018 г. / отв. ред. и сост. Ю. С. Путрик. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 205 с. С. 26–35.

Куликовская, А. (2017) Ставка на экологию // Стратегия. № 2 (27). С. 20–23.

Трушкова, Е. А., Григорьева Т. И. (2018) Туризм и экономика территорий: ключевые тенденции и факторы развития // Влияние туризма на развитие территорий: корректировка целей и ценностей : мат. Международной науч.-практ. конф., г. Москва, 28–29 марта 2018 г. / отв. ред. и сост. Ю. С. Путрик. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 205 с. С. 85–91.

Федорова, Г. (2017) Азиатский регион: технологии чуда // Стратегия. № 2 (27). С. 48–51.

Krisman, V. (2018) From smart city to intelligent community [Электронный ресурс] // Intelligent Community Forum. May 16. URL: https://www.intelligentcommunity.org/from_smart_city_to_intelligent_community (дата обращения: 12.06.2018).

Smart Nation & Digital Government [Электронный ресурс] // Government Technology Agency of Singapore (GovTech). URL: https://www.tech.gov.sg/Digital-Government-Transformation/Smart-Nation-and-Digital-Government (дата обращения: 12.06.2018).

Григорьева Татьяна Игоревна — старший преподаватель кафедры туризма и гостиничного дела Московского гуманитарного университета.

К методологии исследования информального образования молодежи

Н. А. Селиверстова
Московский гуманитарный университет

В статье рассматриваются некоторые вопросы методологии и методики исследования информального образования молодежи. Анализируются возможности дневника читателя в сочетании с полустандартизированным интервью в исследовании информального образования.

Ключевые слова: информальное образование; молодежь; методология и методика исследования информального образования; дневник читателя; полустандартизированное интервью; эксперимент по исследованию информального образования

В России, по данным всероссийских переписей 2002 и 2010 г., фиксируется рост уровня образования населения в возрасте 15 лет и старше. Эта тенденция характерна для лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование (Образование в цифрах: 2016: 10). На фоне данной тенденции исследователи отмечают все более усиливающееся инструментальное отношение молодежи к образованию. Статус терминальной ценности знание имеет для немногим более половины молодых людей, получающих высшее и среднее профессиональное образование (Зубок, Чупров, 2013). В информальном же образовании знание может быть как осознанной целью, так и незапланированным результатом.

Уточним, что под информальным образованием понимается двусторонний процесс а) передачи новых знаний, новых умений и навыков, б) освоения новых знаний, формирования новых умений и навыков, происходящий в повседневной жизни индивидов, социальных групп. Это знания, навыки, умения, освоенные и приобретенные во взаимодействии с членами семьи, друзьями, знакомыми или во время чтения книги, постов в социальных сетях, просмотра кинофильма, и т. д. Если формальное образование молодежи на протяжении многих десятилетий исследуется в системе объективных и субъективных показателей (Константиновский, Шубкин, 1977; Константиновский, Попова, 2018; Ключарев, 2015), то в отношении информального образования изменение дискурса профессионального со-

циологического сообщества связано с переходом от констатации факта сложности/невозможности его измерения к анализу данных качественных исследований. В настоящее время в рамках качественной методологии представлены исследования информального образования различных социальных групп. Анализ информального образования в субкультурном сообществе анархистов (Литвина, Омельченко, 2013), где роли производителя и потребителя знаний могут совпадать, показывает, что субкультура создает благоприятную среду для освоения новых знаний. Исследование проекта «Школы великих книг» (Бродовская, Домбровская, 2014) свидетельствует о новом формате информального образования, которое расширяет границы интерпретации понятия «информальное образование». Во-первых, это клубные организованные формы информального образования с «волшебным помощником», т. е. модератором, во-вторых, 12 книг первого года обучения/чтения — это научные книги, в-третьих, это платная форма, в-четвертых, организована по принципу финансовой пирамиды и т. д. Данный проект существует 5 лет и более 7000 участников в 9 городах России обсуждают прочитанные книги (Официальный сайт Школа великих книг. Электронный ресурс), значит, потребность в знаниях устойчива и велика. С одной стороны, отметим, неоднозначную реакцию интернет-сообщества в отношении названного бизнес-проекта. С другой — подчеркнем, что по-прежнему и в условиях трансформации современной медиасреды чтение сохраняет свои преимущественные позиции как образовательная технология и практика. Важно и то, что в поиске ответов на интересующие вопросы молодежь обращается к научной литературе.

Литературно-художественные издания как источник самых разных знаний (научных, религиозных, практических) получили признание внимательных читателей. Однако нужно понимать, что к чтению беллетристики молодежь, как и представители других социально-демографических групп, обращается с целью досуга, что создает некоторые сложности в процессе исследования. Исследование прерывает досуг, нарушает привычный ход чтения, даже если это заполнение дневника читателя. Дневник читателя как метод исследования принадлежит к феноменологической традиции. Познавательные возможности названного метода ограничены в первую очередь отсутствием обратной связи. Это лишь фиксация новых знаний,

впечатлений с позиций субъекта, что необходимо, но недостаточно. Данный метод оптимально использовать в сочетании с полустандартизированным интервью, которое позволяет уточнить конкретные записи в дневнике, обеспечить интерпретацию полученных результатов. Апробация упомянутых методов прошла в январе-марте 2018 г. Дневник читателя был разработан под конкретный роман (Яхина, 2015).

Ниже приводится формат дневника.

Дата чтения фрагмента	Название главы	Впечатления о прочитанном фрагменте (мысли, эмоции с привязкой к тексту)	Фиксация новых слов, понятий	Новые знания, неизвестные факты	Эмоции, вызванные этими знаниями (конечно, если они возникли)

В связи с тем, что не все знания, содержащиеся в тексте романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», могли быть осознаны и сформулированы молодежью как знания, в дневник была введена позиция «Фиксация новых слов, понятий».

Дневнику читателя, точнее необходимости его заполнения, участниками исследования были даны как негативные, так и позитивные оценки. Негативные оценки связаны с отвлечением от чтения («*…необходимость вести дневник отвлекала от прочтения книги, т.к. приходилось останавливаться и фиксировать данные в дневнике…»; «…художественная литература, в том случае если она вызывает интерес и захватывает, то параллельно вести дневник не очень удобно, если же книга не интересна, то наверно это не так сложно (правда это уже обязаловка, а не просто чтение. У меня параллельно вести дневник не получилось, я просто делал пометки на листочке, а потом уже заполнял дневник*»; *«… я слишком много думала о том, что нужно написать в дневнике, чем о самой книге. Это отвлекало от чтения и погружения в книгу. Предпочитаю анализировать в целом произведение, чем его отдельные части»*).

Позитивные оценки дневника связаны с дополнительными возможностями, которые дает дневник определенной группе читателей («*В начале заполнения дневника подумал, что пишу дольше, чем читаю. Утомляло. Излагать, особенно письменно, труднее, чем чи-*

тать. Потом освоил. Писал коротко, так, как если бы писал на полях книги для себя, и по тем вопросам, которым были соображения или эмоциональная реакция. Интересно было возвращаться к написанному, так как местами писал прогнозы, которые либо сбывались, либо нет. Где-то отмечал аналогии из современной жизни. Дневник позволил обозреть развитие романа целиком, получилось краткое содержание»; «Скорее наоборот, мне понравился такой тип работы с книгой, я задумался о ведении дневника как помощника при чтении. У меня есть привычка одновременно читать несколько книг (3–5 штук) и это должно мне помочь не теряться и сразу восстанавливать "канву" книг, к которым я возвращаюсь. Конкретно в момент чтения «Зулейхи» дневник помогал обдумать прочитанное и упорядочить свои мысли...»).

Для другой же группы читателей было сложно следовать инструкциям, данным участникам исследования, не знания и новые факты вносились в дневник, а переживания и эмоции по поводу прочитанной истории («*...Не вписала сразу по нескольким причинам: вначале хотелось больше уделить внимание эмоциям, переживаниям по конкретным фрагментам текста. Это хотелось высказать в первую очередь, это горело и требовало описания. Мысли просились на бумагу. По сравнению с этими пунктами, графы про новые знания, факты показались не такими интересными…*»).

Основной вывод по методической части исследования (по сути эксперимента): апробация дневника читателя как метода исследования информального образования прошла вполне успешно. Данный метод в сочетании с полустандартизированным интервью позволил определить критерии селекции новых знаний, полученных в ситуации повседневной жизни и исследовать доверие к ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бродовская, Е. В., Домбровская, А. Ю. (2014) Социологическое сопровождение создания клубного формирования «Школа великих книг» как средства информального образования взрослых в России // Среднерусский вестник общественных наук. № 4. С. 24–30.

Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2012) Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социол. исследования. № 8. С. 103–111.

Ключарев, Г. А. (2015) «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социол. исследования. № 11. С. 49–56.

Константиновский, Д. Л., Попова, Е. С. (2018) Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социол. исследования. № 3. С. 34–44. DOI: 10.7868/S0132162518030030.

Константиновский, Д. Л., Шубкин, В. Н. (1977) Молодежь и образование. М.: Наука. 159 с.

Литвина, Д. А., Омельченко, Е. Л. (2013) Риторика и повседневность информального образования анархистов // Вопросы образования. № 2. С. 133–153.

Образование в цифрах: 2016 (2016) : кр. стат. сб. / Л. М. Гохберг, И. Ю. Забатурина, Г. Г. Ковалева и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ. 80 с.

Официальный сайт Школа великих книг (Электронный ресурс). URL: //https://shvk.ru/ (дата обращения: 01.06.2018).

Яхина, Г. (2015) Зулейха открывает глаза : роман. М. : Изд-во АСТ. 512 с.

Селиверстова Нина Анатольевна — профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор.

Социокультурная среда социализации детей с особенностями развития на базе школы «Возможность»

М. Г. Солнышкина
Московский гуманитарный университет
Е. С. Бурлаченко
Государственный Университет «Дубна»
(г. Дубна Московской обл.)

Изучаются факторы социокультурной среды социализации детей с особенностями развития на базе специально-коррекционной школы «Возможность» и их влияние на успешную социализацию выпускников данного образовательного учреждения. Проведено эмпирическое исследование элементов социокультурной среды образовательного учреждения в оценках родителей. По его результатам реализована волонтерская программа культурной социализации детей с особенностями развития.

Ключевые слова: дети с особенностями развития; социокультурная среда; факторы социокультурной среды; культурная социализация

Актуальность изучения проблем социализации и воспитания молодежи обусловлена деформацией ценностных ориентаций под влиянием социальных трансформаций современного общества, неоднозначностью ситуации жизненного самоопределения молодежи (Ковалева, 2004: 139). Освоение социальности молодым человеком подвержено многочисленным влияниям и составляет сложный и противоречивый процесс, влияние на который оказывает ценностный мир личности, формируемый в определенной социокультурной среде (Луков, 2008: 22). Для детей с особенностями развития современная социокультурная среда образовательного учреждения — еще одна возможность их успешной социализации, саморазвития и самореализации, создания условий для образовательного и культурного личностного становления.

Социокультурная среда — это сложная структура материальных, духовных и общественных условий, в которых реализуется деятельность человека. Социокультурная среда является существенным условием развития личности, так как она наполнена определенным культурным содержанием, раскрывающемся через культурные

универсалии (Бурдаковская, Михайлюк, 2013: 242–249). Социокультурная среда Муниципального бюджетного учреждения «Общеобразовательная школа «Возможность» для детей с ограниченными возможностями здоровья (существует с 1991 г.) есть совокупность условий, в которых осуществляется жизнедеятельность субъектов образовательного пространства в условиях интервальной интеграции внутри системы специального обучения. Основными задачами школы являются:

оказание комплексной медико-психолого-педагогической и социальной помощи обучающимся (воспитанникам) с ограниченными возможностями здоровья, испытывающим трудности в социальной адаптации и усвоении образовательных программ;

осуществление индивидуально ориентированной педагогической, психологической, медицинской, социальной и юридической помощи обучающимся (воспитанникам) с ограниченными возможностями здоровья, а также семьям, в которых они воспитываются;

создание благоприятных условий, приближенных к домашним, способствующих умственному, эмоциональному и физическому развитию личности;

коррекция отклонений в развитии обучающихся (воспитанников) средствами образования и трудовой подготовки;

создание благоприятных условий для развития личности;

формирование общей культуры личности обучающихся (воспитанников) на основе усвоения обязательного минимума содержания специальных образовательных программ, их адаптации к жизни в обществе.

Следует отметить, что успешная социализация детей с ограниченными возможностями зависит от многих факторов. Влияющим фактором может выступать не только степень имеющихся физических и психических нарушений, но и уровень эффективности учебных программ и технологий, учитывающих эти нарушения, а также система отношений в образовательной сфере и качество социокультурной среды образовательного учреждения.

Факторы, затрудняющие социализацию детей с ограниченными возможностями здоровья, приводят к развитию у них социальной недостаточности (неготовность к самообслуживанию; физическая зависимость от взрослых; ограничение мобильности; неспособность адекватно вести себя в обществе; недостаточная способность зани-

маться деятельностью, соответствующей возрасту; низкая экономическая самостоятельность; неготовность к профессиональной деятельности и интеграции в общество) (Зиатдинова, 2013: 18–19). Данные показатели социальной недостаточности использовались нами при анализе факторов социализации детей с особенностями развития в социокультурной среде образовательного учреждения (ценностно-ориентационной, информационной, предметно-пространственной составляющих — устойчивых элементов, сфер жизнедеятельности). Они явились основой эмпирического измерения качества социокультурной среды социализации детей с особенностями развития на базе школы «Возможность» в оценках родителей как экспертов условий жизнедеятельности детей и законных представителей их интересов (20 человек — родители обучающихся детей в школе «Возможность» — 76% от генеральной совокупности, октябрь, 2016 г.).

По результатам проведенного анкетирования родителей детей с ограниченными возможностями были получены характеристики отдельных элементов социокультурной среды образовательного учреждения (аспект — социализация детей с особенностями развития).

Таблица 1. Элементы социокультурной среды образовательного учреждения в оценках родителей детей с особенностями развития

	Элементы социокультурной среды	Положительная оценка данного элемента социокультурной среды (% родителей)
1.	Сплоченность детского коллектива	40
2.	Доброжелательное отношение педагогов к детям	50
3.	Объективность оценки достижений детей и справедливость оценивания	80
4.	Учет индивидуальных особенностей детей	50
5.	Организация мероприятий в школе	55
6.	Забота о физическом развитии и здоровье детей	55
7.	Формирование достойного поведения	55
8.	Подготовка к самостоятельной жизни	55
9.	Обучение решению жизненных проблем	60
10.	Формирование культуры общения	75

Полученные значения характеристик ряда элементов социокультурной среды образовательного учреждения, несущих смысло-

вую и ценностную нагрузку на уровне 40–55% (сплоченность, организация мероприятий, забота о физическом и здоровье детей, формирование достойного поведения, подготовка к самостоятельной жизни) мы рассматриваем как результат социальной диагностики факторов социокультурной среды, ответственных, прежде всего, за культурную социализацию детей с особенностями развития. Отметим, что культурная социализация придает целостность общем процессу социализации, интегрирует его составные части и дает основное направление общему процессу социализации (Луков, 2007).

Результаты изучения социокультурной среды образовательного учреждения обусловили целесообразность реализации волонтерских программ студенческой молодежи Университета «Дубна» на базе специально-коррекционной школы «Возможность» как фактора культурной социализации детей с особенностями развития. Молодежное волонтерство студентов кафедры социальной работы реализовывалось преимущественно в виде культурно — досуговых мероприятий «Дубна-Наукоград. 60 лет»: познавательно-развивающих (беседы и презентации «Дубна — город мирного атома», «История возникновения 8 марта как праздника женщин», квест «Защита прав потребителей»); художественно-эстетических (посещение культурно-исторического выставочного центра «Светоч»); спортивных (программы в спортивных учреждениях г. Дубны «Олимп», «Радуга», «Карасик») (Солнышкина, 2015: 41–49). Культурно-досуговые мероприятия как продукт волонтерской деятельности создают условия для организации свободного времени, реализуют потребности учащихся, формируют социально-ценностные ориентации. Досуговую деятельность принято понимать как осознанную и направленную активность человека, в которой удовлетворяются потребности в познании собственной личности и социальной действительности, в результате чего повышается способность к самовыражению и удовлетворению личностных интересов. В отношении детей с ограниченными возможностями культурно-досуговая деятельность на базе школы «Возможность» представляет собой процесс создания условий для организации свободного времени, реализации потребностей и интересов обучающихся, обладающий личностно-развивающим характером, социально-ценностной ориентацией и направленный на самореализацию.

Таким образом, волонтерская деятельность студенческой молодежи, использующая социализирующие возможности социально-культурной деятельности, является фактором культурной социализации. Участие в различных видах досуговой деятельности рассматривается нами как необходимое условие социализации, самоутверждения и самореализации инвалидов. Важнейшей характеристикой волонтерских мероприятий, влияющих на качество социокультурной среды, является их интегративность — объединение различных форм социально-педагогической деятельности, выражающих сущность студенческого волонтерства (технологии «подросток — подростку», «ровесник — ровеснику»). Их реализация оптимизирует условия личностного становления, приобщения к культуре, способствует социальной адаптации, закладывает следующие этапы образовательной и профессиональной социализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурдаковская, Е. А., Михайлюк, К. Е. (2013) Социокультурная среда ВУЗа в представлении русских и китайских студентов (Электронный ресурс) // Материалы 63-й научно-практической конференции преподавателей и студентов. URL: https://irbis.amursu.ru/cgi-bin/irbis64r_11/cgiirbis_64.exe (дата обращения 22.06.2018).

Зиатдинова, Г. Р. (2013) Социализация детей-инвалидов средствами социально-культурной деятельности : дис. … канд. пед. наук. Казань.

Луков, А. В. (2007) «Картины мира» молодежи как результат культурной социализации в условиях становления глобальных систем коммуникаций : дис. ….канд. социол. наук. М.

Луков, В. А. (2008) Молодежь в свете перспектив человека и общества // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 21–31.

Ковалева, А. И. (2004) Социализация // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 139–143.

Солнышкина, М. Г. (2015) Реализация волонтерского потенциала студенческой молодежи как итог социального проектирования (Электронный ресурс). URL: http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/49 (дата обращения 22.06.2018).

Солнышкина Марина Георгиевна — профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор.

Бурлаченко Евгения Сергеевна — магистр социологии, профиль: социология социальной работы в системе социальных служб, кафедра социальной работы Государственного Университета «Дубна» (г. Дубна Московской обл.).

Экзистенциальный Другой в культуре постсовременности

Е. Н. Шапинская
Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма

В статье рассмотрена проблема Другого как одна из важнейших философских проблем современной культуры. Проведен анализ экзистенциального Другого как архетипичной фигуры, обретшей новые формы в культуре постсовремнности. Приведены примеры из области философской рефлексии, литературы и форм массовой культуры, показывающие интерпретативные стратегии по отношению к образу Другого в различных культурных формах.

Ключевые слова: Другой; философия культуры; репрезентация; постсовременность; массовая культура; рефлексия

Тема Другого является весьма важной в философии культуры. В (пост)современной культуре интерес к ней не утрачивается, несмотря на постулируемую постмодернизмом деконструкцию бинарных оппозиций. Напротив, эти оппозиции проявляют тенденцию к восстановлению, иногда в новых формах. Соответственно, тот или иной тип «другости» приобретает большую или меньшую актуальность в зависимости от социокультурного контекста.

Встреча с Другим происходит чаще всего в пространстве репрезентации. Именно многочисленные репрезентации в самых разных видах текстов культуры — литературных, визуальных, экранных — формируют представления о Другом в сознании аудитории. Такое преобладание репрезентации обусловливается во многом медиатизированным характером (пост)современной культуры, где реальный мир зачастую подменяется медиаобразами. Медиапространство заполнено самыми разными образами Другости, которые конструируются не случайно, а по определенным правилам и с определенной целью. Это и определяет тот образ Другого, который сложится у читателя, слушателя или зрителя и станет основой отношения к «другости» в реальной жизни. Многие тексты, которые исторически связаны с реалистической репрезентацией, подверглись новой интерпретации в контексте модернизма, а затем постмодернизма. Репрезентации Другого в различных культурных формах являются, с одной стороны, некоторой моделью социальной реальности,

с другой — конструктом, который во многом становится средством формирования представлений о Другом в обществе. Этот конструкт основан на политике репрезентации, связан со многими культурными, социальными, идеологическими и политическими факторами, которые влияют на то, как представлен Другой в культурных текстах.

Сопоставляя академический дискурс Другого с его репрезентациями в самых доступных текстах массовой культуры, можно увидеть, как совпадают тенденции, формирующие отношение к Другому, как работают стратегии присвоения и отторжения на уровне текста, что, в свою очередь, воплощается и в реальную жизнь. В пространстве интертекстуальности, распространившемся на всю (пост)современную культуру, Другой принимает разные облики, совмещает различные черты и утверждает право на Голос, даже в том случае, если это не связана ни с какой видимой реальностью. «Особенность т*екстов о Другом* заключается в том, что ощущение специфики субъективности *Другого* входит в самосознание культуры, тексты способны накапливаться, пересекаться, влиять друг на друга, порождать новые семантические и символические ряды, цепочки смыслов, которые актуализируют разные качества *друговости*, в зависимости от потребностей общественной и политической ситуации» (Суковатая, 2009: 461). Анализируя тексты из различных областей культуры, мы понимаем, что модели «другости», представленные в них, не однозначны, их восприятие во многом определяется контекстом, а сами образы Другого не являются «чистыми» типами. Постсовременная культура, в которой процессы глокализации сделали многих Других привычными фигурами, а «другость» — одним из товаров потребительского рынка, создает все более фантастические образы, чтобы удовлетворить потребность человека в Другом.

Важным фактором в репрезентации Другого является методологическая позиция автора. Основные подходы к Другому, встречающиеся в исследовании проблем «другости» в разные периоды, можно обозначить как эволюционизм, универсализм и культурный плюрализм. От того, какой подход доминирует в данный период, зависит и смысловое содержание образа Другого. Иногда субъектная позиция бывает прозрачной, иногда определить ее бывает не просто, особенно в случае постмодернистских текстов с их семантическим

плюрализмом. В области массовой культуры заложенные в текст смыслы более «прозрачны», поскольку представленные в них модели должны быть понятны и убедительны для самой широкой аудитории.

Получившее широкое распространение в постмодернистской культуре понятие Голоса Другого вошло и в сферу репрезентации, где Голосом наделяются не только этнические или сексуальные меньшинства, но и существа, принадлежащие к миру природы или воображения. Попытки понять их язык становятся еще одной областью репрезентации Другого, в которой изменение субъектной позиции практикуется весьма широко. «Стать на позицию Другого» — вот стратегия, которая весьма востребована в (пост)модернистской культуре и является альтернативой традиционной бинарной схеме отношения к Другому как Отторжения/Присвоения.

Наряду с этим делаются попытки оформить отношения с Другим в рамках интерсубъективности, что является весьма перспективным подходом в культуре, прошедшей постмодернизм и стремящейся к созданию новой целостности, где Другому будет отведено достойное место. Устойчивость Другого как категории культуры, проявляющейся в различных формах в различные эпохи дает основания говорить об его архетипическом характере. Образы Другого из прошлого могут обретать новые смыслы и становиться востребованными в различных контекстах, прочитываясь в соответствии с социокультурными доминантами эпохи. Этот процесс можно наблюдать при анализе интерпретации текстов различных периодов в культуре периода конца XX — начала XXI в., а также при «переводе» одного языка культуры на другой. Гетерогенность Другого дает ему в этом случае быть прочитанным и понятым с помощью иного культурного кода, что может полностью изменить первоначальный смысл.

В то же время, создаются все новые тексты о Другом, не основанные непосредственно на образцах прошлого, но воплощающие все модели отношения к «другости», на которых основаны различные рефлективные направления как прошлого, так и настоящего. Другой, таким образом, является категорией универсальной, но в то же время изменчивой, поскольку он создается в зависимости от субъектной позиции, Конструируется нашим «Я». Чем более сложный характер принимает это «Я» (в наше время «расщепление» субъекта отражено в понятии «множественная идентичность»), тем

более сложные и причудливые формы приобретает образ Другого. Отсюда «движение» репрезентации от традиционных этнокультурных и гендерно обусловленных Других к фантазийным образам, заполнивших популярную культуру.

Одним из наиболее важных типов «другости», являющимся наиболее антропологически универсальным, можно считать экзистенциального Другого, архетипическую фигуру, встречающуюся в разные времена в разных культурах, которая позиционирует себя как таковой по собственному выбору и в то же время утверждает свой субъектный статус. Утверждая себя через оппозицию «Я» и «Не-я», этот субъект рассматривает весь мир как тотальное «Не-Я», являясь, в свою очередь», вечным Другим по отношению к коллективному субъекту. Такой Другой — личность, не вписывающаяся в общество, противопоставляющая себя общепринятой системе норм и творящая свой собственный универсум по своим собственным правилам всегда был основой многочисленных репрезентаций. В основе противопоставления такой необычной личности культуре большинства лежит оппозиция «Мы» и «Я», коллективная или групповая идентификация в противовес индивиду, который находит в себе смелость остаться за пределами сообщества.

В области теоретической рефлексии интерес к такому виду «другости» проявился наиболее ярко в экзистенциализме. Работы выдающихся мыслителей XX в. — Ж.-П. Сартра, А. Камю, М. Хайдеггера — возвысили «другость» до важнейшей философской проблемы. Творчество Ж.-П. Сартра представляет особую важность для нашего исследования, так как именно он вел понятие Другого в академический дискурс, сделав «другость» основным понятием своей работы «Бытие и ничто» (1943). В универсальной модели «другости», предложенной Сартром, заключены «…все модели *другости*, которые Сартр реализовывал в собственных телесно-культурных практиках. Работы Сартра содержат в себе “зародыши” почти всех современных тематизаций и дискурсов *Другого*: будущего черного постколониального *Другого* Э. Саида и Х. Бхабхи, гендерного и сексуального Другого Симоны де Бовуар и Мишеля Фуко, “еврея как *Другого*”, “африканца как *Другого*”» (там же: 321).

Столь важный с точки зрения философии культуры, экзистенциальный Другой, несмотря на его важность для теоретической рефлексии, не так «видим» или «ощутим» как объект для создания лите-

ратурного или экранного образа, как другие виды «другости». Его «другость» — внутреннее качество, а ее внешние манифестации сложно выделить из других проявлений неконформизма, которые могут быть чисто внешним стремлением «выделиться из толпы» (как это происходит с субкультурным Другим). Эта «другость» является, с одной стороны, универсальным свойством человека, который может реализовываться как таковой только в отличие от Других, но только в некоторых она проявляется как основной принцип построения своего жизненного мира, становится главным качеством человека, которому не мешает противоположное стремление «слиться с толпой». Если для «обычного человека» его «другость» может проявляться в поступках, носящих для него индивидуальный смысл, но ограниченных внешними требованиями группы и социума в целом, то для отдельных личностей, которых мы и называем экзистенциальными Другими, эти ограничения не имеют никакого значения по сравнению с настоятельными требованиями собственной субъективности. В то же время, если «обыкновенный человек» создает себя как субъект благодаря взгляду Другого, для экзистенциального героя моделирование собственной личности происходит изнутри, он воплощает в себе и свою идентичность, и взгляд Другого, который заключен в нем же самом.

Таких Других мы видим в текстах культуры самых разных исторических эпох. Как правило, это образы людей творчества, поэтов, художников, чьи реальные жизненные истории становятся предметом репрезентации, нося характер восхищения, осуждения или назидания в зависимости от отношения к «другости», господствующего в культуре. Их жизненные истории интересны для различных жанров и видов текстов, от биографии до кинофильма во многом по причине драматичности судьбы этого вечного Другого, который, как правило, заканчивает уходом в инобытие, оставив после себя свою короткую жизнь для авторов многочисленных ее репрезентаций. Оговоримся, что в случае интеграции этого Другого в культуру и социум этот интерес пропадает, и его противостояние с общественной нормой становится лишь формой эпатажа. Доказательство права на вечность — лишь разрыв с жизнью, добровольный прыжок в никуда. Художник, поэт — вечный Другой культуры. С одной стороны, Поэт наделяется необычными свойствами, он воспринимается как предсказатель, пророк, с другой — он постоянно входит в противоречие

с повседневной реальностью. Культурная индустрия делает все, чтобы лишить Поэта его «другости», превратить его в культурного производителя, труженика творческих индустрий. Но личности, не укладывающиеся ни в какие рамки обыденности, появляются в разные времена и в разные эпохи. Здесь мы имеем дело не просто с оппозицией обыденности и исключительности — некоторые люди, как правило, обладающие ярко выраженными творческими способностями, — не способны и не хотят жить в повседневной реальности. Их имена и биографии входят в историю и становятся материалом для исследований и многочисленных репрезентаций не столько благодаря необычности их жизненного пути (который для многих личностей вовсе не становится началом известности, преодолевающей время) а, скорее, неизбежностью такого жизненного пути.

Анализ личности, которая может быть вполне причислена к «экзистенциальной другости», проводят Вал. Луков и Вл. Луков в своем исследовании биографии и творчества О. Уайльда, которые они называют «литературным портретом». В этом исследовании личность писателя играет важнейшую роль. «С выдвижением в истории литературы понятия «персональная модель» становится возможным выделить литературный портрет из других биографических жанров на новых основаниях: литературный портрет — литературоведческий (литературно-критический) текст, выявляющий персональную модель писателя в истории литературы» (Луков В., Луков Вл., 2008: 375). Литературный портрет Уайльда — это портрет Другого. «Несмотря на огромное количество работ об Уайльде, некоторые существенные вопросы изучения его жизни и творчества остаются малоисследованными. Это, прежде всего, касается того, что мы называем «феноменом Уайльда»: особо пристальное внимание к биографии писателя превышает внимание к его творчеству» (там же: 376). «Другость» писателя представляет больший интерес (или вызывает большее любопытство), как это бывает в случае экзистенциального Другого, который превращает свою жизнь в творческий акт (нередко трагический). Авторы «Тезаурусов» приводят в этой связи высказывание Х. Л. Борхеса о Байроне, которого он считает «поэтом второго ряда», создавшего образ более значительный, чем поэтические образы — образ самого себя. Такой образ становится востребованным в области репрезентации и легко мифологизируется. Изучение феномена Уайльда как примера экзистенциаль-

ного Другого и модели других персоналий такого рода важно, поскольку оно призвано «не только проанализировать жизнь и творчество выдающегося английского писателя в новом ракурсе, но и выявить некоторые механизмы мифологизации реальной личности в культуре XX века и возможности, которыми обладают различные разновидности «биографического жанра» для создания образа писателя» (там же: 376).

В чем же причина того, что жизнь писателя стала предметом неугасающего интереса публики, что она до сих пор привлекает своими возможностями как основы для различных репрезентаций? Как считают авторы, ответ нельзя искать исключительно в «скандальных» моментах жизни писателя: «Уникальность Уайльда не определяется только необычностью его судьбы. Ни авантюризм Дефо, ни поистине самоотверженное поведение Диккенса, ни экзотизм жизни Конрада, ни пьянство и связь с проститутками молодого Стивенсона, ни рыцарство Конан Дойля не сделали их биографии более известными, чем их книги. Если выйти за рамки английской литературы, то общая ситуация не изменится» (там же: 377). Нельзя сводить причину этой уникальности и к сексуальной ориентации писателя. Исследователи приводят целый список литературных имен, чья жизнь связана с сексуальной перверсией, что само по себе не становится предметом повышенного интереса к их биографиям. Исследуя самые разные стороны противоречивой и сложной биографии английского писателя, авторы «Тезаурусов» приходят к выводам, которые очень важны для нашего понимания экзистенциального Другого и его отличия от других странных, противоречивых, часто скандальных личностей, которых мы все же не наделяем эти статусом. «Почему же тогда возник «феномен Уайльда», почему его творчество не может оторваться от его жизни (при том, что он не писал автобиографических произведений за исключением большого письма к Альфреду Дугласу, получившего название «De profundis») и рассматриваться само по себе, вне субъективного фактора? Наиболее короткий ответ на этот вопрос мог бы звучать так: Уайльд сам этого хотел и сам этого добился» (там же: 375). Этот ответ помогает нам понять, почему некоторые биографии становятся таким привлекательным источником репрезентации — «другость» этих персонажей добровольная и неизбежная она вызвана не внешними условиями, а внутренней потребностью быть «отдельным» от современного им

общества и его культуры, а в более широком масштабе — от человечества в целом.

Во многом такие персонажи наделены характеристиками романтического героя (недаром Х. Л. Борхес прибегает к сравнению Уайльда с Байроном). Но в эпоху расцвета романтизма они воспринимались как герои, в то время как в иные, более «приземленные» времена становятся в лучшем случае «чудаками», в худшем — угрозой для общественного порядка. В любом случае, трагизм их жизненных историй становится источником репрезентаций в литературных и экранных тестах, где «другость» героя подчеркивается именно как главная черта его биографии, в то время как творческой стороне жизни уделяется весьма незначительное место.

Такова политика репрезентации в фильме «Уайльд», снятому по беллетризованной биографии Р. Эллмана режиссером Б. Гилбертом (1997). Акцент в фильме делается на роковой страсти писателя к лорду Альфреду Дугласу, которая привела его к тюремному заключению и изгнанию из общества. Тем не менее, судьба писателя — не злой рок, а жизненный выбор, продиктованный не жизненными обстоятельствами, а внутренней необходимостью. За время, отделяющее фильм от реальных событий, произошедших в жизни Уайльда, прошло около ста лет, за которые изменилось отношение ко многим явлениям, считавшимся преступлением, в частности к гомосексуализму. Неприемлемость поведения писателя является таковой в контексте викторианского общества, а поступки героя подчеркивают его независимость от общественного мнения, даже если это грозит ему ужасными последствиями. Таким образом, в аспекте сексуальных отношений вызов писателя является контекстуально обусловленным.

Если мы посмотрим, как раскрывается тема гомосексуализма в ином контексте, то увидим, что это явление стало скорее модой в кругах западной богемы, нисколько не мешающей творческому успеху, а даже ведущей к некой «героизации», примером которой может служить известность, которую Ж.-П. Сартр создал Жану Жене, превратив его из вора и «извращенца» в модного писателя. «…именно Сартр стал первым, кто превратил *гомосексуалиста в героя,* обладающего свободой, противопоставил его буржуазному обществу в качестве *Другого*, в качестве «революционера», в качестве источника нового типа субъективации» (Суковатая, 2009: 332).

Судьба «феномена Уайльда» в различных культурных формах стала отправной точкой в дальнейшем исследовании судьбы экзистенциального Другого и ее репрезентации. Как можно видеть из многочисленных исследований, отдельно взятая «аномальная» черта (такая как гомосексуализм) не может быть основой такого вида «другости». Ореол Другого как Героя создается его романтическим бунтом против реальности, выраженном в творчестве, который всегда привлекателен для людей, ведущих конформное существование, наполненное внутренним протестом и стремлением к эскапизму.

Примеры экзистециальной «другости» можно найти в самых разных текстах и формах культуры, от философских до популярных, от академических исследований до различных видов массовой культуры. «Другой» привлекателен для культурных производителей, это универсальная фигура, существующая в разных культурных контекстах и являющаяся источником репрезентаций в разных видах культурных текстов. По мере приближения к популярной культуре черты «другости» усиливаются, вплоть до гротеска, проводя идею неприемлемости и наказуемости пренебрежения общественными нормами и условностями. Из различных видов «другости» (этнокультурная, гендерная, фантазийная) именно этот наименее подвержен деконструкции, не оставляя возможностей включения Другого в культурный мейнстрим, поскольку он сам этому сопротивляется. Другой по собственной воле остается Другим, отвергая все попытки «приручить» его.

Разница в политике репрезентации в литературе и в кино также объясняется Ц. Тодоровым, проводящим границу между «литературными» и «популярными» жанрами: «Мы признаем за текстом право фигурировать в истории литературы или науки лишь тогда, когда он привносит изменения в бытововавшее до того представление о том или ином виде деятельности. Тексты, не удовлетворяющие этому условию, автоматически относятся к другой категории — категории «популярной», «массовой» литературы, если это литературные тексты…» (Тодоров, 1999: 3).

Устойчивость образа экзистенциального Другого показывает необходимость «другости» даже в глобализированном мире, в котором все виды «другости» все больше растворяются в культуре тотального консьюмеризма и всемирного информационного пространства. Даже в этой «посткультуре» есть место Другому, который ха-

рактеризуется не внешней экзотикой, а внутренним отличием от униформного, стандартизированного социокультурного контекста XXI в. Пример «живучести» такого Другого — колоссальный успех телесериала «Доктор Хаус», герой которого может быть по полному праву определен как экзистенциальный Другой, хотя он и лишен романтического флера Поэта, о котором мы говорили выше. Тем не менее, он также существует в пространстве творчества, игры, только играет он не с поэтическими строками, а с человеческими жизнями. Врач Грегори Хаус, которого играет английский актер Хью Лори (также наделенный чертами «другости» в мире шоу-бизнеса, причем не только по причине своей нестандартной внешности) выходит за рамки телесериала и становится предметом теоретической рефлексии — достаточно перечислить несколько книг, появившихся в последние годы. Одна из них — «Хаус и философия» (Хаус..., 2010) — является частью серии «Философия поп-культуры», в которой вышло большое количество книг, где тексты популярной культуры рассматриваются с позиций классической философии. Такой анализ вполне соответствует стратегиям постмодернистской теории, включающей в область своего исследовательского интереса все тексты независимо от их места в традиционной иерархии культуры. Появление ряда книг, посвященных «Доктору Хаусу» показывает востребованность странной фигуры героя сериала в современной культуре, а его «невписанность» в рамки традиционной этики дает возможность говорить о его «другости». Само появление такого количества вербальных текстов, созданных на основе текста экранного, причем не в формате «большого кино», а в популярном формате телесериала подтверждает то, о чем мы говорили ранее — то, что позиция «первичности» в производстве текстов переходит к текстам экранным. Интересно также то, что на основе сериала создан не «фикциональный» текст (как это бывает часто в случае успешных фильмов), а сделаны попытки отрефлексировать успех сериала и его героя. В результате создается новое дискурсивное пространство, отличающееся от традиционного (литературный первоисточник/ экранная версия).

Экзистенциальная «другость» Хауса подчеркивается отсылкой к Сартру: «Подобно сартровским произведениям «Бытие и ничто» и «Нет выхода», «Доктор Хаус» подтверждает мысль, что люди нуждаются в других не только физически (что очевидно), но и психологически (что не столь очевидно, но не менее важно). Другие вызы-

вают у нас беспокойство и от младенчества до смерти влияют на нашу личность, помогая определить наш подлинный потенциал как индивидов. Хотя другие могут приводить нас в ярость, эксплуатировать, даже угрожать нам, без них мы просто не сможем жить. Они помогают нам увидеть себя такими, какие мы есть на самом деле, и тем самым делают нас свободнее» (там же: 36). «Другость» Хауса схожа с вечным одиночеством героев Ж.-П. Сартра. Отношения с Другими, по Сартру, являются преградой на пути к личной свободе, что выражается в его известном высказывании «Ад — это Другие». Именно на Сартра, а также на другого философа-экзистенциалиста, М. Хайдеггера, ссылается Дж. МакМахон. «Оба (Сартр и Хайдеггер) считают, что мы по своей сути социальные существа, но Хайдеггер на первый план ставит нашу открытость бытию и другим людям. В противоположность ему Сартр подчеркивает, что другие часто раздражают и мешают нам, и утверждает, что основой человеческих взаимоотношений является конфликт» (там же: 26).

Экзистенциальный Другой представляет сложную фигуру для репрезентации. Дело в том, что его «другость» не внешняя, а внутренняя. Если способ представления этнического Другого или фантазийного образа вербальными или визуальными средствами достаточно понятен и отработан, со своими сложившимися стереотипами и символами, показать экзистенциального Другого гораздо сложнее, в особенности в области визуального. В вербальных текстах, как правило, делается попытка проникновения во внутренний мир персонажа, в то время как с визуальной точки зрения «другость» такого персонажа можно обозначить неординарной внешностью (как это происходит в случае с Хаусом) или вызывающими поступками (что показано в предыдущих примерах). Эту разницу в возможностях репрезентации языком литературы и кино отмечает еще французский теоретик кино начала XX в. Л. Ландри: «Основная разница между двумя искусствами заключается в том, что книга описывает внешний и внутренний мир в терминах ясного сознания, предоставляя нам возможность воображать первый и представлять себе второй; в то время на экране все обстоит иначе, внешний мир представлен, внутренний мир может быть лишь подсказан жестами, проявлениями пространственного характера» (Из истории..., 1988: 221). В нарративном популярном кинотексте (который и является основой для формирования представлений о Другом в массовом сознании) пре-

обладают внешние формы выразительности. Таким образом, при экранизации литературного произведения «внутренний смысл» экзистенциальной «другости» во многом утрачивается во «вторичном» тексте. Это отмечает еще один представитель французской теории кино Ж. Фейдер: «Так же как всякий литературный перевод неизбежно более или менее искажает смысл оригинала, визуальная транспозиция более или менее деформирует исходное произведение» (там же: 236).

Поскольку наиболее манифестными пространства репрезентации «Другости» являются литература и кинематограф, важно рассмотреть соотношение образов Другого и их семантику в этих культурных текстах, один из которых является вербальным, а другой — экранным, то есть соединяющим вербальные, визуальные и слуховые способы передачи содержания. За почти столетие своего развития кинематограф, несомненно, обогатился различными выразительными средствами, но передача внутреннего мира героя остается сложной задачей для языка экрана. В том же случае, если экранный текст не имеет литературного первоисточника, образ экзистенциального Другого намеренно конструируется как отличающийся внешними характеристиками от большинства окружающих его людей. В любом случае экзистенциальная «другость» конституируется «нормальными» людьми, для которых экстравагантность Другого представляет нечто чуждое, составляющее контраст стабильности их жизненного мира, а иногда угрожающее ему. Другой такого типа не может быть «присвоен», так как он сознательно сопротивляется стратегии присвоения. Он или отторгается или становится на уровень модели, которой можно восхищаться, но нельзя подражать, поскольку любое подражание будет внешним и, без внутреннего наполнения экзистенциальной «другости», карикатурным. Внутренняя же сущность такого героя неподражаема и никогда не будет до конца раскрыта, что делает его универсальным героем на все времена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Из истории французской киномысли. Немое кино 1911–1933 гг. : пер. с фр. / предисл. С. Юткевича М. : Искусство. 317 с.

Луков, В., Луков, Вл. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.

Суковатая, В. (2009) Лицо Другого. Харьков : Харьковский нац. ун-т им. В. Н. Каразина. 518 с.

Тодоров, Ц. (1999) Введение в фантастическую литературу. М. : Дом интеллектуальной книги. 144 с.

Хаус и философия. М. : ООО «Юнайтед пресс», 2010. 244 с.

Шапинская Екатерина Николаевна — профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и социально-гуманитарных проблем Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма, доктор философских наук, профессор.

Феномен здорового образа жизни и его рефлексия в современной российской культуре

О. Н. Гуров
Российский государственный гуманитарный университет

В статье дан краткий экскурс в историю понятия здорового образа жизни. Данный феномен концептуализируется в рамках современной российской культуры.

Ключевые слова: здоровый образ жизни; ЗОЖ; современная российская культура

Анализ различных источников по феномену здорового образа жизни демонстрирует, что невозможно найти единую точку зрения на определение и содержание данного понятия. Авторами концепций, определений, программ, связанных со здоровым образом жизни, развитием и продвижением данной концепции в своем понимании, являются как ученые-медики, так и спортсмены, политики и общественные деятели, экологи, религиозные деятели и не в последнюю очередь бизнесмены. Соответственно, в данное поле вкладываются медицинское, социальное, спортивное и множество других граней. В настоящее время на междисциплинарном уровне не наблюдается комплексной и объективной картины, которая объединяла бы все основные аспекты понятия здорового образа жизни.

Устав Всемирной организации здравоохранения определяет здоровье как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов, и декларирует обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья как одно из основных прав всякого человека (Устав... Электронный ресурс). В этом определении сделан акцент на индивидуальном здоровье как ценности и праве человека. Но не нужно думать, что до середины XX в. вопрос личного здоровья был вообще неактуален.

Проблема образа жизни, гигиены, питания и профилактики болезней волновала человечества в течение многих веков. Во всех «программных документах» великих древних культур были подробно описаны правила здорового образа жизни. Например, в Шумере сложилась система гигиенических правил, основанная на коллективном опыте и народных традициях: не пить воду из грязной посуды,

мыть руки, ограничивать себя в определенного рода пище (Медицина... Электронный ресурс). В Китае первые письменные документы по китайскому искусству врачевания и профилактики заболеваний относят к XIV в. до н. э. (Палош. Электронный ресурс). Вопрос здорового образа жизни волновал и древних греков, и если, как известно, Гиппократ ставил на основное место физическое здоровье и правильное питание, то Демокрит основой здорового образа жизни определял духовное здоровье.

В течение последующего периода времени сменилось много эпох и подходов к основным категориям культуры, к числу которых относится и здоровье, понятие его нормы, а также отношение к здоровью на различных уровнях — личном, общественном и государственном. В период Средневековья в Европе отношение к здоровью, и, следовательно, здоровому образу жизни, диктовалось религиозными мировоззрениями, а к периоду Возрождения проблема здоровья и функционирования человеческого организма постепенно переходит в сферу заботы профессионалов — университетских ученых-медиков и других специалистов постепенно формирующихся естественных наук. В российской дореволюционной науке проблемами здоровья, в частности, причинами высокой детской смертности, занимался М. В. Ломоносов. А. П. Доброславин и Ф. Ф. Эрисман заложили основу гигиены детей и подростков (Завьялов, 2017).

В советской науке хирург Н. М. Амосов на протяжении долгого времени занимался изучением методик сохранения здоровья и достижения долголетия, хирург Ф. Г. Углов пропагандировал отказ от вредных привычек, в частности, алкоголя и курения, в пользу здорового образа жизни.

Таким образом, можно утверждать, что само понятие здорового образа жизни в том или ином определении составляло часть культуры на протяжении тысячелетий. И если в общем определить здоровый образ жизни как систему, направленную на профилактику болезней и укрепление здоровья в долгосрочной перспективе, то можно утверждать, что в настоящее время существует потребность в формировании данной системы, так как организм современного человека испытывает постоянно увеличивающиеся нагрузки в связи с техническим прогрессом и вызванными им требованиями и вызовами, с экологической ситуацией и по многим другим причинам.

В медико-социальных исследованиях существует несколько уровней изучения здоровья — от индивидуального (отдельного человека) и группового (социальных и этнических групп) до здоровья общества в целом как отдельной науки (Материалы..., 2005: 8).

В нашем исследовании мы постараемся дать некоторые ответы на вызовы современного общества в виде приобщения к здоровому образу жизни (в конкретных трактовках этого понятия) на индивидуальном и групповом уровнях. Существующие проблемы стимулируют индивидов к выработке собственных ценностных установок и/или к консолидации в сообщества по интересам, в частности, к здоровому образу жизни.

Мы сделаем небольшое отступление и поясним, что во многом данный интерес основывается на доминирующей роли телесности в современном обществе. Еще несколько десятилетий назад Ж. Бодрийяр отметил: «В наборе потребления есть объект более прекрасный, более драгоценный, более яркий, чем все другие, более нагруженный коннотациями, чем автомобиль, объект, который, однако, все их подытоживает: это — Тело. Его “новое открытие” после тысячелетней эры пуританства, произошедшее под знаком физического и сексуального освобождения, его вездесущность в рекламе, моде, массовой культуре (и особенно женского тела, нужно бы понять почему), гигиенический, диетический, терапевтический культ, которым его окружает, навязчивость молодости, элегантности, мужественности или женственности, ухода, режимов, жертвенных занятий, которые с ним связаны, миф Удовольствия, который его окутывает, — все сегодня свидетельствует, что тело стало объектом спасения. Оно буквально заменило собой душу в этой моральной и идеологической функции» (Бодрийяр. Электронный ресурс). В этом контексте здоровый образ жизни становится одновременно и целью, и средством, и смыслом, и продуктом, и содержанием, и коммуникацией.

Бодрийяр также отмечает: «Из современного отношения к телу, являющегося не столько отношением к собственному телу, сколько отношением к функциональному и “персонализованному” телу, вытекает отношение к здоровью… Связанное также с представлением о теле как престижной ценности здоровье становится функциональным требованием статуса. Поэтому оно подчиняется конкурентной логике и оборачивается потенциально безграничным требованием медицинских, хирургических, фармацевтических ус-

луг — навязчивым требованием, диктуемым нарциссическим вложением в тело-объект, и статусным требованием, результатом процесса персонализации и социальной мобильности, требованием, которое во всяком случае имеет очень отдаленное отношение к “праву на здоровье”, этому модернистскому расширению “прав человека”, дополняющему право на свободу и собственность. Сегодня здоровье является не столько биологическим императивом, продиктованным необходимостью выживания, сколько социальным императивом, продиктованным борьбой за “статус”» (там же).

С учетом вышеизложенного становится ясно, что проблема здорового образа жизни и сама по себе превращается в некий симулякр, который может реализоваться в достаточно причудливых вариациях, являющихся интересными объектами для культурологического исследования.

Кстати, аббревиатура ЗОЖ (которое по значению, как нам кажется, в какой-то степени отличается от полного значения термина «здоровый образ жизни», и это требует отдельного анализа) появилось еще в СССР. Автор термина — И. И. Брехман, врач-фармаколог, концептуализировал давно знакомые правила сбалансированного питания, умеренных постоянных физических нагрузок, а также требования к режиму труда и отдыха. Далее ЗОЖ вырос в государственную идею, подкрепленную Приказом Минздрава РСФСР от 28.03.1989 N 45 «О совершенствовании гигиенического воспитания населения РСФСР и пропаганды здорового образа жизни», что легло в основу новой науки валеологии — общей теории здоровья, которая, впрочем, вскоре была раскритикована как лженаука и дальнейшего развития не получила (Кругляков, 2009: 26).

Тем не менее, идеалам современной массовой культуры соответствует фокус на здоровый образ жизни, что бы этот термин ни означал. В некоторой степени, существует даже диктат ЗОЖа, транслируемый многоуровневыми информационными потоками, и стимулируемый гаджетами и мобильными приложениями. По информации на 2015 г., доля россиян, с той или иной периодичностью занимающихся спортом, составила 61%, правильно питаться старается каждый второй опрошенный (51%), а более трети респондентов (36%) употребляет в пищу полезные продукты (в своем понимании) (Скажем... Электронный ресурс).

На волне интереса к здоровому образу жизни СМИ и организаторы различных течений ЗОЖ зачастую спекулируют темами, освещающими вред или пользу определенных продуктов и/или систем питания, а также идеями различных и иногда противоречащих здравому смыслу программ оздоровления и продления жизни. Многие люди, ищущие комфортные способы самоидентификации, и сфокусированные на собственной телесности как главной ценности, вступают в ряды ЗОЖников, формируя иногда неординарные феномены культуры.

Одним из примеров радикального отношения к собственному здоровью является *веганство*. Учредительный договор Веганского общества гласит, что «Веганство — философия и образ жизни людей, которые стремятся исключить, насколько это возможно и осуществимо, все формы эксплуатации и жестокости по отношению к животным при производстве продуктов питания, одежды и других целей, и, как следствие, способствуют созданию и использованию альтернатив неживотного происхождения для пользы людей, животных и окружающей среды. В питании это означает отказ от всех продуктов, полностью или частично, полученных от животных» (Веганский... Электронный ресурс).

Как утверждают сами последователи этого направления — их подход является реакцией общества на деструктивные тенденции культуры, экологические проблемы и климатические изменения, предположительно техногенного характера. Приверженцы веганства убеждены в положительном воздействии их образа жизни на здоровье человека, воспринимая его как способ очищения, также их теоретики приводят данные (достоверность которых находится вне пределов данного исследования), что веганы страдают в меньшей степени некоторыми видами заболеваний по сравнению с теми, кто не придерживается их правил.

Рацион веганов исключает любые мясные продукты, рыбу и морепродукты, яйца, молоко и молочные продукты, любые консервы, хлеб и сладости. Веганы не носят обувь и одежду из натуральных кожи, меха, шерсти и шелка (Веганство... Электронный ресурс). Веганы имеют множество русскоязычных групп в социальных сетях, проповедующих и авторизующих веганские правила, способствующие социализации последователей. Также в России можно найти достаточное количество веганских магазинов, кафе, ресторанов, по

крайней мере, в крупных городах. Таким образом, веганство предполагает позитивную этическую позицию (уменьшение страдания), а также личное физическое и духовное очищение, что не может не привлекать людей определенного склада, стремящихся изменить свою жизнь.

Если веганы пропагандируют, хотя бы на первый взгляд, позитивные идеи, направленные на достижение гармонии, то представители движения «Русские — за здоровый образ жизни» (ЗОЖ), организующие массовые пробежки, чтобы отвлечь молодежь от употребления спиртных напитков, курения и от других вредных привычек, даже по названию заставляют невольно подумать в данном случае о националистической подоплеке здорового образа жизни. Декларация движения в ЖЖ сообщает, что «русские пробежки — это способ гражданской самоорганизации сознательной русской молодежи с целью выражения протеста против бездействия властей в отношении проблем алкоголизма, наркомании, нравственного падения и культурной деградации российского общества» (Русская... Электронный ресурс). Впрочем, профессор кафедры психологии Университета физкультуры и спорта В. Сопов утверждает, что чем больше националисты будут заниматься спортом, тем меньше у них будет времени и желания участвовать в политических акциях (Радикальные... Электронный ресурс).

Еще одним модным трендом здорового образа жизни является *детокс* (детоксикация) — комплексные программы очищения организма от шлаков и токсинов. Приверженцы данного направления считают, что организм человека накапливает из воздуха, из пищи и в процессе жизнедеятельности токсины и шлаки и детокс призван вывести эти вредные вещества. Существует большое количество детокс-диет и различных процедур, включая массаж, спа-процедуры, стимулирующие обмен веществ, и, следовательно, очищение организма. Для некоторых поклонников данного направления детокс становится не просто образом жизни, но и навязчивой идеей (Детокс... Электронный ресурс).

Данные примеры никоим образом не очерчивают даже контуры достаточно большого количества радикальных практик следования представлениям о здоровом образе жизни для определенных субкультур — теории и практики ЗОЖ являются трендом и массовым явлением. В современном обществе, в котором присутствует

фокус на телесность и отсутствует система верификации ценностей, многие ищут индивидуальные способы личностного и физического развития и с этой целью зачастую обращаются к различным вариантам ЗОЖ, принимающих различные, часто экзотические формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры (Электронный ресурс). URL: https://www.litmir.me/br/?b=106836&p=1 (дата обращения: 26.06.2018).

Веганский путеводитель (Электронный ресурс). URL: http://vegid.ru (дата обращения: 26.06.2018).

Веганство: ненужный тренд или философия жизни? (Электронный ресурс). URL: http://www.dw.com/ru/веганство-ненужный-тренд-или-философия-жизни/a-14811430 (дата обращения: 26.06.2018).

Детокс — модный тренд или полезная диета? (Электронный ресурс). URL: http://gravitazia.ru/food/detoks-modnyy-trend-ili-poleznaya-dieta/ (дата обращения: 26.06.2018).

Завьялов, А. Е. (2017) История развития взглядов на здоровый образ жизни // Интерактивная наука. № 3(13). С. 104–106.

Кругляков, Э. П. (2009) «Ученые» с большой дороги-3 / Комис. по борьбе с лженаукой и фальсификацией науч. исслед. РАН. М. : Наука. 357 с.

Материалы для подготовки и квалификационной аттестации по специальности «Общественное здоровье и здравоохранение» (2005) : учеб. пособие /под ред. В. С. Лучкевича, И. В. Полякова). СПб. 54 с.

Медицина эпохи древнего мира. Рекомендации к проведению семинарских занятий по истории медицины для студентов 1 курса медико-диагностического факультета высших медицинских учебных заведений. Гомель, 2009. Сост.: Петрова, Н. П. (Электронный ресурс). URL: https://studlib.info/medicina/2782888-trebovaniya-k-iskhodnomu-urovnyu-znaniy-rekomendacii-k-provedeniyu-seminarskikh-zanyatiy-po-istorii-mediciny-dlya-studentov-1-kursa-mediko-diagnosticheskogo-i-3-kursa-lechebnogo-fakultetov-vysshikh/ (дата обращения: 26.06.2018).

Палош, Ш. Китайское искусство целительства. История и практика врачевания от древности до наших дней (Электронный ресурс). URL: https://libking.ru/books/sci-/sci-medicine/304358-shtefan-palosh-kitayskoe-iskusstvo-tselitelstva-istoriya-i-praktika-vrachevaniya-ot-drevnosti-do-nashih-dney.html (дата обращения: 26.06.2018).

Радикальные движения вносят политику в здоровый образ жизни (Электронный ресурс). URL: https://ns-resistance.livejournal.com/580952.html (дата обращения: 26.06.2018).

Русская Пробежка за Здоровый Образ Жизни (Электронный ресурс). URL: https://ruszabeg.livejournal.com/1935.html (дата обращения: 26.06.2018).

Скажем спорту «да»!? (Электронный ресурс). URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115256 (дата обращения: 26.06.2018).

Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения (Нью-Йорк, 22 июля 1946 г.) (Электронный ресурс). URL: http://base.garant.ru/2540328/ (дата обращения: 26.06.2018).

Гуров Олег Николаевич — аспирант Российского государственный гуманитарного университета.

Государственное управление процессами внутренней миграции[10]

О. Э. Башина, Ю. Н. Царегородцев
Московский гуманитарный университет

Анализ внутренней межрегиональной миграции свидетельствует об оттоке населения из Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Внутрирегиональная миграция в данных федеральных округах направлена в основном в городские поселения. Необходимы меры государственного воздействия по изменению существующей тенденции.

Ключевые слова: внутрирегиональная миграция населения и трудовых ресурсов; межрегиональная миграция населения трудовых ресурсов; городские поселения; сельские поселения

Миграция населения сыграла значительную роль в развитии человечества, освоении незаселенных территорий, образовании и социально-экономическом развитии ряда государств. Одной из функций миграции является обеспечение определенного уровня мобильности рабочей силы, ее территориального перераспределения, а также вклад в развитие секторов экономики (Демографическая энциклопедия, 2013). Внутренняя миграция населения и рабочей силы вызывается территориальными различиями в условиях труда, динамикой развития отраслей экономки, состоянием рынка труда, развитостью инфраструктуры и др. Внутренняя миграция регулируется государством, как правило, косвенными методами. Между тем, регулирование межрегиональной миграции имеет существенное значение, поскольку позволяет осуществлять перераспределение населения и рабочей силы между регионами. С учетом этого представляет интерес анализ процесса перераспределения населения между федеральными округами и рабочей силы между отраслями экономики.

[10] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Исследование потенциала отечественных производителей по обеспечению импортозамещения на потребительском рынке с использованием технологий Big Data», проект № 17-02-00718, а также при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Разработка подходов к созданию системы оценки состояния и определения перспективных направлений развития научной сферы», проект № 16-02-00407.

Данные текущего учета миграции РФ позволяют анализировать миграционный поток населения между всеми субъектами РФ. Величина, структура, направление и результативность миграционного потока населения, как правило, существенно различаются.

Анализ данных по внутренней миграции населения РФ показывает, что для населения страны внутренняя миграция составляет относительно небольшую величину — 2,8%. Вместе с тем сохранение этого значения свидетельствует о том, что примерно за 36 лет (35,7) все население страны теоретически способно поменять место своего проживания. Анализ позволяет разделить федеральные округа по активности миграции на три группы: 1) до 1% — Крымский федеральный округ (0,8%); 2) 1–2% — в эту группу входят Северо-Кавказский (1,2%), Южный (1,5%), Центральный (1,9%) и Приволжский (2,0%) федеральные округа; 3) более 2% — Уральский (2,1%), Северо-Западный (2,4%), Сибирский (2,5%) и Дальневосточный (2,6%) федеральные округа.

В 1 и 2 группы вошли ФО с наиболее благоприятными климатическими условиями и более развитой инфраструктурой. Численность населения этих округов оставляет 94,7 млн человек, что составляет 64,4% численности всего населения России. При этом территория этих федеральных округов составляет менее 40% территории России и, за некоторым исключением, не содержит промышленных запасов полезных ископаемых. Общий прирост населения федеральных округов, отнесенных к 1 и 2 группам, в 2015 г. составил 124215 человек.

В 3 группу вошли ФО с наиболее сложными климатическими условиями, менее развитой инфраструктурой. Численность населения этих ФО составляет 51,7 млн человек (35,3% населения России) — более 60% территории России. Эти округа богаты природными ресурсами, имеют хорошо развитую промышленность. Общий отток населения из федеральных округов 3 группы составил 63394 человека.

Вместе с тем, представляется, что отнесение Северо-Западного федерального округа к 3-ей группе по показателю «Миграционная активность населения» имеет формальный характер. Обоснованием этому является географическое положение ФО и тесные экономические связи между ФО 2-ой группы, особенно между регионами Цен-

трального ФО. Это способствует повышению миграционной активности.

Для получения боле детального представления о миграционных потоках в названных группах федеральных округов представляет интерес анализ динамики миграционной активности населения каждой из групп и его перемещение между группами. Анализ таблицы 1 позволяет оценить перемещение ФО и выезд из них с учетом принадлежности округов к определенным группам. Кроме того, позволяет оценить прирост или снижение численности население определенных групп округов с учетом конкретного вклада каждого округа.

Результаты анализа свидетельствуют:

1) Крымский федеральный округ (1 группа) пополняется за счет населения 2 и 3 групп примерно в равных долях (4,40 тыс. человек и 4,5 тыс. человек);

2) Численность населения федеральных округов 2-ой группы за 2015 г увеличилась на 54,63 тыс. человек. При этом преимущественное большинство населения переместилось в Центральный федеральный округ (126,73 тыс. человек);

3) Общая численность населения федеральных округов 3-ей группы уменьшилось на 46,43 тыс. человек. При этом снижение было бы более масштабным без учета Северо-Западного федерального округа (прирост 49,32 тыс. человек). По остальным округам группы, без учета Северно-Западного ФО, суммарное снижение численности населения составляет почти 96 тыс. человек. Таким образом из трех сводных групп только 3-я группа федеральных округов имеет отрицательный баланс.

4) В связи с этим необходимо выполнение более тщательного анализа по Уральскому, Сибирскому, Дальневосточному федеральным округам.

Так, из таблицы 1 следует, что общее убытие населения из трех отдельных федеральных округов 3-ей группы в регионы федеральных округов 1 и 2 групп составляет 228,0 тыс. человек, при численности прибывающих из них 152,56 тыс. человек (Δ -75,44 тыс. человек). Иначе говоря, в процентном отношении отбытие превышает прибытие на 49,45%. Из коренного населения Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов 16,51 тыс. человек уехали в регионы Европейской части России, что составляет 16,42%

от числа мигрирующего населения данных ФО, а остальные 100,54 тыс. человек сменили место жительства в пределах названных трех федеральных округов. Таким образом, можно утверждать, что коренное населения Урала, Сибири и Дальнего Востока остается верным своим регионам.

Таблица 1

Миграция населения между федеральными округами (тыс. чел.)

№	ФО (наим. гр.)	Прибыло из ФО в ФО гр. (тыс. чел.)			Убыло из ФО в ФО гр. (тыс. чел.)			Осталось в ФО из числа мигрантов			
		1 гр	2 гр	3 гр	1 гр	2 гр	3 гр	1 гр	2 гр	3 гр	Итого
1	Кр. ФО-1	-	15.22	8.75	-	10.82	4.22	-	+4.40	+4.57	+8.91
2	Ц ФО-2	7.17	196.74	146.73	6.00	117.05	100.86	+1.17	+79.69	+45.87	+126.73
3	С-З ФО-3	3.02	125.66	51.65	2.53	113.14	25.34	+0.49	+22.52	+26.31	+49.32
4	Ю ФО-2	2.48	83.47	74.67	5.13	87.90	47.47	-2.65	-4.43	+27.20	+20.12
5	С-К ФО-2	0.25	44.86	23.42	1.58	68.87	29.63	-1.23	-24.01	-6.21	-31.45
6	П ФО-2	0.92	78.31	90.60	2.51	129.54	98.57	-1.59	-51.23	-7.97	-60.79
7	У ФО-3	0.63	80.77	31.50	1.87	97.05	24.59	-1.24	-16.28	+6.91	-10.61
8	С ФО-3	0.49	43.98	43.64	2.05	77.18	57.38	-1.56	-37.20	-13.74	-52.50
9	Дв. ФО-3	0.57	26.12	25.40	1.79	48.06	35.08	-1.22	-21.94	-9.68	-32.84
Итого		15.53	695.13	496.34	23.46	749.61	423.14	-7.83	-48.48	+73.2	+16.89

По Сибирскому ФО — 43,64 тыс. человек прибыло, 57,38 человек убыло (Δ -13,74 тыс. человек); по Дальневосточному ФО — 25,4 тыс. человек прибыло, 35,08 тыс. человек убыло (Δ -9,68 тыс. человек). Таким образом, коренное население перемещается в более промышленно развитый федеральный округ.

Основными выводами после анализа таблицы 1 являются:

1) миграция населения, имеющая положительное значение, осуществляется в основном в федеральные округа европейской части России и перераспределяются между регионами этих округов;

2) в регионах Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округах наблюдается отток населения. При этом перераспределение населения внутри этой территории России идет в

пользу Уральского федерального округа. Соответственно, сокращается численность экономически активного населения в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах;

3) в Европейскую часть России переезжает и становятся востребованной наиболее профессиональная, инициативная часть населения. В результате снижается человеческий капитал и человеческий потенциал отраслей экономики Урала, Сибири и Дальнего Востока. Недостаточность рабочих рук обнажает наиболее уязвимые производства.

Анализ свидетельствует о практически однонаправленном векторе внутрироссийской миграции населения. В результате обнажаются территории, имеющие стратегическое значение для развития социального, экономического и оборонного потенциалов государства, нарушаются основные положения концепции устойчивого развития Российской Федерации (Указ... Электронный ресурс). Наряду с анализом общих потоков миграции населения значение имеет его анализ его перераспределения между городским и сельским населением.

При этом, учитывая территориальную удаленность ФО с отрицательной миграционной привлекательностью, особое значение имеет анализ предпочтений населения к проживанию в городских или сельских поселениях, возникающих сложностях создание условий для поддержания и развития человеческого потенциала, включая питание, здравоохранение, образование.

Анализ распределения миграционных потоков по городскому и сельскому поселениям по РФ в целом и в разрезе федеральных округов показывает, что около 70% мигрируют в городские поселения или меняют место проживания, перемещаясь из одного городского поселения в другое. Примерно 30% населения предпочитают проживание в сельских поселениях. Примерно аналогичная ситуация прослеживается в федеральных округах. Исключение составляют Южный, Северо-Кавказский и Приволжский ФО, в которых активность миграционных потоков в городских населениях составляет менее 60%. Среди ФО с общим отрицательным значением влияния миграции на численность населения активность городских и сельских поселений выглядит следующим образом: Уральский ФО — городские поселения составляют 72,1%, сельские поселения — 27,9%; Сибирский ФО — 64,9% и 35,1%, Дальневосточный ФО — 70,1% и 29,9% соответственно.

Анализ показывает, что сельское население менее склонно к коренному изменению образа жизни (переезд в город), по сравнению с городским населением. Так, количество мигрирующих в Европейскую часть России колеблется в пределах 1,54–1,82% в зави-

симости от ФО. Для сельского населения этот показатель находится в диапазонах 0,42–0,56%. Данные свидетельствуют о том, что без притока из села, если ситуация не изменится, теоретически городские поселения этих ФО могут исчезнуть через 55–65 лет.

Вместе с тем более реально выглядит сценарий, в соответствии с которым с учетом миграции городского населения в сельские поселения и оттока сельского поселения в городские поселения будет утрачена культура развития сельского хозяйства, натурального агропромышленного производства. Очевидно, что органами государственного управления должны приниматься меры активного воздействия не только на привлечение населения в Дальневосточный федеральный округ, но и его стимулирование к занятости в сельском хозяйстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Указ Президента РФ № 440 от 01.04.1996 «Об утверждении Концепции устойчивого развития Российской Федерации» (Электронный ресурс). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120 (дата обращения: 15.05.2018).

Демографическая энциклопедия (2013) / редкол.: А. А. Ткаченко, А. В. Аношкин, М. Б. Денисенко и др. М. : ООО «Издательство “Энциклопедия”». 944 с.

Башина Ольга Эмильевна — заведующий кафедрой статистики, маркетинга и бухгалтерского учета Московского гуманитарного университета, доктор экономических наук, профессор.

Царегородцев Юрий Николаевич — заведующий кафедрой менеджмента Московского гуманитарного университета, доктор экономических наук, профессор.

Понятие и виды антикоррупционных технологий социального контроля

Ю. В. Трунцевский
Московский гуманитарный университет,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Понятие «антикоррупционные технологии» не имеет легального определения. Существуют различные классификации антикоррупционных технологий: по целям, содержанию, по внутренним свойствам, по субъектам их применения, по юридической силе, по отдельным элементам (инструментам), по формам. Отдельно выделяются социальные технологии по борьбе с коррупцией. Существует множество форм общественного участия в сфере противодействия коррупции. В статье показано, что антикоррупционные технологии социального контроля могут реально изменить имеющуюся ситуацию.

Ключевые слова: общество; контроль; коррупция; противодействие; эффективность

Следует признать, что не существует единого антикоррупционного инструмента, нет «серебряной пули», которая может применяться против коррупции. Противодействие коррупции в свою очередь не может стоить дешево, это что-то большее, чем просто «шоу». Подлинная борьба с коррупцией должна быть хорошо обеспечена ресурсами, финансово и организационно (Abjorensen, 2014: 45).

Имеющиеся социологические исследования коррупции свидетельствуют, что ряд принимаемых антикоррупционных мер дает определенные положительные результаты (Цирин и др., 2014: 145). По мнению прокурора Республики Татарстан, стратегия борьбы с коррупцией должна предусматривать для высокопоставленных мздоимцев — тюрьму, а для мелких — профилактику (Илдус Нафиков..., 2016. Электронный ресурс). Он подчеркивает, что необходим анализ причин пассивности и неверия в наказание виновных, а также комплекс мер, чтобы звонки о взяточниках или электронные сигналы, в частности, в «Народный контроль», стали «повседневным привычным делом».

Статья 13 Конвенции ООН против коррупции делает акцент на участии общества в данном процессе: в пункте (в) указано, что оно способствует проведению мероприятий по информированию населения, направленных на создание атмосферы нетерпимости в отношении коррупции, а также государственных образовательных программ, включая учебные программы школ и университетов. По мнению, Н. Н. Черногора, цель данной международной правовой нормы «просветительская, позволяющая ограничить социальный контроль в сфере противодействия коррупции поиском, получением и распространением информации о фактах коррупционных проявлений, устойчивых практиках и т. п.» (Черногор, 2017: 172). Указанный автор предлагает разграничивать понятия «общественного» и «социального» контроля (там же: 174). В наименовании «общественный контроль» акцент сделан на субъекте контроля — обществе, институтах гражданского общества; деятельность государства, его органов и должностных лиц выступают объектом контроля. В понятии «социальный контроль» объекты становятся и субъектами контроля, применяя средства и формы такого воздействия и на государственных служащих (Ищук, 2018: 46) и на общество.

Данная позиция используется и другими исследователями, признающими общественный контроль (как средство противодействия коррупции в органах публичной власти России) видом антикоррупционных мероприятий с участием общественных организаций (Комбарова, Кяров, 2016: 154). Отметим, что на роль общественности в профилактике коррупции обратил внимание В. В. Путин на заседании Совета по противодействию коррупции (26 января 2016 г.): «Решительно уменьшить уровень коррупции можно только при опоре на гражданское общество. Например, активисты Общероссийского народного фронта это уже продемонстрировали — контроль за взяточниками может быть гораздо более эффективным, если власть реагирует на практические результаты их работы».

Широкое толкование понятия социального контроля в рассматриваемой сфере как системы мер противодействия коррупции предопределило основные направления исследований соответствующих технологий. Как в науке, так и в практике, нет единства мнений по видам и содержанию антикоррупционных технологий (Карпович и др., 2011: 24).

Понятие «антикоррупционные технологии» не имеет легального определения. Этот термин используется для обозначения комплекса отдельных мер по профилактике коррупции в самых разных отраслях деятельности.

Существуют их различные классификации, при этом в разнообразных смешениях:

по целям — предупреждения и пресечения коррупции; выявления и пресечения, например, выявления, замораживания, конфискации и репатриации доходов (Букарев и др., 2007: 55), полученных от коррупции;

по содержанию — политико-идеологического характера; организационно-технического характера; правовые технологии; управленческого, социально-экономического характера; комплексные, например, правовой мониторинг и оценка регулирующего воздействия;

по внутренним свойствам — системные; по предназначенности — специальные; по функциям — координационные (Цирин и др., 2014: 150);

по субъектам их применения — технологии, применяемые непосредственно к самим государственным служащим в целях недопущения проявления коррупции среди них (Петросян и др., 2008: 39); технологии, используемые самими госслужащими для предотвращения коррупции иными субъектами; антикоррупционные технологии, используемые государственными (муниципальными) органами (их подразделениями), выполняющими функции по профилактике коррупции, например: поиск и устранение зон повышенного коррупционного риска; мониторинг эффективности работы элементов организационной структуры по противодействию коррупции; повышение информационного присутствия темы коррупции в СМИ; технология неотвратимости ответственности;

по юридической силе — установленные/неустановленные законодательством и обязательные/необязательные для применения;

по отдельным элементам (инструментам) технологий: технологии прогнозирования, планирования и управления коррупционными рисками (Цирин и др., 2014: 145);

по формам — просветительские, электронные, информационные (открытость государственных органов).

При этом отдельные авторы в рамках различных технологий отдельно выделяют социальные технологии по борьбе с коррупцией, то есть те, которые обращены к обществу (например, формирование общественного сознания нулевой терпимости к любым коррупционным проявлениям; формирование антикоррупционного мировоззрения — технологии противодействия коррупции силами институтов гражданского общества).

Существует множество форм общественного участия (более 25), и наиболее важными из них являются следующие: общественная законодательная экспертиза (независимая экспертиза представителями общественности принятых и готовящихся нормативных актов, предложения по их изменению, принятию иных нормативных актов), общественные слушания (обсуждение представителями общественности актуальных проблем с приглашением представителей органов власти, чаще всего обсуждаются проекты законов), общественные советы (совещательные, консультативные органы при структурах власти, чаще всего исполнительной, состоящие, в том числе из представителей НКО, созданные для обсуждения и выработки рекомендаций органам власти).

Эффективность антикоррупционных технологий социального контроля можно понимать в том смысле, что они могут реально изменить ситуацию (внутренняя эффективность) и что политическая система отреагирует на них (внешняя эффективность).

Методология внедрения антикоррупционных технологий социального контроля в первую очередь направлена на следующее:

• профилактика: посредством образования, распространения информации и информационно-просветительских кампаний, направленных на повышение уровня знаний и изменение отношения к коррупции, воспитания культуры правосознания и бдительности населения;

• исследование: на основе исследований, социального аудита, опросов общественного мнения; мониторинга и отчетности гражданских инициатив, направленных на открытость и прозрачность государственных систем и институтов;

• исполнение: через меры ответственности, в том числе, посредством пропаганды граждан и средств массовой информации, направленной на искоренение политического иммунитета, реформирование и совершенствование законодательства, ужесточение правил и

норм сокращения коррупция, использования и применения национальных и международных правовых документов, таких как Конвенция ООН против коррупции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Букарев, В. Б., Трунцевский, Ю. В., Шулепов, Н. А. (2007) Зарубежный опыт в сфере правового регулирования противодействия легализации (отмыванию) доходов, приобретенных преступным путем // Международное публичное и частное право. № 4. С. 53–64.

Илдус Нафиков (2016) о взятках: «Врачи, учителя завалены нашими конфетами и цветами» 18.10.2016 (Электронный ресурс). URL: http://realnoevremya.ru/articles/45720

Ищук, Я. Г. (2018) Коррупция: вопросы теоретического осмысления // Академическая мысль. 2018. № 1. С. 45–50.

Карпович, О. Г., Малиновский, И. Б., Трунцевский, Ю. В. (2011) Полномочия подразделений органов внутренних дел (полиции) в противодействии коррупции : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 246 с.

Комбарова, Е. В., Кяров, А. З. (2016) Общественный контроль как средство противодействия коррупции в органах публичной власти России // Велес. № 12–1 (42). С. 154–158.

Петросян, О. Ш., Трунцевский, Ю. В., Есаян, А. К. (2008) О первоочередных мерах, предпринимаемых в органах внутренних дел, по борьбе с коррупцией // Российский следователь. № 17. С. 38–40.

Цирин, А. М., Черепанова, Е. В., Тулинова, О. А. (2014) Современные стандарты и технологии противодействия коррупции // Журнал российского права. № 7. С. 143–171.

Черногор, Н. Н. (2017) Социальный контроль в фокусе правовой доктрины и практики противодействия коррупции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. № 4. С. 169–182.

Abjorensen, N. (2014) Implications of the G20 Action Plan for the Asia-Pacific Region. Tokyo, Japan : Konrad-Adenauer-Stiftung. 155 p.

Трунцевский Юрий Владимирович — заведующий кафедрой уголовно-правовых и специальных дисциплин Московского гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор.

Внедрение продуктов цифровой экономики в банковской деятельности: преимущества и социально-экономические последствия

Е. Б. Крылова
Московский гуманитарный университет

В статье описывается основные преимущества и социально-экономические последствия, возникающие при использовании в практике банковской деятельности новых инструментов идентификации клиентов банка. Раскрывается неоднозначные последствия от данного внедрения новых технологий. Продуктов цифровой экономики.

Ключевые слова: коммерческий банк; кредит; заемщик; риск; сервер; программно-аппаратный комплекс

Совершенствование кредитования физических лиц должно идти по пути внедрения максимальной автоматизации процесса кредитования (Лаврушин, 2011; Мерцалова, 2012). Сегодня существует целый ряд программ по рассмотрению заявок для принятия коллегиального решения. Данный процесс является прозрачным, наглядным, а также доступным для контроля. Сокращение периода рассмотрения заявок расширяет рынок пользователей кредитами.

При выдаче кредита самая большая проблема — безопасность (Датиева, 2014). Упрощение выдачи кредита приводит к тому, что часто без обеспечения выдаются кредиты по поддельным документам.

Проверка подлинности личности заемщика — важнейшая задача для любого банка или микрофинансовой организации, которая выдает кредитные средства. Как правило, производится только поверхностная проверка подлинности документов и предоставленной информации на основе доступных банку сведений. Новые технологии позволяют внедрить принципиально отличный метод контроля, основанный на идентификации внешности — той информации, которую человек не может подделать. Подобный метод контроля реализуется с помощью внедрения в инфраструктуру предприятия программно-аппаратного комплекса фотобиометрической идентификации SmartTracker.FRAUD.

Данная система подробно представлена на рисунке 1.

Изначальной задачей, стоящей перед любым банком, была автоматизация проверки данных потенциальных заемщиков, получающих кредиты через офисы банка. У банка уже была введена практика фотографирования клиентов при заполнении анкеты на выдачу кредита, а также имелся доступ к «черному списку» мошен-

ников, пополняемому банковским сообществом. Тем не менее, обработка информации производилась в ручном режиме и выборочно. Подтвердить факт мошенничества по данным из базы, как правило, удавалось только в некоторых случаях и только в результате проверки службой безопасности по факту пропуска нескольких платежей по кредиту. Для решения задачи специалисты ЦРТ развернули в IT-системе банка комплекс SmartTracker. FRAUD и подключили его к существующим базам фотографий. В результате все новые фотографии заемщиков, которые сотрудники банка делали во время опроса, стали автоматически проверяться по имеющимся у банка базам данных.

Рис 1. Структура комплекса SmartTracker.FRAUD и процедура проверки клиента банка

Кроме этого, в автоматическом режиме проверялось совпадение фотографий клиента в документах и его реальной внешности. Уже по результатам первого года работы внедренное решение полностью окупило себя, предотвратив выдачу мошенникам нескольких крупных кредитов. Во всех этих случаях SmartTracker.FRAUD либо выявлял несоответствие фотографии в паспорте клиента его внешности, либо находил фотографию этого же человека в базе данных или в «черном списке» под другим именем.

После проверки службой безопасности принимались активные меры, позволившие в части случаев не только запретить выдачу кредита, но и задержать злоумышленника.

Также проверить клиента можно и дистанционно. Несколько лет назад банки начали активную кампанию по дистанционному распространению кредитных карт. Главным удобством новой схемы для клиента стала выдача карты по удобному адресу, без посещения офиса банка. Анкету можно было заполнить через веб-сайт или мобильное приложение, а готовую карту и договор на подписание привозил курьер. Новая схема позволила активизировать продажи розничных кредитных продуктов, но обратной стороной удобного для клиентов предложения стала активизация мошенников на этом направлении. Проверка личности клиента теперь проводилась только курьером на основании предъявленного паспорта, зачастую в условиях недостаточного освещения. По новому продукту доля кредитов, по которым не было совершено ни одной выплаты, превысила долю для кредитов, выданных в офисах, почти в 2 раза.

В качестве защиты от мошенничества при удаленной выдаче карты банками было решено использовать ту же схему, что и для офисных продаж. Комплекс SmartTracker.FRAUD дополнили мобильным приложением, устанавливаемым на телефон курьера, а в веб-анкету на выдачу кредитной карты добавили возможность загрузить фотографию. Все новые клиенты, подавшие заявки на выдачу кредитной карты, стали проходить двухэтапную проверку. Первый раз при заполнении клиентом анкеты — фотография из анкеты проверяется по имеющимся базам данных. Второй раз при визите курьера — курьер делает еще одну фотографию на мобильный телефон, и этот снимок проверяется по базе данных и на соответствие предыдущему снимку.

Злоумышленники оказались в ситуации, когда с анкетой нельзя отправить ни реальную фотографию, так как она будет проверена еще до встречи с курьером, ни подложную, так как тогда невозможно будет пройти верификацию при встрече. В итоге введение новой схемы работы привело к отбраковке значительной доли заявок заведомо неблагонадежных клиентов, а в дальнейшем к снижению интереса мошенников к этому продукту банка.

Чтобы исключить возможность мошенничества сотрудников у службы безопасности были предположения, что может иметь место

сговор сотрудников банка, ответственных за выдачу кредитов, с мошенниками. В связи с этим еще одной задачей, поставленной банком, была проверка возможности участия в мошеннических схемах сотрудников банка.

Анализ возможных схем мошенничества выявил, что во всех случаях ключевым для обнаружения нарушения может являться фактическое отсутствие заемщика. При оформлении кредита на подставное лицо могут использоваться как поддельные (или скопированные), так и подлинные документы, но сам формальный заемщик не появляется в банке.

Для того чтобы исключить подобную ситуацию, в дополнение к центральному серверу на рабочих местах офисных сотрудников были установлены модули фотографирования SmartTracker.FRAUD. Основной задачей этого модуля является проверка — находится ли перед камерой живой человек или распечатанная фотография. При этом для обмана недостаточно пошевелить распечатку — функция «живой снимок» системы SmartTracker.FRAUD определяет реальность человека на более глубоком уровне, чем просто наличие движения в кадре.

В результате через некоторое время после развертывания SmartTracker.FRAUD в офисах обслуживания уменьшается процент просроченных кредитов. Однако и возникли проблемы занятости: во многих региональных подразделениях крупных банков через некоторое время сотрудники разных уровней, ответственные за кредитные продукты в этих подразделениях, уволились по собственному желанию.

Таким образом, внедрение продуктов цифровой экономики в банковской деятельности безусловно имеет целый ряд преимуществ: сокращение времени реализации кредитной истории, уменьшение риска невозврата кредита при более точной идентификации заемщика, увеличение числа выданных кредитов (Мирошниченко, 2016). Однако, говоря о социально-экономических последствиях, нельзя не отметить их неоднозначность. С одной стороны, выданные кредиты повышают уровень жизни населения, растут реализованные потребности, развивается бизнес (Кисиленко, 2016), а с другой, внедрение продуктов цифровой экономики в банковской сфере приводит к сокращению числа сотрудников банка, поскольку их функции начинают выполнять роботы. Следовательно, процесс внедрения новых

продуктов в банковской сфере необходимо решать комплексно, с учетом возникшей социально-экономической проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лаврушин, О. А. (2011) Банковское дело. М. : КноРус. 768 с.

Мерцалова, А. И., Лазаренко, А. Л. (2011) Учет и операционная деятельность в кредитных организациях. М. : Форум, Инфра-М. 416 с.

Датиева, Л. М. (2014) Ипотечное потребительское кредитование в России: состояние и перспективы развития // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. № 14. С. 153–156.

Мирошниченко, О. С. (2016) Кредитный риск и собственный капитал банка // Финансы и кредит. № 1. С. 22–27.

Кисиленко, А. В. (2016) Потребительское кредитование как инструмент повышения качества жизни населения // Ежегодник «Виттевские чтения». № 1. С. 173–175.

Крылова Елена Борисовна — заведующий кафедрой экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета, доктор экономических наук, профессор.

Креативный менеджмент и научно-техническая политика организации: единство и противоречия[11]

Ю. Н. Царегородцев, О. Э. Башина
Московский гуманитарный университет

Креативный подход к формированию научно-технической политики компании предлагает разработку и внедрение в производство конкурентоспособной наукоемкой продукции, сбыт которой ведет к расширению сопутствующих технических услуг. Повышенные затраты на высокорисковую продукцию необходимо компенсировать снижением издержек на производство традиционной продукции.

Ключевые слова: креативный менеджмент; научно-техническая политика; наукоемкая продукция; конкурентоспособность; издержки производства; традиционная продукция; рынки сбыта

Радикальные изменения в способах управления организациями, экономическая целесообразность формирования и реализации программ эффективного использования человеческого потенциала и производственных ресурсов активизируют развитие и использование творческих подходов к решению научно-практических задач (Меерович, Шрагина, 2000; Герчикова, 1997). Практической реализации указанных программ способствует внедрение технологий креативного менеджмента. Креативный менеджмент — одно из направлений управления, осуществляемого с целью определения основных направлений творческого научно-технического и производственного развития фирмы в следующих областях: разработка и внедрение новой продукции, модернизация и усовершенствование технологических процессов, дальнейшее развитие производства традиционных видов продукции. Особенностью этого направления является обра-

[11] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Исследование потенциала отечественных производителей по обеспечению импортозамещения на потребительском рынке с использованием технологий Big Data», проект №17-02-00718, а также при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Разработка подходов к созданию системы оценки состояния и определения перспективных направлений развития научной сферы»,проект №16-02-00407.

зование в крупнейших фирмах научно-технических комплексов, объединяющих в единый процесс исследования и производство. Это предполагает наличие тесной связи всех этапов цикла «наука-производство» (Афонин и др., 2015).

Крупные фирмы, реализующие креативный подход в менеджменте, имеют явно выраженную тенденцию ориентации научно-технической и производственно-сбытовой деятельности. Она выражается, прежде всего, в стремлении к повышению удельного веса новых наукоемких изделий, сбыт которых ведет к расширению сопутствующих технических услуг: инжиниринговых, лизинговых, консультационных и др. С другой стороны, отмечается стремление к снижению издержек производства традиционной продукции. Особенно заметно эти тенденции проявляются на примере американских машиностроительных ТНК, концентрирующих свои усилия на разработке и производстве продукции высокой технической сложности (радиоэлектронная техника, авиакосмическая техника, энергетическое оборудование, средства автоматизации и др.). Они стремятся: а) за счет монополизации выпуска обеспечить быструю амортизацию капитала и сохранить лидерство в высокотехнологичных секторах рынка машин и оборудования; б) значительно снизить издержки производства, в традиционных отраслях машиностроения в целях повышения их конкурентоспособности.

В соответствии с вышеизложенным научно-техническая политика компаний ориентирует деятельность производственное отделения на повышение эффективности производства путем создания и выпуска продукции, отвечающей требованиям потребителей и соответствующей укреплению экономического потенциала фирмы. Для этого необходимы:

- быстрая адаптация производства к динамично меняющимся условиям конкретных рынков;
- внесение соответствующих корректив в текущие и среднесрочные планы;
- минимизация затрат в связи с изменением планов.

Научно-техническая политика (НТП) разрабатывается по трем важнейшим направлениям:

- ориентация производства на выпуск новых товаров;
- ориентация производства на быстрое техническое обновление выпускаемой продукции;

- ориентация производства на выпуск традиционных товаров, устаревших, но пользующихся спросом на отдельных рынках.

В рамках данных направлений осуществляется:

1. Выпуск принципиально новой продукции, не имеющей на рынке аналогов по назначению. Реализация этого направления НТП требует: больших затрат на НИОКР; наличия серьезных заделов в научно-технической деятельности; достижений в области фундаментальных и прикладных наук и опытно-конструкторской работе; возможностей быстрого освоения продукции и внедрения ее в массовое производство. Характерной особенностью является возникновение конкурентной ситуации еще на этапе НИОКР и разработки новой продукции;

2. Выпуск новых для фирмы видов продукции, имеющих аналоги и коммерческий успех на рынке. Это предполагает создание продуктов-аналогов с более высокими технико-экономическими показателями либо имитация продукции, предлагаемой лидером. Реализация направления требует наличия мощной базы опытно-конструкторских работ и способности быстро реагировать на требования рынка путем создания новшеств, воплощающих либо идею лидера, либо сам продукт. Хозяйственное звено фирмы не несет крупных затрат на НИОКР, но получает возможность быстро выйти на рынок с новой продукцией, основанной на новых технических решениях, и получить более высокую прибыль, пока рынок не будет насыщен. Вместе с тем оно должно быть ориентировано на постоянное изыскание новых областей уже применяемых новинок;

3. Ориентация производства на техническое обновление выпускаемой продукции. Это предполагает определение целесообразности модернизации продукции и достижения технико-экономических показателей продуктов-аналогов, выпускаемых конкурирующими фирмами. Ориентация производства на выпуск изделий с улучшенными свойствами требует определения целесообразности и эффективности такой деятельности с учетом постоянной необходимости снижения издержек производства и совершенствования технологии производства. Для реализации такой политики необходимы относительно небольшие расходы на НИОКР, хорошо отработанная технология, опирающаяся на относительно невысокие издержки производства благодаря использованию стандартизирован-

ных частей и деталей при выпуске многих модификаций изделий. Научно-техническая политика должна быть направлена на постоянное улучшение качественных характеристик уже освоенной продукции и реализовываться на основе составления программ освоения новых изделий и технологических процессов. Такая политика может предусматривать выпуск усовершенствованной продукции, созданной на основе собственных разработок товаров — аналогов новинок, появившихся на рынке, или путем заимствования научно-технических достижений других фирм в результате приобретения лицензий, ноу-хау, а также выпуск продукции на основе межфирменного кооперирования путем получения компонентов и деталей новой конструкции, обеспечивающих модернизацию изделий и улучшение их технико-экономических характеристик. Ориентация производства на выпуск изделия с улучшенными свойствами и отличающихся новизной благодаря модернизации конструкции не требует крупных ассигнований на НИОКР, а предполагает непрерывное совершенствование конструкторской базы, работы дизайнеров и инженеров. Модернизация может проводиться и внесением незначительных изменений, повышающих удобство пользования изделиями (миниатюрность) и внедрение на заранее определенные сегменты рынка, где они не будут иметь аналогов;

4. **Ориентация производства на выпуск традиционных товаров, устаревших, но пользующихся спросом на отдельных рынках.** Такая ориентация требует решения вопроса о целесообразности сохранения налаженного производства продукции по традиционной технологии или перехода на новую технологию. Большое значение имеет определение степени морального старения конкретных видов продукции, стадии жизненного цикла одного и того же продукта на различных рынках.

Правильно сформулированная научно-техническая политика имеет для производственного отделения особое значение, поскольку позволяет оценить перспективы развития рынка и возможности фирмы сконцентрировать ресурсы на наиболее перспективных направлениях хозяйственной деятельности. Такая политика должна обеспечивать непрерывное совершенствование и обновление выпускаемой фирмой продукции, что выдвигает на первый план вопросы организации и проведения НИОКР, освоения продукции и внедрения ее в массовое производство. Речь идет как о затратах на такую

деятельность, так и о сроках реализации намечаемых видов работ. Реализация научно-технической политики осуществляется путем разработки в производственном отделении программы НИОКР, в которой формулируются конкретные цели и пути их достижения. Такие программы способствуют наращиванию научно-технического потенциала фирмы для последующих нововведений.

Вышеизложенное свидетельствует, что основа научно-технической политики фирм формируется на креативном подходе. В частности, в настоящее время крупные фирмы имеют устойчивые механизмы управления научно-технической деятельностью, учитывающие особенности процесса интеграции науки и производства, ориентацию исследований и разработок на рыночные потребности, влияние рыночных факторов на формирование их стратегических позиций. Произошли изменения в системе организационных связей по вертикали — между всеми уровнями управления, и по горизонтали — между подразделениями научно-производственно-сбытовой цепи. С возникновением и развитием в 1980-е годы *интегрированных систем управления процессом инновации,* выделившихся из общей системы управления производством и выпуском традиционной продукции, разработка и внедрение нововведений превратились в непрерывный управляемый процесс, креативные идеи интегрируются в перспективные производственные планы и программы, стимулирующие проникновение во все новые сферы бизнеса.

Системы управления процессом создания и внедрения нововведений были приняты в крупнейших машиностроительных компаниях («ИБМ», «Дженерал электрика, «Мацусита», «Мицубиси», «Сони» и др.). Процесс внедрения систем сопровождался обособлением подразделений, занимающихся нововведениями и перспективными направлениями развития фирмы, с целью упрощения процесса принятия решений, планирования и стимулирования, ускорения разработки и внедрения новой продукции за счет специализации этих подразделений.

Специализация обеспечила создание более гибкой и комплексной системы управления креативными инновационными процессами, ориентированного на разработку перспективных видов продукции, изменение функций, стиля и организационных форм управления. Перестройка стимулировала создание и внедрение новшеств, обеспечила сквозное управление инновационным процессом

— от возникновения идеи до ее реализации. Организационный механизм комплексной системы управления креативными инновационными процессами предусматривает рассредоточение служб и отделов, осуществляющих реализацию технической политики и управлением нововведениями. Между ними действует налаженная система взаимодействия и координации.

Вместе с тем наряду с поиском новых решений по производству новой продукции осуществляется выпуск традиционной. Для многих продуктов их долговечность является стабильной и кажется неограниченной. Основные причины такой долговечности:

1. Соответствие основным, насущным потребностям или желаниям скорее реальным, чем надуманным. Продукт все еще используется по своему первоначальному назначению, независимо от того, должен ли он быть вкуснее, заживлять быстрее или чистить более тщательно;

2. Графический торговый знак. У продукта есть легко опознаваемый и запоминающийся торговый знак, с которым в сознании покупателя отождествляется сам продукт.

3. Надежность. С течением времени в самом продукте-названии или торговом знаке произошло мало изменений. Уже одно это является символом однородности и качества.

4. Устная реклама. Информация о продукте перешла от одного поколения к другому, и таким образом название продукта превратилось в повседневное слово.

5. Продажа с доставкой на дом способствовала сбыту многих старых продуктов.

6. Наличие многочисленных каналов сбыта, и массовое распределение предметов широкого потребления является важным фактором долговечности.

7. Низкая цена. Большинство долговечных бестселлеров имеют низкую цену и рассчитаны на устойчивое потребление, неизменные рынки. За общим повышением цен не последовало повышения цены на продукт.

8. Прибыльность. Продукты продолжают существовать не из-за своего названия, а в силу того, что они могут приносить прибыль.

На основании вышеизложенного можно отметить следующее. Во-первых, перемены в условиях конкуренции, изменение вкусов потребителей, сокращение жизненного цикла продукции требует от

компаний создания креативной, высокорисковой в производстве продукции, требующей значительных затрат. Во-вторых, привлекательно создание продуктов, производство которых связано с минимальным риском и получением высокой прибыли, но риск таких товаров постоянно сужается. Таким образом, научно-техническая политика компаний, где планируется производство креативной и традиционной продукции, должна балансировать в границах экономической целесообразности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афонин, А. М., Царегородцев, Ю. Н., Афонина, В. Е., Башина, О. Э., Петрова, А. М. (2015) Креативный менеджмент: Социальные, психологические и творческие аспекты экономики труда : учеб. пособие. М. : ФОРУМ: ИНФРА-М. 272 с.

Герчикова, И. Н. (1997) Менеджмент : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Банки и биржи : ЮНИТИ. 501 с.

Меерович, М. И., Шрагина, Л. И. (2000) Технология творческого мышления : практич. пособие. Мн. : Харвест ; М. : АСТ. 432 с.

Царегородцев Юрий Николаевич — заведующий кафедрой менеджмента Московского гуманитарного университета, доктор экономических наук, профессор.

Башина Ольга Эмильевна — заведующий кафедрой статистики, маркетинга и бухгалтерского учета Московского гуманитарного университета, доктор экономических наук, профессор.

Социально-психологические особенности отношения к изменениям климата в разных странах: обзор кросс-культурных исследований

Т. А. Алехина
Московский гуманитарный университет

В статье приведен краткий обзор ключевых результатов исследований отношения к климатическим изменениям в разных странах мира, с акцентом на важность данных результатов для разработки программ по смягчению последствий изменения климата.

Ключевые слова: изменения климата; антропогенное влияние; социальные представления; кросс-культурные исследования

В течение последних десятилетий проблемы изменения климата и ухудшения экологической ситуации в мире подвергаются все более широкому изучению и обсуждению в разных социальных науках: социологии, урбанистике, культурологии, социальной психологии и т. д.

Так как экологические проблемы охватывают, без преувеличения, все регионы мира, то важным направлением является изучение отношения к этим проблемам в разных культурных сообществах. Результаты таких исследований должны помочь в разработке программ для смягчения последствий изменения климата или адаптации к ним с учетом социально-психологических особенностей отношения к данной проблематике, свойственных конкретной культуре. Мы остановимся на ключевых результатах таких исследований, которые должны быть приняты во внимание при дальнейшем изучении данного вопроса.

ВЫСОКАЯ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ О ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Можно сказать, что на текущий момент большинство людей в мире в той или иной степени осведомлены о том, что изменения климата и увеличение загрязненности (атмосферы, мирового океана, поверхности Земли), так же как и ряд других аспектов меняющейся экологической обстановки, могут быть серьезной проблемой (Brechin, Bhandari, 2011).

В исследовании, проведенном в 1992 г. и охватывавшем 24 страны, было показано, что, в целом, более 50 % респондентов считают изменения климата «очень серьезной проблемой», хотя доля таких ответов варьировалась в разных странах в диапазоне от 26 % до 73 % (Brechin, 2003; Dunlap, 1998). Таким образом, впервые попав в поле общественного дискурса на рубеже 1970–1980-х годов, данная проблематика с течением времени вызывала все большую озабоченность населения в разных странах и занимала заметное место в общественном дискурсе на протяжении 1990-х годов. Подписание в декабре 1997 г. Киотского протокола о стабилизации или сокращении выбросов парникового газа в атмосферу было одной из важных причин, по которым вопросы, связанные с изменениями климата, были в центре общественного внимания.

СКЕПТИЦИЗМ ОТНОСИТЕЛЬНО ФАКТОРА АНТРОПОГЕННОГО ВЛИЯНИЯ

Дальнейшие изменения в отношении к проблематике меняющегося климата произошли на протяжении 2000-х годов, когда постепенно рос скептицизм, связанный с сомнениями в том, что именно антропогенный фактор является причиной наблюдаемых изменений. Эта тенденция была показана в ряде исследований, проведенных в странах Западной Европы, Австралии и США (Connor, 2013; Corner et al., 2011; EuroBarometer, 2009; Leiserowitz et al., 2014; Ratter, Philipp, von Storch, 2012; Spence et al., 2010).

Важно отметить, что некоторые авторы указывают на определенную параллельность возникновения этой тенденции и некоторых общественно-политических процессов в крупных западных странах, в частности, в США, где полярные мнения относительно причин климатических изменений свойственны представителям двух ключевых политических партий — республиканской и демократической (Smith, Leiserowitz, 2012; Whitmarsh, 2011).

Также существенно, что распространение скептической точки зрения наблюдалось именно в развитых западных странах, в то время как в других регионах мира — в Африке, Латинской Америке и Азии — росла обеспокоенность, связанная с климатическими изменениями, и осознание роли антропогенного фактора как причины этих изменений.

С одной стороны, пока нет четкого понимания причин этого явления, — в данном вопросе требуются дальнейшие исследования (Pugliese, Ray, 2011: Электронный ресурс). С другой стороны, важно отметить влияние СМИ на отношение к экологической проблематике. Было выявлено, что публикации, отражающие скептическую точку зрения на причину климатических изменений, широко представлены, в первую очередь, в СМИ США и Великобритании, в то время как количество аналогичных публикаций в таких странах как Китай, Индия, Бразилия или Франция гораздо ниже (Painter, Ashe, 2012). Эти различия являются одним из факторов, обуславливающих разную степень обеспокоенности климатическими изменениями в той или иной стране.

ВЛИЯНИЕ РЕЗОНАНСНЫХ СОБЫТИЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И ПОГОДНЫХ АНОМАЛИЙ НА ВОСПРИЯТИЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Что касается 2010-х годов, то в этот период в разных странах периодически наблюдается снижение или увеличение внимания к данной проблематике. На данный момент не представляется возможным выделить все конкретные причины тех или иных изменений. Но важным фактором могут быть резонансные события (например, экономический кризис 2008–2009 гг. и т. д.), которые на определенный период времени становятся ключевыми в общественном дискурсе и отодвигают другие проблемы на второй план (Mountford, 2012: Электронный ресурс; Environmental Concerns … , 2013; Capstick et al., 2015).

В целом, в связи с влиянием экономических факторов на отношение к изменениям климата, некоторые авторы прибегают в качестве объяснения к гипотезе “finite pool of worry”, что можно перевести на русский язык известной поговоркой «рот полон хлопот» (Scruggs, Benegal, 2012; Shum, 2012; Weber, 2010). Т. е. снижение внимания к экологической проблематике происходит тогда, когда возникают существенные риски для экономического благополучия (экономический кризис, снижение доходов, и т. д.), и внимание людей переключается на другие более актуальные в данный момент проблемы.

С другой стороны, температурные или погодные аномалии, наблюдающиеся в той или иной стране, способствуют росту опасе-

ний относительно негативной роли климатических изменений, что особенно заметно в случае, если такие аномальные явления длятся достаточно долгое время (1 месяц и более) (Deryugina, 2013; Donner, McDaniels, 2013; Reser, Bradley, Ellul, 2014).

ТРИ ТИПА ОТНОШЕНИЯ К ИЗМЕНЕНИЯМ КЛИМАТА

Кроме того, что обеспокоенность климатическими изменениями может быть низкой или высокой, исследователи также выявили три типа отношения к данной проблематике (Schultz, 2002). Иными словами, два человека могут быть в равной степени обеспокоены климатическими изменениями, но по разным причинам. Эти три типа отношения следующие:

- «эгоистическое» (*egoistic*): причины обеспокоенности кроятся в рисках для самого человека лично (для его здоровья, качества жизни, уровня благосостояния и т. д.);
- «альтруистическое» (*altruistic*): причины обеспокоенности — в заботе о других людях (семье, друзьях, знакомых) и рисках для них.
- «биосферическое» (*biospheric*): обеспокоенность вызвана заботой о благополучии природы, биосферы, планеты в целом.

В исследовании были выявлены четкие различия между странами в зависимости от того, какой тип отношения выражен сильнее. В частности, в США — стране с преобладанием индивидуалистических ценностей — было выявлено преобладание «эгоистического» отношения к климатическим изменениям, в то время как в южноамериканских странах (Бразилия, Колумбия, Парагвай, Венесуэла и др.) преобладало «биосферическое» отношение к изменениям климата. Данное исследование кажется нам интересным, и включение в данную работу новых стран позволит понять, на какие мотивы эффективнее опираться в той или иной стране при разработке программ для смягчения последствий климатических изменений.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММ ДЛЯ СМЯГЧЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

В целом, в настоящее время представление об изменениях климата как результате деятельности человека является доминирующим, хотя и не бесспорным (Jaspal, Nerlich, Cinnirella, 2014). Та-

кая постановка вопроса ведет к пониманию того, что для борьбы с климатическими изменениями людям необходимо изменить те или иные аспекты своего поведения, а государственным институтам разработать определенные программы, затрагивающие самые разные сферы жизни общества. В связи с этим нам кажется интересным исследование восприятия изменений климата, в котором приняли участие представители двух различных культурных сообществ: филиппинцы и американцы, проживающие на острове Гуам (Baquiano, Mendez, 2016).

Исследование было проведено в русле концепции социальных представлений. Представители обеих выборок имели похожие (азиатские) культурные корни, но, наряду с этим, они жили в разной культурной среде. Результаты исследования показали, что — кроме очевидных общих паттернов — представители двух групп демонстрировали различия в понимании климатических изменений. Филиппинцы казались более вовлеченными в вопросы, связанные с изменениями климата (они называли в три раза больше ассоциаций, чем жители Гуама), и более эмоциональными по отношению к этому вопросу. Также филиппинцы достаточно часто говорили о неправильном поведении людей, которое вызывает изменения климата, — таким образом, филиппинцы демонстрировали понимание, что человек сам по себе может быть ответственен (по крайней мере, частично) за изменения климата. С другой стороны, жители Гуама казались эмоционально гораздо менее вовлеченными в вопросы, связанные с данной проблематикой, и — что важно — они не называли никаких ассоциаций, связанных с возможной индивидуальной ответственностью за изменения окружающей среды. Жители Гуама в исследовании предстали фаталистами: они говорили о глобальном потеплении и возможных катастрофах, но они не демонстрировали понимания, что личное поведение может быть одной из причин для таких изменений. Таким образом, результаты исследования показали, что различные стратегии могут потребоваться в этих двух регионах для смягчения последствий изменения климата. Так, наиболее вероятно, что филиппинцы могут быть легче вовлечены в реализацию инициатив, требующих некоторых изменений в личном поведении, в то время как у жителей Гуама нет понимания такой необходимости, и может потребоваться больше усилий, чтобы вовлечь их в аналогичные программы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социально-психологические исследования отношения к изменениям климата в разных странах являются важным этапом на пути разработки стратегий и программ для смягчения последствий климатических изменений и адаптации к ним. Продолжение этой работы в разных странах и выявление социально-психологических особенностей, свойственных представителям тех или иных культур в данном аспекте, позволят сделать дальнейшую разработку таких программ более эффективной и отвечающей потребностям конкретной страны и социально-психологическим особенностям восприятия данной тематики ее населением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Baquiano, M. J., Mendez, A. J. P. (2016) Social representations of climate change: A cross-cultural investigation // American International Journal of Contemporary Research. Vol. 6. No. 1. P. 1–9.

Brechin, S. R. (2003) Comparative public opinion and knowledge on global climatic change and the Kyoto Protocol: The U.S. versus the world? // International Journal of Sociology and Social Policy. Vol. 23. No. 10. P. 106–134.

Brechin, S. R., Bhandari, M. (2011) Perceptions of climate change worldwide // WIREs Climate Change. Vol. 2. No. 6. P. 871–885. DOI: 10.1002/wcc.146

Capstick, S. (2015) International trends in public perceptions of climate change over the past quarter century / S. Capstick, L. Whitmarsh, W. Poortinga, N. Pidgeon, P. Upham // WIREs Climate Change. Vol. 6. No. 1. P. 35–61. DOI: 10.1002/wcc.321

Connor, L. H., Higginbotham, N. (2013) “Natural cycles” in lay understandings of climate change // Global Environmental Change. Vol. 23. No. 6. P. 1852–1861. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2013.07.002

Corner, A. et al. (2011) Nuclear power, climate change and energy security: exploring British public attitudes / A. Corner, D. Venables, A. Spence, W. Poortinga, C. Demski, N. Pidgeon // Energy Policy. Vol. 39. No. 9. P. 4823–4833. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.06.037

Deryugina, T. (2013) How do people update? The effects of local weather fluctuations on beliefs about global warming // Climatic Change. Vol. 118. Issue 2. P. 397–416. DOI: 10.1007/s10584-012-0615-1

Donner, S. D., McDaniels, J. (2013) The influence of national temperature fluctuations on opinions about climate change in the U.S. since 1990 // Climatic Change. Vol. 118. Issue 3–4. P. 537–550. DOI: 10.1007/s10584-012-0690-3

Dunlap, R. E. (1998) Lay perceptions of global risk: Public views of global warming in cross-national context // International Sociology. Vol. 13. No. 4. P. 473–498. DOI: 10.1177/026858098013004004

Environmental concerns “At record lows”: Global poll (2013) [Электронный ресурс] // Globescan. February 20. URL: https://globescan.com/environmental-concerns-at-record-lows-global-poll/ (дата обращения: 5.08.2018).

EuroBarometer. Europeans’ attitudes towards climate change (2009) : A report. Brussels : European Commission. 67 p. (Special Eurobarometer 313).

Jaspal, R., Nerlich, B., Cinnirella, M. (2014) Human responses to climate change: Social representation, identity and socio-psychological action // Environmental Communication. Vol. 8. No. 1. P. 110–130. DOI: 10.1080/17524032.2013.846270

Leiserowitz, A. et al. (2014) Climate change in the American mind: Americans’ global warming beliefs and attitudes in November 2013 / A. Leiserowitz, E. Maibach, C. Roser-Renouf, G. Feinberg, S. Rosenthal, J. Marlon / Yale University and George Mason University. New Haven, CT : Yale Project on Climate Change Communication. 64 p.

Mountford, S. (2012) As Doha conference gets underway, climate concern falling sharply [Электронный ресурс] // Globescan. December 7. URL: https://globescan.com/as-doha-conference-gets-underway-climate-concern-falling-sharply/ (дата обращения: 5.08.2018).

Painter, J., Ashe, T. (2012) Cross-national comparison of the presence of climate scepticism in the print media in six countries, 2007–10 // Environmental Research Letters. Vol. 7. No. 4. P. 044005 (8 pp.). DOI: 10.1088/1748-9326/7/4/044005

Pugliese, A., Ray, J. (2011) Fewer Americans, Europeans view global warming as a threat [Электронный ресурс] // Gallup. April 20. URL: https://news.gallup.com/poll/147203/fewer-americans-europeans-view-global-warming-threat.aspx (дата обращения: 5.08.2018).

Ratter, B. M. W., Philipp, K. H. I., von Storch, H. (2012) Between hype and decline: recent trends in public perception of climate change //

Environmental science & policy. Vol. 18. P. 3–8. DOI: 10.1016/j.envsci.2011.12.007

Reser, J. P., Bradley, G. L., Ellul, M. C. (2014) Encountering climate change: ‘Seeing’ is more than ‘believing’ // WIREs Climate Change. Vol. 5. No. 4. P. 521–537. DOI: 10.1002/wcc.286

Schultz, P. (2002) Environmental attitudes and behaviors across cultures // Online Readings in Psychology and Culture. Vol. 8. No. 1. DOI: 10.9707/2307-0919.1070

Scruggs, L., Benegal, S. (2012) Declining public concern about climate change: Can we blame the great recession? // Global Environmental Change. Vol. 22. No. 2. P. 505–515.

Shum, R. Y. (2012) Effects of economic recession and local weather on climate change attitudes // Climate Policy. Vol. 12. No. 1. P. 38–49. DOI: 10.1080/14693062.2011.579316

Smith, N., Leiserowitz, A. (2012) The rise of global warming skepticism: exploring affective image associations in the United States over time // Risk Analysis. Vol. 32. No. 6. P. 1021–1032. DOI: 10.1111/j.1539-6924.2012.01801.x

Spence, A. et al. (2010) Public perceptions of climate change and energy futures in Britain: Summary findings of a survey conducted in January — March 2010 : A technical report / A. Spence, D. Venables, N. F. Pidgeon, W. Poortinga, C. Demski. Cardiff : Cardiff University. 28, [20] p. (Understanding Risk Working Paper 10-01).

Weber, E. U. (2010) What shapes perceptions of climate change? // WIREs Climate Change. Vol. 1. No. 3. P. 332–342. DOI: 10.1002/wcc.41

Whitmarsh, L. (2011) Scepticism and uncertainty about climate change: Dimensions, determinants and change over time // Global Environmental Change. Vol. 21. No. 2. P. 690–700. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2011.01.016

Алехина Татьяна Александровна — аспирант кафедры социальной и этнической психологии факультета психологии, педагогики и социологии Московского гуманитарного университета.

Синергетический подход к обучению в университете на базе системы Moodle

С. Н. Буренин
Московский гуманитарный университет

В данной статье рассматривается использование системы управления обучением Moodle в университете на основе синергетического подхода. Указываются преимущества системы Moodle. Рассматривается возможность расширения системы на примере подключения дополнительного модуля Mindmap, который позволяет работать с интеллект-картами.

Ключевые слова: университет; синергетический подход; обучение; системы управления обучением; Moodle; перевернутый класс; информационные технологии; информационная культура; синергетическое мышление; визуальное мышление; интеллект-карты

С точки зрения синергетического подхода к процессу обучения в университете можно подходить как к сложной, открытой и нелинейной системе, для которой как внутри, так и снаружи характерны процессы самоорганизации.

Синергетический подход с упором на принятие решений в сложных нелинейных системах может выступать в качестве стержня процесса обучения. Для синергетического подхода присущ синтез различных других подходов, в результате которого возможно появление их синергии.

Синергетический подход предполагает, что преподаватель в процессе обучения является в какой-то мере также менеджером, цель которого научить учиться в сложной, открытой и нелинейной системе современного общества. Он ненасильственно направляет как отдельных студентов, так и группы на благоприятные пути развития. Студенты должны понимать поведение нелинейных систем, возникновение точек бифуркации и эффективно использовать их в своей практике.

Синергетический подход также предполагает, что студент постоянно помнит о ненасильственном характере коэволюции человека и природы.

Мы живем в стремительно развивающемся информационном обществе. Интернет является мощнейшей самоорганизующейся системой, которая развивается по нелинейным законам.

Преподаватель должен помогать студентам ориентироваться в огромных потоках информации, выбирать полезную информацию, сжимать и структурировать ее, представлять ее в виде интеллект-карт и владеть простейшими приемами аналитической обработки данных. В связи с этим становится актуальным формирование информационной и коммуникационной культуры студента.

В связи с увеличением полезной информации в Интернете наблюдается рост ложной или вредной информации и информационного мусора. В Интернете нужно наводить порядок.

За время обучения и в дальнейшем многие учебники устаревают. Студенты должны уметь доучиваться и переучиваться. У студентов должна быть сильно развита способность к самообразованию, в том числе с помощью электронных ресурсов и систем электронного обучения.

Современные системы электронного обучения позволяют преподавателям наполнять их учебной информацией и внедрять различные инновационные модели обучения, отвечающим требованиям развития информационного общества.

С точки зрения синергетического подхода, ориентированного на нелинейную динамику процесса обучения, наиболее удачным вариантом в настоящее время является система управления обучением Moodle (модульная объектно-ориентированная динамическая обучающая среда).

Система Moodle является наиболее популярной в мире среди множества подобных систем. Большое количество университетов в мире используют ее в учебном процессе, что создает возможность перенимать этот богатейший опыт. Удобно, что в Moodle можно работать с мобильных устройств.

Система Moodle является открытой и бесплатной, распространяется свободно. Исходные программные коды системы полностью открыты. Система постоянно совершенствуется интернет-сообществом. Инсталляция и переход на новые версии происходит без затруднений.

Движение к открытому и бесплатному программному обеспечению является тенденцией для современного самоорганизующегося

Интернета. Для такого программного обеспечения характерна большая динамика развития.

Система Moodle обладает большой функциональностью. Некоторые считают, что это приводит к сложности ее эксплуатации. Но при наполнении системы учебной информацией не обязательно использовать полный функционал, можно отобрать то, что нужно для каждого конкретного случая, что приведет к упрощению работы.

В системе Moodle реализована удобная поддержка языков. Можно удобно менять язык интерфейса. Студенты, изучающие иностранные языки, при использовании этой системы могут в учебных целях легко менять язык интерфейса с русского на иностранный.

Система Moodle является модульной. Кроме стандартного набора модулей возможно подключение дополнительных модулей, которые можно загрузить с официального сайта. С помощью дополнительных модулей и изменению настроек можно адаптировать систему Moodle под свои требования и педагогические модели.

При использовании элемента Mindmap открывается окно редактора интеллект-карт. Приведен пример интеллект-карты с указанием положительных характеристик системы Moodle (рис. 1).

Рис. 1. Окно редактора интеллект-карт с простейшей интеллект-картой, указывающей достоинства системы Moodle

Система Moodle может служить удачным дополнением к традиционному обучению студентов. С помощью данной системы можно экспериментировать с различными инновационными педагогическими технологиями.

В системе Moodle присутствует средства коллективной работы студентов, что позволяет создавать новые прогрессивные методики обучения.

Например, в мире пользуется популярностью педагогическая модель «перевернутый класс» (*flipped classroom*). Вместо обычных лекций или дополнительно к ним студенты осваивают вне университета короткие обучающие видеоролики. Они могут быть созданы преподавателем, либо указаны ссылки на удачные интернет-ресурсы (например, на YouTube). Студент может их многократно просматривать и перематывать. На семинарских занятиях больше внимания уделяется выполнению творческих заданий, изобретательности, проектной деятельности, мозговым штурмам. Причем результаты могут оформляться в виде коллективных интеллект-карт.

Разработчикам курсов для системы Moodle необходимо помнить о принципах юзабили (от англ. usability— «удобство и простота использования, степень удобства использования»), которые широко применяются в построении сайтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буренин, С. Н. (2014) Некоторые аспекты формирования синергетического мышления студентов // Информационные технологии в образовании, науке, технике и гуманитарной сфере : межвузовский сб. трудов. Вып. 5 / под ред. А. Ю. Выжигина, Н. С. Кондакова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 272 с. С. 7–17.

Буренин Сергей Николаевич — доцент кафедры прикладной информатики Московского гуманитарного университета.

Медийное событие в эпоху постправды

А. Ю. Гарбузняк
Московский гуманитарный университет

Обесценивание медийных фактов исследователи называют одной из характеристик эпохи постправды. Медийный нарратив в новых условиях обретает практически автономное существование: СМИ закрепляют в общественном сознании интерпретации, устойчивые к меняющимся фактам и опровержениям.

Ключевые слова: постправда; медийный нарратив; интерпретация; Аркадий Бабченко; фейк; нарративная журналистика

Начиная с 2015 г. сначала публицисты, а затем политологи и исследователи массмедиа фиксируют новое социально-политическое явление, получившее название «постправда» (Boston, 2015). С ним связывается наступление новой коммуникативной реальности, в которой факты как аргументы в публичной дискуссии теряют свою ценность (Davies, 2016). Их место занимают интерпретации, коррелирующие с уже существующими в обществе убеждениями. Артикулируют эти интерпретации, как правило, известные политики, а также субъекты, выступающие ретрансляторами их идей.

Усиление роли интерпретаций и уменьшение значимости фактов выражается в том, что опровергнуть интерпретацию фактом, даже документально подтвержденным, практически невозможно. Люди отказываются принимать к сведению факты, противоречащие их убеждениям (Freedland, 2016). Недоверию фактам способствует также широкое распространение новостей-фейков и всевозможных конспирологических теорий, одинаково недоказуемых и неопровержимых.

Именно в таких коммуникативных условиях стала возможна история с мнимым убийством журналиста Аркадия Бабченко. На первый взгляд, механизм постправды не сработал: известие об убийстве было опровергнуто демонстрацией живого журналиста, этот факт проигнорировать сложно. Вместе с тем сообщалось, что покушение готовилось, но его удалось предотвратить. Интерпретация, на которую опирается версия с «предотвращенным покушением», идентична той, которая объясняла бы состоявшееся убийство. В информационной войне между Украиной и Россией Бабченко под-

держивал Украину и настолько не стеснялся в выражении своей позиции в Facebook, что нажил себе много врагов и действительно получал угрозы в свой адрес.

Убийство задиры-журналиста казалось настолько естественным еще и потому, что становилось в ряд аналогичных политических убийств, произошедших с начала гражданской войны на Украине. Украинский журналист Олесь Бузина, воевавший в информационном поле на стороне России, был убит в 2015 г. За год до этого под минометным обстрелом в Луганской области погибли журналисты ВГТРК Игорь Корнелюк и Антон Волошин (в их преднамеренном убийстве российское следствие обвиняло военнослужащую украинской армии Надежду Савченко). Российский политик Денис Вороненков, внезапно эмигрировавший на Украину и резко критиковавший российскую власть, был застрелен в 2017 г. В информационном поле эти реальные события развивались по одной и той же схеме: совершенно очевиден мотив убийства, очевидны заинтересованные лица (более или менее размытая группа), публичные обвинения с одной стороны, отрицание обвинений и заявления об их необоснованности с другой стороны.

Если говорить более детально об аргументах в этом споре, то они тоже типичны для каждой из сторон и основываются на исходной интерпретации российско-украинского конфликта, разгоревшегося в 2014 г. Официальный Киев с самого начала говорил о прямом российском вмешательстве в события на востоке Украины — о присутствии российских военных в Крыму и на Донбассе. Российские власти настойчиво повторяли тезис о необоснованности этих обвинений и недостаточности приводимых доказательств. Наличие российских военных в Крыму Москва, впрочем, потом признала, но этот факт никак не повлиял на доминирующий в СМИ нарратив: «отрицание необоснованных обвинений украинской стороны». Поиск и раскрытие новых «российских диверсий» на Украине, ожидание опасности, напротив, было основным мотивом в нарративе украинских СМИ, ретранслировавших позицию официального Киева. «Убийство Бабченко» на этом фоне преподносилось как очередной эпизод вмешательства в украинскую политику, «очередная диверсия». Российские государственные телеканалы в свою очередь отрицали «необоснованные обвинения».

Медийный нарратив или сложившийся в СМИ рассказ о событиях, — важнейший фактор, влияющий на общественное восприятие этих событий. Через год после начала активной фазы российско-украинского конфликта — присоединения Крыма и начала военных действий на востоке Украины — Левада-центр провел опрос (Волков, 2015: Электронный ресурс) среди россиян и выяснил, что интерпретации, воспроизводимые большинством респондентов, почти в точности повторяют нарратив, транслируемый государственными телеканалами.

Медийное событие — инсценировка убийства журналиста — создавалось с явным расчетом на то, что нарратив сохранится и после того, как выяснится, что факта убийства не было. Вместо него будет предложен факт «покушения на убийство», который, в отличие от первого, в символическом пространстве массмедиа одинаково недоказуем и неопровержим.

Один и тот же медийный факт (демонстрация окровавленного трупа; человек, называющий себя российским военнослужащим; заявление президента о спонтанности Крымского референдума) может скрывать за собой прямо противоположные реальности. Это выясняется, когда политики вдруг меняют свои заявления; оказывается, что дезинформация была необходима для успеха спецоперации; давшие признательные показания от них отказываются. При этом вопрос, что из этого правда (факт, имевший место в реальности), а что ложь, остается в большинстве случаев неразрешенным. Не говоря уже о фактах, которые в принципе не существуют вне интерпретации и не бывают нейтральными.

В зыбкой реальности обесценившихся фактов медийный нарратив обретает практически автономное существование и создает иллюзию относительно стабильной картины действительности. Интерпретации, опирающиеся на клише с героями, антигероями и понятными мотивами тех и других, демонстрируют устойчивость к меняющимся фактам, они самодостаточны.

В коммуникативной реальности постправды на смену уже несуществующей журналистике фактов и почти исчерпавшей себя журналистике мнений приходит нарративная журналистика. Сейчас этот термин используется, как правило, в узком смысле для обозначения жанра *story* — представления реально произошедших событий в виде увлекательной истории. Но встречаются и отдельные попыт-

ки концептуализировать это явление (Chernenko, 2017). Дальнейшее исследование нового тренда важно как для понимания трансформации журналистской деятельности в условиях дефицита подтвержденных фактов, так и для выявления механизмов манипуляции общественным сознанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков, Д. (2015) Российская социология украинского конфликта: вмешиваться не надо, но все правильно сделали [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. 26 августа. URL: http://carnegie.ru/2015/08/26/ru-61007/if5q (дата обращения: 15.06.2018).

Boston, R. (2015) Humanists and the rise of “post-truth America” [Электронный ресурс] // The Humanist. December 22. URL: https://thehumanist.com/magazine/january-february-2016/church-state/humanists-rise-post-truth-america (дата обращения: 15.05.2017).

Chernenko, J. (2017) Political storytelling in digital culture: A tool for post-truth politics? // Communications. Media. Design. Vol. 2. No. 1. P. 77–88.

Davies, W. (2016) The age of post-truth politics [Электронный ресурс] // The New York Times. August 24. URL: https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html (дата обращения: 15.06.2018).

Freedland, J. (2016) Post-truth politicians such as Donald Trump and Boris Johnson are no joke // The Guardian. May 13. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/may/13/boris-johnson-donald-trump-post-truth-politician (дата обращения: 15.06.2018).

Гарбузняк Алина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Московского гуманитарного университета.

Социализация российских подростков в информационном обществе

Г. С. Салистая
Московский гуманитарный университет

В статье рассматривается влияние информационного пространства на социализацию подростков, в процессе которой происходит конструирование виртуального «Я» и выстраивание определенного личностного имиджа для «представления себя другим» в повседневности виртуального взаимодействия.

Ключевые слова: социализация; информационное пространство; виртуальная идентичность; подростки; Интернет

Информационные технологии в современном мире оказывают значительное влияние на все сферы жизнедеятельности индивида и общества. Воздействие новых способов коммуникации на социальное пространство, их активное применение, обуславливают способы восприятия и передачи информации, определяющие систему представлений и переживаний индивида. Процесс социализации личности практически на всех его этапах, находится под весомым влиянием информационно-технологического компонента, и поэтому все большее распространение получают исследования информационной социализации (Белинская. Электронный ресурс).

Влияние информационного пространства на социализацию современных подростков, включенность в информационное воздействие, — определяет формирование социальных представлений, картины социального образа мира. В отличие от традиционных институтов социализации влияние сети Интернет на социализацию подростков стихийно и спонтанно, воздействие на личность приобретает практически неконтролируемый характер. Информационная социализация подростков является не инертным приспособлением, а скорее активным построением целостного образа Я, обогащая процесс становления идентичности, создавая новые формы социализации и индивидуализации, которые проявляются в идентификации через присоединение к мнению определенной социальной группы. Масштабность влияния средств массовой коммуникации на социализацию подростков усиливает альтернативность процесса социализа-

ции, способствует образованию новых социализационных траекторий (Ковалева, 2003).

Сложность информационного поля определяет изменение восприятия информации. Неопределенная, неструктурированная, множественная информация предполагает обработку и систематизацию на основании выбора источника, определяемого характером интересов подростка. Обширный объем источников информации в сети Интернет, с одной стороны, усиливает информационную компетентность подростка и его автономность от взрослых. С другой, — меняет структуру мышления, обесценивает информацию. Информационное пространство является ресурсом, который позволяет подростку строить свою идентичность и компенсировать ресурсный дефицит в других областях социальной реальности, например семейную ситуацию (Керделлан, Грезийон, 2006).

Социализация, с точки зрения конструктивистского подхода, является процессом взаимодействия общества и личности, в результате которого выстраивается индивидуальная картина мира. Рассмотрение социализации как процесса конструирования социальной реальности, предполагает изучение способов формирования различных групп идентичности, в которых происходит социализация индивида. Идентичности связаны между собой в сложную структуру, которая определяется нормами и ценностями разных социальных общностей и общества в целом. В процессе социального взаимодействия, формируется множество образов Я, которые соответствуют содержанию представлений разных групп идентичности.

Конструирование виртуальной идентичности в информационном пространстве, посредством самопрезентации в социальных сетях, фактически превратилось в повседневную необходимость для современных подростков. Виртуальная самопрезентация предоставляет возможность демонстрировать как «настоящую личность», которую можно установить через социо-ролевую информацию и личные фото, так и некоторый экспериментальный вариант с целью создания определенного впечатления. Процесс «представления себя другим» в повседневности виртуального взаимодействия, расширяет возможности игр с идентичностью.

Формирование сетевых сообществ, основанных на имитации образов «Я» и «Мы», основывается на всевозможных сочетаниях социальных критериев: возрастных, профессиональных, этнических и

культурных. Социализация индивида в социальных сетях основана на построении определенного личностного имиджа, как результата социального творчества индивида. Являясь средством самовыражения, имидж может быть создан на основе атрибутов потребления или сферы занятости. Особую значимость при этом имеют неформальные межличностные связи. Коммуникативное взаимодействие приобретает социальную значимость, имидж отражает самоопределение и требует непрерывного и интенсивного социального самопознания. Активность в поддержании имиджа порождает зависимость от интенсивной коммуникации с другими индивидами и чем интенсивнее протекают коммуникационные процессы, тем выше потребность имитации своей идентичности. Это вынуждает индивида приспосабливать и конструировать свое «Я», выстраивать свой образ через отражения все большего числа людей (Иванов, 2000).

Процессы социализации в современном обществе находятся под влиянием виртуального мира. Виртуальные коммуникации, в отличие от деятельности индивида в реальном мире, не направляются социальными нормами. Происходит переориентация взаимодействий с реальными родственниками, коллегами, друзьями на коммуникации виртуального «Я» с виртуальными партнерами. Возможность конструирования виртуального «Я», обезличенность коммуникации, — является привлекательной стороной осуществления коммуникации посредством сети Интернет. С одной стороны Интернет не ограничивает свободу идентификации: виртуальное тело, виртуальный статус, виртуальные достоинства и недостатки; с другой — происходит отчуждение от реального тела, статуса. Индивид лишается самоидентификации, индивидуального стиля исполнения социальных ролей, формируется размытая или вариативная идентичность. Происходит виртуализация не только общества, но и сгенерированной личности (Андреева. Электронный ресурс).

Использование Интернета в информационном обществе — неотъемлемый атрибут повседневной жизни и важный фактор социализации личности. Усиление роли информации и информационных технологий, оказывает существенное влияние и на процесс социализации. Такие механизмы формирования личности, как идентичность, статусность, репутация, накопление социального капитала, личностные и индивидуальные особенности, — в информационном обществе определяются в значительной мере социальными интернет-

практиками, которые реализуются посредством информационно-коммуникационных технологий. Особенность социальных интернет-практик, заключается в осуществлении виртуальных коммуникаций, которые выступают как альтернативные формы традиционных социальных практик, дополняющие реальные социальные взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева, Г. М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия (Электронный ресурс) // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 26. С. 1. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 01.07.2018).

Белинская, Е. П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие (Электронный ресурс) // Психологические исследования, 2013, 6(30), 5. URL:http://psystudy.ru. (дата обращения: 30.06.2018)

Иванов, Д. В.(2000) Виртуализация общества. СПб. : Петербургское Востоковедение. 96 с.

Керделлан, К., Грезийон, Г. (2006) Дети процессора: Как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых. Екатеринбург : У-Фактория. 272 с.

Ковалева, А. И. (2003) Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социол. исследования. № 1. С. 109–114.

Салистая Галина Станиславовна — аспирант Московского гуманитарного университета.

Проблема воспитания подрастающего поколения в духе мира и ненасилия в современной психолого-педагогической науке и практике[12]

В. А. Ситаров, Л. В. Романюк
Московский гуманитарный университет
В. Г. Маралов
Череповецкий государственный университет

Статья посвящена актуальным проблемам воспитания подрастающего поколения в духе мира и ненасилия в современной науке и практике. Выделяются, и описываются направления исследований: воспитание в духе мира и негативного отношения к войне; воспитание ненасильственного отношения к природе; создание в образовательных организациях ненасильственной безопасной развивающей среды; воспитание ненасильственного отношения к людям, формирование позиции ненасилия. Дается содержательная характеристика и оценка каждого направления. Раскрываются некоторые трудности, возникающие в процессе формирования у подрастающего поколения позиции ненасилия.

Ключевые слова: воспитание в духе мира и ненасилия; ненасильственное отношение к природе; ненасильственная безопасная развивающая среда; ненасильственное отношение к людям; позиция ненасилия

Воспитание подрастающего поколения в духе мира и ненасилия является актуальной проблемой современности. Еще в XX в. известный французский социопсихолог Ж. Семлен писал: «Ненасилие несет в себе зачатки новой истории, оно способно направить человечество в новом направлении. XXI век будет веком ненасилия или его не будет вовсе» (Семлен, 1990: 85). XXI в. наступил, однако о снижении уровня насилия во всех сферах человеческого бытия пока не может идти и речи. До сих пор мы сталкиваемся с войнами, расовой, национальной и религиозной нетерпимостью, терроризмом, преступностью, конфликтным взаимодействием людей. Противостоять этим негативным явлениям может только зрелая личность, способная поступать разумно и ненасильственно. В сложившейся обста-

[12] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00151

новке в мире, пронизанным насилием, это достаточно сложная задача, тем не менее, ее необходимо решать. В силу сказанного, большая ответственность ложится на образовательные организации, семью, которые могут, опираясь на гуманистические идеи, создать относительно благоприятные условия для развития способности к ненасильственному взаимодействию у детей и юношества.

В настоящей статье мы попытаемся выделить и охарактеризовать основные направления решения данной задачи, которые сложились в современной психолого-педагогической науке и практике.

Воспитание в духе мира и отрицательного отношения к войне. Основы этого направления были заложены еще во второй половине XX столетия. Например, в США в помощь педагогам было создано значительное число различных руководств и учебных пособий. В них обобщен опыт практической деятельности ряда организаций, занимающихся вопросами воспитания молодежи в духе мира. Среди большого количества учебных пособий по проблеме мира и ядерной войны наибольшее распространение получили такие, как «Альтернативы», «Диалог», «Принятие решения в ядерный век», «Перспективы».

В Германии воспитание в духе мира рассматривается как воспитание в духе обороны, в духе взаимообогащения культур как часть антивоенного движения, а также как воспитание в духе мира в широком смысле слова — как социальное обучение. Это обучение детей, живущих в конфликтном мире, умению разбираться в сложившихся ситуациях, искать способы выхода из них без применения силы, быть активными в деле поддержания мира на земле.

В Японии вопросы воспитания в духе мира рассматриваются в рамках теории «хэйва кейку». Японский эквивалент понятия «образование в духе мира». «Хэйва кейку» трактуется в двух смыслах. Первый — это понимание мира как отсутствие войны. Соответственно, «хэйва кейку» трактуется только как антивоенное, антиядерное образование. Второй — широкий взгляд. Смысл его состоит в том, что даже при отсутствии войны мир невозможен в обществе, где существует неравенство между лицами разной национальности, между мужчинами и женщинами; в обществе, где недостаточно уделяется внимания борьбе с загрязнением окружающей среды, где растет количество правонарушений в школах. Поэтому «хэйва кей-

ку» — это комплекс целей и задач по воспитанию в духе мира и международного взаимопонимания.

В России в конце XX в. активно функционировал центр «Педагогика мира». Сотрудниками этого центра разработаны основные направления и задачи педагогики мира (Педагогика мира, 1990): 1) формирование у молодежи и всего населения целостного восприятия мира в его диалектическом, естественноисторическом и социальном развитии; 2) переосмысление человеком своего места и роли в природной среде обитания; 3) осознание всеми слоями общества глобальных проблем человечества, грозных опасностей, нависших над ними, необходимости решения этих проблем и устранения опасностей; 4) формирование высоконравственных личных отношений людей; 5) создание благоприятной психолого-педагогической обстановки для осуществления системы всеобъемлющей безопасности во всех ее аспектах, особенно в гуманитарном.

Широкую известность и распространение получают и некоторые конкретные программы. В первую очередь хотелось бы назвать программу обучения с целью уменьшения насилия и развития миролюбия, предложенную американским ученым М. Липманом (Липман, 1995). Теоретико-педагогическая и философская концепция М. Липмана исходит из двух предпосылок. Во-первых, веры в разумность человека, во-вторых — убеждения, что образование, если оно станет рефлексивно-исследовательским (пока оно не является таковым), — наиболее действенный институт общества, способный существенно уменьшить неразумие, насилие и саморазрушительность человека. Он выступает против традиционной технологии обучения ненасилию, отмечая, что люди, занимающиеся воспитанием с целью уменьшения насилия, часто рисуют картины насилия и затем порицают их. Такая стратегия, по его мнению, малоэффективна, поскольку аудитория живо откликается на изображение насилия, и игнорируют его осуждение.

Идеи М. Липмана были поддержаны и развиты уже в XXI в. Ряд ученых также выступили за реформирование образования по вопросам мира. В частности, М. Зембилас и Э. Беккерман (Zembylas, Bekerman, 2013) выступают за пересмотр основных идей образования в духе мира, что включает в себя выделение главного и существенного в теории и практике работы, возрождение исследований по вопросам мира, проектирование программ различного уровня с уче-

том культурных различий. Д. Джонсон и Р. Джонсон (Johnson, Johnson, 2010) сформулировали общие требования к образованию в целом, чтобы оно способствовало установлению прочного мира на основе консенсуса. Во-первых, должна быть создана государственная система образования, интегрированная таким образом, чтобы учащиеся из ранее конфликтующих групп взаимодействовали друг с другом и имели возможность строить позитивные отношения друг с другом. Во-вторых, необходимо формировать чувство взаимности и общности судьбы, ради достижения общих целей и общей идентичности. В-третьих, учащиеся должны быть обучены методике конструктивных споров, чтобы убедиться, что они знают, как принимать трудные решения и участвовать в политическом дискурсе. В-четвертых, школьники должны быть научены тому, как участвовать в интегративных переговорах и посредничестве сверстников, чтобы конструктивно разрешать свои конфликты друг с другом. Наконец, необходимо прививать гражданские ценности, которые ориентируют учащихся на долгосрочное общее благо общества.

В настоящее время разрабатывается ряд интересных и оригинальных программ обучения в духе мира и ненасилия. Например, Х. Данеш (Danesh, 2008) дает характеристику интегративной программы «Образование для мира», которая была разработана в 2000 г. и внедрена в 112 начальных и средних школах в Боснии и Герцеговине, а также в нескольких школах в Северной Америке. По этой программе работают тысячи преподавателей и десятки тысяч учащихся. Учебная программа публикуется в девяти томах, охватывающих основные аспекты воспитания в духе мира. В ней представлены идеи из широкого спектра дисциплин по вопросам мира и образования, включая изучение мира, разрешение конфликтов, политологию, право, религию, социологию, психологию и историю. Доказывается эффективность ее реализации на практике.

В Испании (Андалузия) разработана и внедрена модель «Школа — пространство мира. Образование в культуре мира и ненасилия» (Диас, Карпава, 2015). Одной из задач школы — пространства мира является внедрение стратегий, направленных на улучшение межличностного взаимодействия и искоренение культуры насилия. Решение этой задачи предполагает обучение миру (теоретическое познание мира) и обучение в мире (практическое применение знаний о

мире), что способствует устранению насилия из образовательных пространств.

Воспитание ненасильственного отношения к природе. Проблема воспитания ненасильственного отношения к природе, пожалуй, является одной из наиболее разрабатываемых проблем. Практически любая программа по экологическому воспитанию решает эту задачу, так как экологический подход уже по своей сути несет в себе ненасильственный потенциал.

В теоретическом плане в рамках данного направления принципиальное значение приобрели два понятия — это формирование экоцентрического сознания и воспитание экологической культуры личности. Согласно С. Д. Дерябо и В. А. Ясвину (Дерябо, Ясвин, 1996) экоцентрическому сознанию присущи такие признаки, как гармоническое взаимодействие человека и природы, отказ от всякого рода иерархии, ориентированность на удовлетворение потребностей как самого человека, так и природы.

В качестве одного из конкретных путей построения отношений человека с природой, со всем живым, основанным на экоцентрическом принципе, выступает этика А. Швейцера (Швейцер, 1990). По его мнению, для человека, по-настоящему этичного, жизнь священна, даже та, которая находится на нижней границе шкалы ценностей, он делает различия только в каждом конкретном случае, под давлением необходимости, например, когда ему предстоит решить, какой из двух жизней он должен пожертвовать, чтобы сохранить другую.

Экологическая культура — понятие, которое тесно связано с понятием экоцентрического сознания. Основу ее составляет идея о недопустимости причинения вреда природе, необходимости защиты ее (в том числе и человека как части природы), создание таких условий, которые обеспечивали бы жизнеспособность и безопасность существования всего живого на земле. Например, в программе, разработанной коллективом авторов под руководством Н. С. Дежниковой (Дежникова и др., 2006), экологическая культура понимается достаточно широко, как умение человека достигать гармонии как со своим внутренним, так и с внешним миром. Авторами предлагается широкий спектр технологий формирования экологической культуры на различных возрастных этапах развития личности.

Создание в образовательных организациях ненасильственной безопасной развивающей среды. Человек только тогда будет чувствовать свободно и безопасно, когда создана соответствующая материальная и социальная среда. В полной мере это характерно и для образования. Ребенок будет лучше учиться, когда чувствует себя в безопасности, когда отношения выстраиваются на принципах взаимопонимания и сотрудничества, когда учебный материал не навязывается, а соотносится с интересами и потребностями личности. Об этом говорили многие известные педагоги и психологи. Например, П. Ф. Каптерев (Каптерев, 1982: 163) писал: «Иным путем, помимо самодеятельности, человек и развиваться не может: такова его природа. Воспитание же и образование нередко представляют ожесточенную борьбу против естественного творческого саморазвития человека и стремятся втиснуть его в наперед заготовленные рамки, вести по шаблону, по проторенной дорожке, причем, при общей насильственности постановки воспитания, все же речь идет о самодеятельности. Настоящей, не искаженный педагогический процесс в одно и то же время и свободен, и необходим, потому что это есть процесс саморазвития».

Одним из первых характеристику образовательных сред дал Я. Корчак (Корчак, 1991). Он выделил 4 типа сред: «догматическую», «безмятежного потребления», «внешнего лоска и карьеры», «идейную». Наиболее безопасной и благоприятной для личностного развития, по его мнению, является «Идейная» (творческая) среда, которая воспитывает личность с высокой самооценкой, активно осваивающую и преобразующую окружающий мир, открытую и свободную.

На современном этапе проблеме создания безопасной образовательной среды уделяется самое пристальное внимание. Например, в концепции И. А. Баевой (Баева, 2002) безопасная образовательная среда определяется как среда, свободная от проявлений психологического насилия во взаимодействии людей, способствующая удовлетворению основных потребностей в личностно-доверительном общении, обеспечивающем ее референтную значимость и, как следствие, — психологическую защищенность ее участников. Автор предлагает свою типологию сред: психологически-безопасная среда; либеральная среда; манипулятивно-авторитарная среда; попустительская среда. Оптимальной для личностного развития является психо-

логически-безопасная среда, основным признаком которой является ненасильственное взаимодействие. Показателями качества взаимодействия являются диалогическое общение, сотрудничество, отказ от психологического принуждения.

А. Г. Козлова (Козлова, 1997) основной акцент делает на характере взаимодействия между всеми субъектами образовательного процесса. Такое взаимодействие она называет «гармонией индивидуальностей». «Гармония индивидуальностей» возникает, согласно автору, на основе реализации трех принципов: демократизации, индивидуализации обучения и воспитания, обеспечения условий для осуществления свободного выбора для всех участников образовательного процесса.

Особое внимание в рамках данного направления уделяется вопросам обучения оптимальному взаимодействию и навыкам выхода из конфликтных ситуаций. Здесь имеется также ряд интересных разработок. Так, в программе, реализованной М. Вильсоном (Wilson, 2000), апробирована модель обучения управлению конфликтами на основе философии М. Л. Кинга у учащихся девятых классов. В результате было установлено, что в экспериментальной группе произошли существенные изменения, по сравнению с контрольной группой. В частности отмечается, что прошедшие обучение школьники предпочитают разрешать конфликты с использованием компромисса и сотрудничества, они продемонстрировали более позитивное отношение к ненасильственным стратегиям управления конфликтами в отличие от контрольной группы. В контрольной группе таких изменений не произошло.

Аналогичное исследование было проведено М. Смитом (Smith, 2002). Цель его состояла в том, чтобы помочь учащимся средних школ повысить их осведомленность о конфликте как части повседневной жизни и научиться примирять разногласия без применения насилия с помощью методов и стратегий ненасилия. Была разработана специальная программа ненасильственного урегулирования конфликтов для учащихся и их учителей. Ее реализация дала положительные результаты. Автором отмечается, что учащиеся, прошедшие специальное обучение, стали более осведомлены о методах и навыках ненасильственного разрешения конфликтов, чем учащиеся контрольной группы. Они научились разрешать конфликты без насилия с помощью методов и стратегий ненасилия. Они продемон-

стрировали значительно улучшенные знания и осведомленность о приемах разрешения конфликтов. Кроме того, в этой группе были значительно снижены случаи конфронтационного поведения по сравнению с их собственным поведением до начала обучения.

Воспитание ненасильственного отношения к людям, формирование позиции ненасилия. Данное направление мы считаем одним из наиболее приоритетных и значимых для решения проблем воспитания подрастающего поколения в духе мира и ненасилия. Человек, у которого сформирована позиция ненасилия, будет поступать ненасильственно во всех жизненных ситуациях, проявлять ее и к людям, и по отношению к рукотворному и нерукотворному миру. В рамках данного направления ведутся исследования, которые касаются непосредственно теоретических разработок и практических технологий формирования позиции ненасилия на различных возрастных этапах.

Одним из авторов настоящей статьи (Маралов, 2009) разработана и внедрена программа по формированию способности к ненасильственному взаимодействию у детей дошкольного возраста. Она включает в себя направления, связанные с работой с педагогами, с родителями и непосредственно с детьми. Основными принципами проведения с детьми специальных занятий явились следующие: принцип контраста; принцип задействования всех сфер жизнедеятельности; принцип опосредования; принцип моделирования жизненных ситуаций. Апробация и внедрение данной программы в течение 10 лет дало позитивные результаты.

Программа Т. Н. Икрянниковой (Икрянникова, 2005) также была реализована на контингенте детей дошкольного возраста. В качестве основных теоретических положений выступили следующие: формирование у ребенка образа «Я»; формирование устойчивой ориентации на сверстника; создание условий для овладения и самостоятельного применения ребенком способов ненасильственного взаимодействия с другими детьми в разнообразных ситуациях общения.

Программа Е. В. Ледянкиной (Ледянкина, 2010) ориентирована на воспитание позиции ненасилия у младших школьников. Она включает в себя: развитие психологической устойчивости, системы позитивных установок, комплекса индивидуальных качеств (эмпатии, миролюбия кооперации, сотрудничества), системы личностных и групповых ценностей.

В исследовании Б. Перри (Perry, 2001) показывается, что важнейшей предпосылкой формирования позиции ненасилия у детей является развитие их способности к самоконтролю и саморегуляции.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет исследование С. Спирс (Spears, 1977), в которой приводятся данные о влиянии усвоения идей ненасилия учащимися 5 класса на изменение их поведения. Автором убедительно показывается, что учащиеся стали более терпимы к различиям, более склонны воздерживаться от негативного самовыражения, приобрели способность высказываться за себя и других, научились думать, прежде чем действовать, стали более миролюбивыми.

Имеются также работы, в которых затрагивается проблема формирования позиции ненасилия у взрослых людей, в частности, у студентов. Сошлемся на диссертационное исследование М. Халлак (Hallak, 2002), которое было посвящено оценке эффективности учебной программы Центра Ненасилия и Мира в университете Род-Айленда, основанной на подходах Мартина Лютера Кинга, направленной на обучение трех категорий людей: преподавателей, студентов колледжа и старшеклассников методам ненасилия как образу жизни. Автор отмечает определенные трудности в работе с взрослыми людьми. Тем не менее, было установлено, что во всех экспериментальных группах участники показали более высокий уровень знаний и более высокое позитивное отношение к философии ненасилия, по сравнению с контрольными группами. Менее заметен оказался эффект в изменении поведения, особенно у старшеклассников, которые продемонстрировали противоречивые результаты, по сравнению с другими экспериментальными группами, и проявляли более агрессивное поведение. На трудности формирования поведенческих компонентов позиции ненасилия указывают и другие авторы. В частности, Е. А. Журавлева (Журавлева, 2017) также приходит к выводу о существовании ограничений в формировании поведенческого и морально-ценностного компонентов позиции ненасилия у студентов в условиях обучения.

В наших исследованиях была предпринята попытка выявить ведущие факторы, влияющие на принятие позиции ненасилия студентами — будущими медиками и будущими специалистами сферы психолого-педагогического сопровождения. В результате проведения серии эмпирических исследований (Maralov, Sitarov, 2018; Коря-

гина, Маралов, Ситаров, 2018; Маралов, Романюк, 2018) были выявлены ведущие факторы, оказывающие влияние на принятие студентами позиций принуждения, манипулирования, ненасилия и невмешательства. В результате было установлено, что позиция ненасилия положительно коррелирует с чувствительностью к человеку, сензитивностью к угрозам, мотивацией избегания неудач, доверием к себе, выбором адекватных способов реагирования в ситуациях угроз, потребностью в обеспечении безопасности, отрицательно — с раздражительностью к людям.

В итоге нами были выделены основные направления по формированию у студентов означенной позиции. К ним относятся:

– формирование способности к принятию себя и доверия к себе, как базовой характеристики отношения к другим людям;

– развитие чувствительности к человеку, то есть интереса к людям, способности к эмпатии и пониманию их, умения оказывать в случае необходимости помощь, что является важнейшим условием для принятия другого человека; преодоление социальных стереотипов, связанных с будущей профессией, эгоцентризма и раздражительности, которые могут приводить к принятию позиции принуждения; особый акцент при этом, согласно приведенным ниже результатам, необходимо сделать на формировании чувствительности к человеку и снижению уровня раздражительности к людям.

– формирование потребности в обеспечении безопасности, чувствительности к угрозам, выбору адекватных способов реагирования в ситуациях опасности, мотивации достижения и готовности к разумному риску;

– обучение специальным навыкам ненасильственного воздействия и ненасильственного сопротивления в ситуациях, связанных с профессиональным общением.

Итак, нами была предпринята попытка охарактеризовать основные направления исследований по проблемам воспитания подрастающего поколения в духе мира и ненасилия. Выделены и кратко описаны четыре направления: воспитание в духе мира и отрицательного отношения к войне; воспитание ненасильственного отношения к природе; создание в образовательных организациях ненасильственной безопасной развивающей среды; воспитание ненасильственного отношения к людям, формирование позиции ненасилия. Необходимо отметить, что все эти направления актуальны и в своей со-

вокупности приближают нас к решению важнейшей задачи, связанной с формированием зрелой личности, способной разрешать сложные жизненные задачи без использования крайних форм принуждения, то есть ненасильственными способами.

Особо хотелось бы обратить внимание на последнее направление, связанное с формированием позиции ненасилия у людей, и те трудности, с которыми сталкиваются ученые и практики. Дело в том, что позиции принуждения или ненасилия начинают формироваться уже в раннем детстве. У людей складывается убеждение, что без принуждения современная жизнь невозможна. Многие выступают против крайних форм насилия: войн, убийства, грабежей, подавления личности и т.д., но вполне допускают, условно назовем его, «бытовое принуждение», без которого якобы нельзя воспитать ребенка или воздействовать на взрослого человека. В результате формируется установка: «Мы против насилия, но не за ненасилие». Именно она и создает трудности в освоении идей ненасилия и, особенно, в овладении навыками ненасильственного взаимодействия. На наш взгляд, необходима серьезная работа по созданию специальных психолого-педагогических технологий, которые помогли бы личности принимать идеи ненасилия и реализовывать их в практику. Причем сами эти технологии не должны навязываться, а должны быть ненасильственными, органически включаемыми личностью в свой жизненный опыт. В этом мы и видим перспективы дальнейших исследований в рамках данного направления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баева, И. А. (2002) Психологическая безопасность в образовании: Монография. СПб. : Союз. 271 с.

Дежникова, Н. С., Клемяшова, Е. М., Николаева, С. Н., Прутченков, А. С., Шашурина, М. А., Шульженко, А. К., Вагнер, И. В., Теплов, Д. Л. (2005) Модели экологического воспитания детей: Методическое пособие для педагогов / Моск. гос. пед. ун-т им. М. А. Шолохова. М. 137 с.

Дерябо, С. Д., Ясвин, В. А. (1996) Экологическая педагогика и психология. — Ростов-на Дону : Феникс. 480 с

Диас, А. С., Карпава, А. (2015) Школа — пространство мира. Образование в культуре мира и ненасилия // Вестник Удмуртского

университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. № 3–2. С. 56–66.

Журавлева, Е. А. Возможности и ограничения обучения педагогов принципу ненасилия во взаимодействии с ребенком // Известия института педагогики и психологии образования. 2017. № 1. С. 74–82.

Икрянникова, Т. Н. (2005) Формирование способности к ненасильственному взаимодействию у детей 5–7 лет : дис. ... канд. пед. наук. Волгоград. 252 с.

Каптерев, П. Ф. (1982) Избранные педагогические сочинения / под ред. А. М. Арсеньева. М. : Педагогика, 1982. 704. С.

Козлова, А. Г. (1997) За педагогикой ненасилия — будущее. СПб. : Barcodes Production Ltd. 63 с.

Корчак, Я. (1991) Педагогическое наследие. М. : Педагогика. 272 с.

Корягина, И. И., Маралов, В. Г., Ситаров, В. А. (2018) Сравнительная характеристика позиций взаимодействия у студентов-медиков и студентов — будущих специалистов сферы психолого-педагогического сопровождения // Образование и наука. Т. 20. № 5. С. 79–104. DOI: 10.17853/ 1994-5639-2018-5-79-104

Ледянкина, Е. В. (2010) Педагогическое обеспечение воспитания позиции ненасилия у младших школьников : дис. ... канд. пед. наук. Казань. 243 с.

Липман, М. (1995) Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия // Вопросы философии. № 2. С. 110–121.

Маралов, В. Г. (2009) Педагогика ненасилия в практике детского сада. М. : Сфера. 128 с.

Маралов, В. Г. , Романюк, Л. В.(2018) Влияние чувствительности к человеку на принятие позиций взаимодействия студентами // Знание. Понимание. Умение. № 3.

Педагогика мира: история, теория, практика(1990). Вып. 1. Центр педагогики мира при советском комитете движения «Педагоги за мир и взаимопонимание» М. 271 с.

Семлен, Ж. (1990) Выход из насилия // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М. : Прогресс. С. 76–85.

Роджерс, К. (1994) Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. : Прогресс. 233 с.

Швейцер, А. (1990) Благоговение перед жизнью как основа этики миро- и жизнеутверждения // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М .: Прогресс. С. 328–350.

Danesh, H. B. (2008) The Education for Peace integrative curriculum: concepts, contents and efficacy // Journal of Peace Education. Volume 5. Issue 2. Pp. 157–174.

Hallak, M. (2002) Nonviolence training program evaluation (online). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=5253151

Johnson, D. W. & Johnson, R. T. (2010) Essential Components of Peace Education. Pp. 280–292 | Published online: 24 Jun 2010. URL: https://doi.org/10.1207/s15430421tip4404_2

Maralov, V. G., Sitarov, V. A. (2018) Person-oriented irritability, social and educational stereotypes as factor of adopting controlling or non-aggressive position by students // International Journal of Pharmaceutical Research and Allied Sciences. Т. 7. № 2. С. 74–85.

Perry, B. D. (2001) Raising a nonviolent child: developing self-regulation //

Scholastic Parent & Child. Vol. 9. No 3. Pp. 25–27.

Smith, M. A. (2002) Development and implementation of a nonviolent education curriculum to reduce incidences of violence in middle school youth (online). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=5337734

Spears, S. C. (1977) Freedom’s children: fifth graders’ perceptions of the effects of peace education in the form of kingian nonviolence (online). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=8878206

Wilson, M. G. (2000) A conflict management module based on the kingian principles of nonviolence: a strategy for reducing violence (Martin Luther King, JR.) (online). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=5478087

Zembylas, M., Bekerman, Z. (2013) Peace education in the present: dismantling and reconstructing some fundamental theoretical premises // Journal of Peace Education. Т. 10. № 2. Pp. 197–214. DOI: 10.1080/17400201.2013.790253

Ситаров Вячеслав Алексеевич — заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета, доктор педагогических наук, профессор.

Романюк Лариса Валерьевна — проректор по научной работе Московского гуманитарного университета, доктор педагогических наук, профессор.

Маралов Владимир Георгиевич — профессор кафедры психологии Череповецкого государственного университета, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Иррациональность происходящего и кризис гуманитарной науки

Л. В. Романюк
Московский гуманитарный университет

Статья посвящена проблеме кризиса гуманитарного знания, все более отдаляющегося от идей прогресса, творческого разума, общечеловеческих ценностей, составляющих особую совокупность знаний на протяжении истории человечества.

Ключевые слова: гуманитарная наука; кризис высшего образования; конкурентоспособность российских вузов

Современный мир вступил в эпоху неопределенности и глобального распада традиционных ценностей, в которой происходят необратимые трансформации, все более уменьшающие шансы на разумное и поступательное развитие, на гарантированное будущее. Все большее число ученых, мыслителей и простых здравомыслящих людей задаются вопросом — сможет ли выжить само человечество в ближайшей перспективе? Ощущение цивилизационного предела, конца истории, нарастает в культуре. В сознании современного человека исчезает сама вера в возможность прогресса, а время свершений и надежд проходит, надвигаются времена сознание «угроз», «вызовов», «катаклизмов» и «бесконечных концов».

Отечественный философ, исследователь И. М. Ильинский еще в 2002 г., обращаясь к этим жгучим проблемам нашего времени, написал свою фундаментальную работу «Образовательная революция», вступление к которой он назвал «абсурд происходящего». Главные причины кризиса человечества — по мнению ученого — находятся «… в тех общественных идеалах, на которых строились современные социально-политические системы. Эти системы породили пропасть между прогрессом культуры материальной и культуры духовной — культуры в подлинном ее значении — и оказались не в состоянии ее преодолеть» (Ильинский, 2002).

Прошло уже более 15 лет, однако пропасть абсурда только расширилась. Из сферы социально-политической он перекочевал в сферу культуры, образования и достиг психической сферы, увеличив уже пропасть в сознании. На смену неосознанности происходящего, в головах людей укореняется иррациональность происходящего как

норма мировоззрения, как намеренная и целенаправленная легализация патологии жизни в перевернутом сознании.

Сегодня уже ясно одно — мир прежним уже не будет, его ждут системные сдвиги и новые потрясения. Но каков будет выход из этих потрясений и существует ли такой выход? Этот вопрос волнует многих и ответ на него может дать только само человечество, точнее гуманитарная человеческая мысль, опирающаяся на совокупный разум, опыт и волю к жизни людей, имеющих ясное сознание происходящего.

Формированием ясной, осознанной и целостной картины действительности во все времена занималась система образования, вооруженная знаниями и опытом гуманитарной науки. Именно в лоне этой науки накапливался тот бесценный педагогический опыт, который вел человечество к новым свершениям и прогрессу, к процветанию культуры и Разума. Не стоит забывать, что своими достижениями цивилизация обязана тем людям, которые разными путями прошли серьезную школу воспитания, сознательной жизни и приобщения к общечеловеческим ценностям. Их сознание сумело воспринять и осмыслить картину действительности, а воля и разум преобразовать ее в тех лучших творениях и плодах деятельности, которые составляют бесценное совокупное наследие человечества.

Между тем, сегодня возникает совершенно иная ситуация — картина реальности у людей формируется, но образование и гуманитарная наука (равно как и другие воспитательные институты) имеют к этому весьма отдаленное отношение. Педагогический опыт стирается в современной культуре, гуманитарные знания не дают базовых моделей мировоззрения и поведения современным молодым поколениям, а традиционные образовательные и воспитательные институты активно выводятся из игры, и в «схватке за будущее», за умы и сознание молодежи им отводится не самая главная роль.

Однако, это отнюдь не означает, что формирование людей и их сознание оставлены без присмотра. В современном обществе в борьбе за влияние на умы и сознание новых поколений (как, впрочем, и всех людей) на первый план выдвигается массовая культура, продвинутая средствами новейших масс-медиа и информационно-коммуникационных технологий. Именно в данной культуре сегодня происходит реальное формирование и моделирование той картины происходящего, которая далека от полноценного осознания и пони-

мания миллионами неискушенными в жизни пользователями, участниками различных сетевых сообществ и других виртуальных ниш удаленной социальности.

В связи с этим возникает проблема повышения воспитательно — формирующего потенциала гуманитарной науки и высшей школы как реальных субъектов социализирующей практики в непростых условиях девальвации образования и традиционных воспитательных институтов на фоне нарастающего информационного влияния массовой культуры и нетрадиционных форм социализации.

Тема кризиса гуманитарной науки и высшего образования не остается в эпицентре общественного сознания (Розин, 2007). Обращаясь к проблемам высшей школы, авторы отмечают снижение ее цивилизационного потенциала как проводника идей гуманизма и демократии, вымывание духа академичности, универсальности знаний и ослабление культурной идентичности университета в рамках западного неолиберального проекта (Ридингс, 2010). В текущий период институт высшей школы как никогда приблизился к массам и в тоже время отдалился от личности. Как емко подметил И. М. Ильинский: «высшая школа перестала быть высшей» (Ильинский, 2002). В эпоху углубляющейся неопределенности, высшее образование утратило селективную функцию и стало фактически доступным для подавляющего большинства выпускников школ. Наряду с этим оно постепенно перестает быть элитарным, фундаментальным, личностно-возвышающим, воспитывающим, перестало выполнять роль социального лифта, обрекая современную молодежь на самостоятельное решение своих профессиональных и экзистенциальных проблем. При этом высшая школа все более превращается в подобие образовательного супермаркета на рынке различных образовательных услуг (Ильинский, 2010).

Развитие современного российского вуза в условиях интеграции в мировое образовательное пространство складывается в режиме постоянно нарастающей конкуренции в глобализирующемся образовательном пространстве. Успешный выход отечественных вузов в мировой образовательный процесс сегодня связан с их переходом из состояния догоняющей конкурентности к опережающей конкурентности. Происходящая сегодня «модернизация» отечественного высшего образования не должна осуществляться путем прямого заимствования и насаждения западных стандартов без учета традици-

онно сильных и выигрышных позиций российской высшей школы. В этом режиме догоняющего развития российские вузы, если и смогут быть конкурентоспособными, но все же им трудно будет стать лидерами мирового образования.

В этой связи необходима ориентация на опережающий тип конкурентности, когда модернизация вузовской практики, учитывая мировые тенденции, опирается на сильные стороны отечественной высшей школы и фундаментально-гуманитарные практики построения образовательной и научно-технической сферы, ориентируется на более емкие социокультурные стандарты образовательной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ильинский, И. М. (2002) Образовательная революция. М. : МГСА.

Ильинский, И. М. (2010) Образование в целях оглупления // Знание. Понимание. Умение. № 1.

Ридингс, Б. (2010) Университет в руинах / пер. с англ. М. : ГУ ВШЭ.

Розин, В. М. (2007) Философия образования: этюды-исследования. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК.

Романюк Лариса Валерьевна — проректор по научной работе Московского гуманитарного университета, доктор педагогических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (*Н. И. Ильинская*) III

Лебедев М. А. **Пагуошское движение и социальная ответственность ученых 3**

Фурсов А. И. **Капитализм, будущее мира и планы закрытых наднациональных структур глобалистов (на примере проблематики обсуждения на Туринской встрече Бильдербергского клуба 7–10 июня 2018 г.) 14**

Гринченко С. Н. **Коэволюция и цивилизационные переломы в метаэволюционирующем информационном обществе: кибернетическое представление 33**

Тищенко П. Д. **Концепция антропогенных фазовых переходов Б. Г. Юдина 44**

Кондаков И. В. **Новые горизонты современной глобалистики 49**

Луков Вал. А. **Универсальный эволюционизм Н. Н. Моисеева и биосоциология молодежи: единство оснований 54**

Карпухин О. И. **Культурная политика России в контексте парадигмы «догоняющего развития» 62**

Макаревич Э. Ф. **Коммуникационная составляющая повседневной культуры в СССР в эпоху создания ядерного оружия и электронно-вычислительных комплексов 81**

Астафьева О. Н. **О фрактальных горизонтах будущего культуры 92**

Урсул А. Д. **Феномен инфляционной футуризации: концептуальная гипотеза 102**

Киричёк П. Н. **Журналистика в периметре культуры 113**

Воронин А. А. **Секрет и тайна: «потаенность техники» М. Хайдеггера в контексте нейрореволюции 122**

Костина А. В. **Культура как мир конвенций и условие общенационального единства на основе единства ценностей 124**

Шевченко С. Ю. **Дивергенция социогуманитарных ориентиров развития конвергентных технологий 135**

Сурова Е. Э. **Мобильная повседневность: следы и координаты реальности 140**

Бирич И. А., Новиков Ю. Ю. **Академики Н. Н. Моисеев и Л. В. Лесков о перспективах устойчивого развития планеты 150**

Флиер А. Я. **Культура как фактор глобальной безопасности: авторская интерпретация нормативной теории культуры 158**
Ковалева А. И. **Сетевая идентичность как проблема успешности социализации личности 168**
Ламажаа Ч. К. **Границы этнической идентичности 177**
Майленова Ф. Г. **Исследование возможных этико-социальных последствий развития трансплантологии: надежды и опасения (на примере анализа современного кинематографа) 184**
Гайдин Б. Н. **Наследие Шекспира и современность: экология культуры 195**
Путрик Ю. С. **Геокультурная матрица российской цивилизации как инструмент туристского развития регионов 202**
Григорьева Т. И. **Применение концепций умного города в стратегии развития туризма 210**
Селиверстова Н. А. **К методологии исследования информального образования молодежи 218**
Солнышкина М. Г., Бурлаченко Е. С. **Социокультурная среда социализации детей с особенностями развития на базе школы «Возможность» 223**
Шапинская Е. Н. **Экзистенциальный Другой в культуре постсовременности 229**
Гуров О. Н. **Феномен здорового образа жизни и его рефлексия в современной российской культуре 242**
Башина О. Э., Царегородцев Ю. Н. **Государственное управление процессами внутренней миграции 250**
Трунцевский Ю. В. **Понятие и виды антикоррупционных технологий социального контроля 256**
Крылова Е. Б. **Внедрение продуктов цифровой экономики в банковской деятельности: преимущества и социально-экономические последствия 261**
Царегородцев Ю. Н., Башина О. Э. **Креативный менеджмент и научно-техническая политика организации: единство и противоречия 266**
Алехина Т. А. **Социально-психологические особенности отношения к изменениям климата в разных странах: обзор кросскультурных исследований 273**
Буренин С. Н. **Синергетический подход к обучению в университете на базе системы Moodle 281**

Гарбузняк А. Ю. **Медийное событие в эпоху постправды 285**
Салистая Г. С. **Социализация российских подростков в информационном обществе 289**
Ситаров В. А., Романюк Л. В., Маралов В. Г. **Проблема воспитания подрастающего поколения в духе мира и ненасилия в современной психолого-педагогической науке и практике 294**
Романюк Л. В. **Иррациональность происходящего и кризис гуманитарной науки 307**

Научное издание

МОИСЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

КУЛЬТУРА И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Доклады и материалы
Всероссийской научной конференции

Москва, 26 июня 2018 г.

под ред. А. В. Костиной, Вал. А. Лукова

Подписано в печать 5.08.2018 г. Формат 60 × 84 1/16.
Печ. л. 20,00. Тираж 500. Заказ № __.
Издательство Московского гуманитарного университета
Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5.